

400 лет ДОМУ РОМАНОВЫХ

ВРАЧИ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

или Как лечили царскую семью

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

РОССИЙСКОГО
ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА

И. ЗИМИН

400 лет Дому Романовых

Игорь Зимин

**Врачи двора Его Императорского
Величества, или Как
лечили царскую семью.
Повседневная жизнь Российского
императорского двора**

«Центрполиграф»

УДК 614.2
ББК 5г

Зимин И. В.

Врачи двора Его Императорского Величества, или Как лечили царскую семью. Повседневная жизнь Российского императорского двора / И. В. Зимин — «Центрполиграф», — (400 лет Дому Романовых)

ISBN 978-5-227-06879-8

Доктор исторических наук, профессор Игорь Викторович Зимин представляет очередную книгу из серии «Повседневная жизнь Российского императорского двора». Стремясь к всесторонности в своем исследовании, автор пытается осмыслить не только чисто врачебные аспекты, но и связь состояния здоровья монархов с историческим процессом. В части медицины Игорь Зимин привлек в качестве экспертов ведущих специалистов, поэтому перед читателями предстанет не просто житейское описание хворей и их пользования, но и взвешенная оценка того или иного случая с точки зрения современной науки. Структура книги отличается от структуры предыдущих книг серии. Она построена в форме вопросов и ответов. Вопросы предлагали автору студенты, историки, врачи, читатели. А уж ответы Игорь Зимин постарался дать как можно более исчерпывающими, не избегая ни неудобных вопросов, ни подчас щекотливых тем. Подобных исследований в нашей исторической литературе еще не встречалось.

УДК 614.2
ББК 5г

ISBN 978-5-227-06879-8

© Зимин И. В.
© Центрполиграф

Содержание

Введение	9
Глава I	12
Работали ли семейные врачи в императорских резиденциях	13
Кто из придворных врачей лечил в императорских резиденциях многочисленное окружение монарха	14
Как велось наблюдение за состоянием здоровья первых лиц	15
Насколько закрытой являлась информация о состоянии здоровья монарха в случае его заболевания	16
Когда появились официальные медицинские бюллетени, в которых подданных начали информировать о состоянии здоровья или причинах смерти монарха	20
Информировались ли подданные о медицинских обстоятельствах, приведших к смерти монарха	25
Допускались ли лейб-медиками диагностические ошибки при оценке состояния здоровья первых лиц Империи	28
Составлялись ли обязательные ныне истории болезни (скорбные листы) высокородных пациентов	32
Существовал ли протекционизм при назначении на должности придворных лейб-медиков	34
Всегда ли карьера семейного врача первого лица была стабильной и успешной	37
Участвовали ли врачи первых лиц в придворных интригах, и насколько значительным было их политическое влияние	38
Подвергались ли семейные врачи первых лиц каким- либо преследованиям, связанным с их профессиональной деятельностью	41
Кто занимался лечением императрицы Елизаветы Петровны после отставки Лестока	43
Бывали ли нарушения дисциплины в Придворной медицинской части	45
Кто из придворных врачей лечил Екатерину II	46
Почему при Екатерине II в иерархии придворных медицинских должностей на короткое время появилась должность камер- медика	54
Какое заболевание стало главной причиной смерти Екатерины II	57
Кто занимал должности лечащих врачей Павла I	63
Кто занимал должность домашнего врача Александра I	65
Как врачи оценивали состояние здоровья Александра I	72
Кто лечил императрицу Елизавету Алексеевну	75
Кто лечил Николая I и членов его семьи	77
Каково было состояние здоровья Николая I, и если он болел, то какие заболевания его беспокоили	83
О каких недомоганиях супруги упоминает в записной книжке Николай Павлович в 1822–1825 гг	90
Почему имя лейб-медика консультанта М. М. Мандта стало символом «врача-отравителя»	93

Правда ли то, что Николай I отравился в феврале 1855 г	100
Кто выполнял обязанности домашнего врача Александра II	104
Лечились ли российские императоры в каких-либо медицинских клиниках	110
Кто выполнял обязанности домашнего врача Александра III	117
Кто еще из медиков был близок к семье Александра III	121
Правда ли то, что Александр III был алкоголиком	124
Кто выполнял обязанности домашнего врача в семье Николая II	128
Правда ли то, что Николая II оперировали после покушения на него в Японии	137
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Игорь Зимин
Врачи двора Его Императорского
Величества, или Как лечили царскую семью
Повседневная жизнь Российского
императорского двора

© Зимин И. В., 2016
© ООО «Рт-СПб», 2016
© «Центрполиграф», 2016

Введение

Для любого политика фактор здоровья является важнейшей частью его политической биографии. Совершенно очевидно, что только здоровый, эмоционально устойчивый человек может выдерживать напряженный график лидера страны, по определению связанный с бесконечными стрессовыми ситуациями.

В России с ее традициями персонифицированной власти эта медицинская составляющая всегда была особенно значима вне зависимости от того, как именовались первые лица страны: цари, императоры, генеральные секретари или президенты, поскольку здоровье главы государства не является его личным делом, а становится важнейшим фактором государственной стабильности. Примером тому политические реалии времен «поздних» Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко и Б. Н. Ельцина, когда личные медицинские проблемы лидеров переросли в проблемы политического характера.

Проблема взаимоотношения медицины и власти в ее политико-психологическом аспекте не носит узко национального характера, а является проблемой интернациональной. Ее суть определяется сложившимися или складывающимися традициями передачи власти, моделью самой политической системы, существующей в обществе в тот или иной отрезок исторического бытия. При этом врачи неизбежно и объективно входят в «ближний круг» общения с властью имущими, так как по роду своей деятельности они посвящены в самые интимные тайны, связанные со здоровьем своего «хозяина».

Очевидно, что для политика состояние здоровья является важной составляющей как его политического облика, так и характера его деятельности. Об этом неоднократно писали медики, связанные с сильными мира сего. Например, Е. И. Чазов, который почти два десятка лет возглавлял «Кремлевку» – 4-е Управление Министерства здравоохранения СССР, писал, что это «очень важный участок: здесь хранятся самые сокровенные тайны руководства страны и его окружения – состояние их здоровья, прогноз на будущее, которые при определенных условиях могут стать оружием в борьбе за власть».¹ Подчеркну, что эта цитата вполне применима как к эпохе деятельности Аптекарского приказа XVI–XVII вв. или Придворной медицинской части XIX–XX вв., так и ко дню сегодняшнему.

---

¹ Чазов Е. Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». М., 1992. С. 17.

Проф. Б. Г. Лукичев и проф. И. В. Зимин на совместном заседании СНО кафедр преподавания внутренних болезней и истории Отечества ПСПбГМУ им. акад. И. П. Павлова

Профессиональная этика медиков обуславливает их крайнюю немногословность в общении с окружающими именно по профессиональным вопросам, кроме того, в этих структурах всегда действовали особые инструкции, жестко регламентировавшие поведение врачей, круг их знакомств.² Собственно, этим во многом объясняется скудость массива медицинских данных, которые позволили бы уверенно судить о том или ином заболевании первого лица.

Следует иметь в виду, что и для западных политиков проблемы, связанные со здоровьем, являются, безусловно, политически значимым фактором, влияющим на их политическую деятельность. При этом существующие демократические традиции и прецеденты позволяют объективно информировать общественное мнение о состоянии здоровья политических лидеров этих стран. Академик Е. И. Чазов пишет: «Демагогией пронизаны заявления, что обсуждать их (проблемы здоровья. – И. З.) в ходе предвыборной борьбы или при назначении в исполнительные органы несовместимо с моралью и принципами свободы личности».³

Наряду с этими, достаточно общими рассуждениями, следует сказать несколько слов, предваряющих содержание книги. Во-первых, сведения о заболеваниях монархов очень часто носят фрагментарный характер, поэтому определение характера заболевания даже совместными усилиями врачей и историков носит вероятностный характер. Во-вторых, разделение в главах книги врачей на нефрологов, кардиологов, педиатров и проч. носит условный характер, поскольку узкие медицинские специализации формировались в России в разное время, при этом большая часть из них – во второй половине XIX в. Поэтому об одних и тех же врачах речь идет в разных главах. В-третьих, автор-историк счел необходимым обратиться за консультациями к медицинским генералам Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И. П. Павлова. Их бесценные советы и консультации позволили уточнить многие позиции, связанные с различными заболеваниями первых лиц Российской империи, поэтому их имена как научных консультантов обозначены в начале каждой главы. В-четвертых, при подготовке книги автор опирался на историографические наработки

---

² См.: Мошенцова П. Тайны кремлевской больницы. Записки хирурга. М., 1998.

³ Чазов Е. Здоровье и власть. С. 135.

коллег, историков и врачей, занимавшихся этой проблематикой.⁴ В-пятых, многочисленные детали, интересные далеко не всем, помещены в сноски, поскольку они перегружали текст. В-шестых, представленный текст только отчасти носит историко-медицинский характер, поэтому очень многие вопросы, безусловно, важные для истории медицины, опущены или прослежены пунктиром. В-седьмых, книга построена в виде ответов на вопросы, которые часто задавали автору студенты, коллеги-историки, врачи, телевизионщики и читатели моих книг, посвященных повседневности Российского Императорского двора. Эти вопросы очень разные (есть и «неудобные»), но я счел для себя возможным постараться ответить на них.

Еще раз хочу выразить благодарность коллегам по работе в 1-м ЛМИ (ПСПбГМУ им. акад. И. П. Павлова), которые не раз помогали не только в работе над текстом этой книги, но и в пиковых жизненных ситуациях.

---

⁴ Наиболее значимыми для исследования были книги и статьи Ю. А. Молина (Тайны гибели великих. 1997; Читая смерти письма. 1999; Романовы: Путь на Голгофу. Взгляд судебно-медицинского эксперта. 2002; Романовы: забвение отменяется. 2005), Б. А. Нахапетова (В попечении о государевом здравии: лейб-медики российских императоров. 2003; Тайны врачей Дома Романовых. 2005) и коллективная монография под редакцией Г. Г. Онищенко «Медицина и императорская власть в России» (М., 2008).

Глава I

Кто выполнял обязанности семейных врачей российских монархов⁵

В дворянской среде имелась прочная традиция, предполагавшая наличие при семье врача, десятилетиями лечившего домочадцев от всех болезней. Такой врач, знавший многие семейные тайны, со временем становился почти членом семьи.

---

⁵ Научный консультант главы – профессор кафедры пропедевтики внутренних болезней с клиникой ПСПбГМУ им. акад. И. П. Павлова доктор медицинских наук Б. Г. Лукичев.

Работали ли семейные врачи в императорских резиденциях

Это была давняя и по-человечески понятная традиция, которая в России сохранялась очень долго не только в аристократической среде, но и среди состоятельных мещан. Эти врачи лечили всю семью монарха от различных возрастных и сезонных болячек, прекрасно зная анамнез каждого из своих «штучных» пациентов. Когда по тем или иным причинам у членов императорской семьи появлялись серьезные или «специализированные» болезни, семейный врач приглашал в резиденцию узких специалистов. Обычно семейные врачи жили в тех же резиденциях, в которых «квартировали» их подопечные.⁶ В силу своей должностной привязанности к семье первого лица они, как правило, не занимали больших медицинских должностей, но при этом в материальном и бытовом плане были устроены хорошо. Семейный врач, как правило, занимал свою должность десятилетиями, следя за состоянием здоровья подчас нескольких поколений членов императорской семьи.⁷

---

⁶ Например, врач императрицы Марии Федоровны (супруги Павла I) лейб-медик И. Ф. Рюль квартировал на третьем этаже Зимнего дворца. Там же располагалась квартира врача Александра I лейб-медика Я. В. Виллие, а во Фрейлинском коридоре находилась квартира лейб-медика Николая I В. П. Крайтона.

⁷ Примером такого профессионального долголетия является карьера лейб-хирурга Г. И. Гирша, занимавшего должность семейного врача Александра III и Николая II с 1866 по 1907 г., то есть 41 год.

Кто из придворных врачей лечил в императорских резиденциях многочисленное окружение монарха

Состояние здоровья слуг, фрейлин и других многочисленных придворных контролировали гофмедики. Сфера ведения гофмедиков определялась инструкцией «О врачебном присмотре при Высочайшем дворе», составленной в 1818 г.

Семейный врач императора Александра I Я. В. Виллие в докладной записке (1818 г.) писал, что для «приведения в порядок врачебного примотра, как на дежурстве при Высочайшем дворе, так и при посещении пользовании больных Придворных чинов на их квартирах»,⁸ необходимо соблюдать некие правила: при ежедневном дежурстве врачей при Высочайшем дворе «смена дежурного при дворе врача должна быть ежедневная в первом часу пополудни»; при дежурном враче должны находиться «два лекарских ученика, которые так же должны иметь при себе как кровопускательный, так и фельдшерский хирургический карманный набор и бандаж»; если у дежурного врача возникнет необходимость пригласить акушера, дантиста, окулиста, костоправа или мозольного лекаря, то «дежурный имеет право пригласить их, каковому приглашению должны они беспрекословно следовать» и проч. Александр I лично утвердил эту инструкцию.

Если Императорский двор переезжал в пригородные резиденции, дежурство гофмедиков переносилось в эти резиденции. Этот порядок был установлен в 1847 г. Тогда министр Императорского двора, предписывая организовать суточные дежурства гофмедиков, писал из Петергофа руководству Придворной медицинской части: «...иметь здесь на дежурстве одного из гофмедиков, для подания помощи придворным чинам и служителям».⁹ Для этого составили посменный график дежурств гофмедиков, которых доставляли в Петергоф на придворных пароходах. В следующем, 1848 г. «по примеру прошлого года... для подания помощи в случае болезни» было установлено ежедневное посменное дежурство одного из дежурных гофмедиков. Всего таких дежурств в Петергофе за сезон 1848 г. было 48.¹⁰

---

⁸ РГИА. Ф. 519. Оп. 1. Д. 401. Л. 1. О врачебном присмотре при Высочайшем дворе. 1818 г.

⁹ РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 291. Л. 1. Об учреждении в Петергофе Врачебного дежурства на время пребывания там Высочайшего двора. 1847 г.

¹⁰ Там же. Д. 342. Л. 1. Об учреждении в г. Петергофе и в Царском Селе врачебного дежурства на время Высочайшего там присутствия в 1848 г.

Как велось наблюдение за состоянием здоровья первых лиц

Наблюдение за состоянием здоровья монарха являлось главной обязанностью семейного врача императорской семьи. Эта практика, сложившаяся еще в период Московского царства, оставалась неизменной вплоть до 1917 г. Кроме того, «прикрепленные» врачи имелись не только у первого лица, но и у остальных членов императорской семьи.

Например, записные книжки будущего Николая I, охватывающие период с 1822 по 1825 гг., свидетельствуют, что его домашний врач В. П. Крайтон¹¹ каждое утро находился среди лиц, с которыми великий князь начинал свой рабочий день. Так же В. П. Крайтон был последним из тех, с кем виделся Николай Павлович, отходя ко сну. Записи, в которых лаконично указывалось: «Крайтон уходит, лег», повторяются почти ежедневно. Если возникала необходимость, то домашний врач постоянно находился рядом с заболевшим пациентом. Если Николай Павлович уезжал в командировку, то В. П. Крайтон сопровождал его или, по ряду причин оставшись в Аничковом дворце, регулярно информировал великого князя о состоянии здоровья домочадцев.

Такой же порядок ежедневного наблюдения действовал и в отношении наследника престола, будущего Александра II, в 1840–1850-х гг. Дворцовые легенды свидетельствуют, что его домашний доктор И. В. Енохин каждое утро пил с наследником кофе. Когда после восшествия Александра II на престол в феврале 1855 г. И. В. Енохин не пришел к утреннему кофе, нарушив многолетнюю традицию, «Государь немедленно поинтересовался: “Где Енохин?”. Ему отвечают: “Дождается в прихожей”. Император: “Позвать его!”. Енохин тут же явился. Император: “Зачем ты не велел о себе доложить?”. Енохин: “Не смел, Государь. Я имел счастье каждое утро пить кофе с цесаревичем, но к государю моему без приказания явиться не смею”. Это очень понравилось Александру II, и он велел Енохину сесть с собой и пить кофе. С тех пор по утрам Енохин пил кофе с императором с глазу на глаз и мог говорить с ним, о чем вздумает».¹² Впоследствии утренние визиты Александру II наносил лейб-медик С. П. Боткин.

О том, что такой порядок мониторинга состояния здоровья первого лица являлся некоей константой, свидетельствуют и воспоминания И. Соколова, ассистента лейб-медика Н. Ф. Арендта. Мемуарист пишет, что во времена Николая I они «обязаны были являться к Государю к 7–8 часам утра, когда приготавливали чай или кофе, и в это время обыкновенно завязывался не служебный, а простой разговор».¹³ Можно констатировать, что ежедневные или периодические визиты врачей были включены в еженедельный рабочий график российских императоров.

---

¹¹ Крайтон (Крейтон) Василий Петрович (1791–1861) – действительный статский советник (1837 г.), лейб-медик; племянник лейб-медика Александра Крайтона (1763–1856); на русской службе с 1811 г.; участник кампаний 1813–1814 гг. на Кавказе; с 1814 г. – штаб-лекарь л. – гв. Преображенского полка; лейб-медик с 1816 г. великого князя Николая Павловича, после 1825 г. – императора; член Медицинского совета Министерства внутренних дел; с 1837 г. – в отставке.

¹² URL: <http://funeral-spb.ru/necropols/novodev/enokhin/>.

¹³ Соколов И. Воспоминания о Государе Николае Павловиче // Русский архив. 1886. Кн. 1. С. 211.

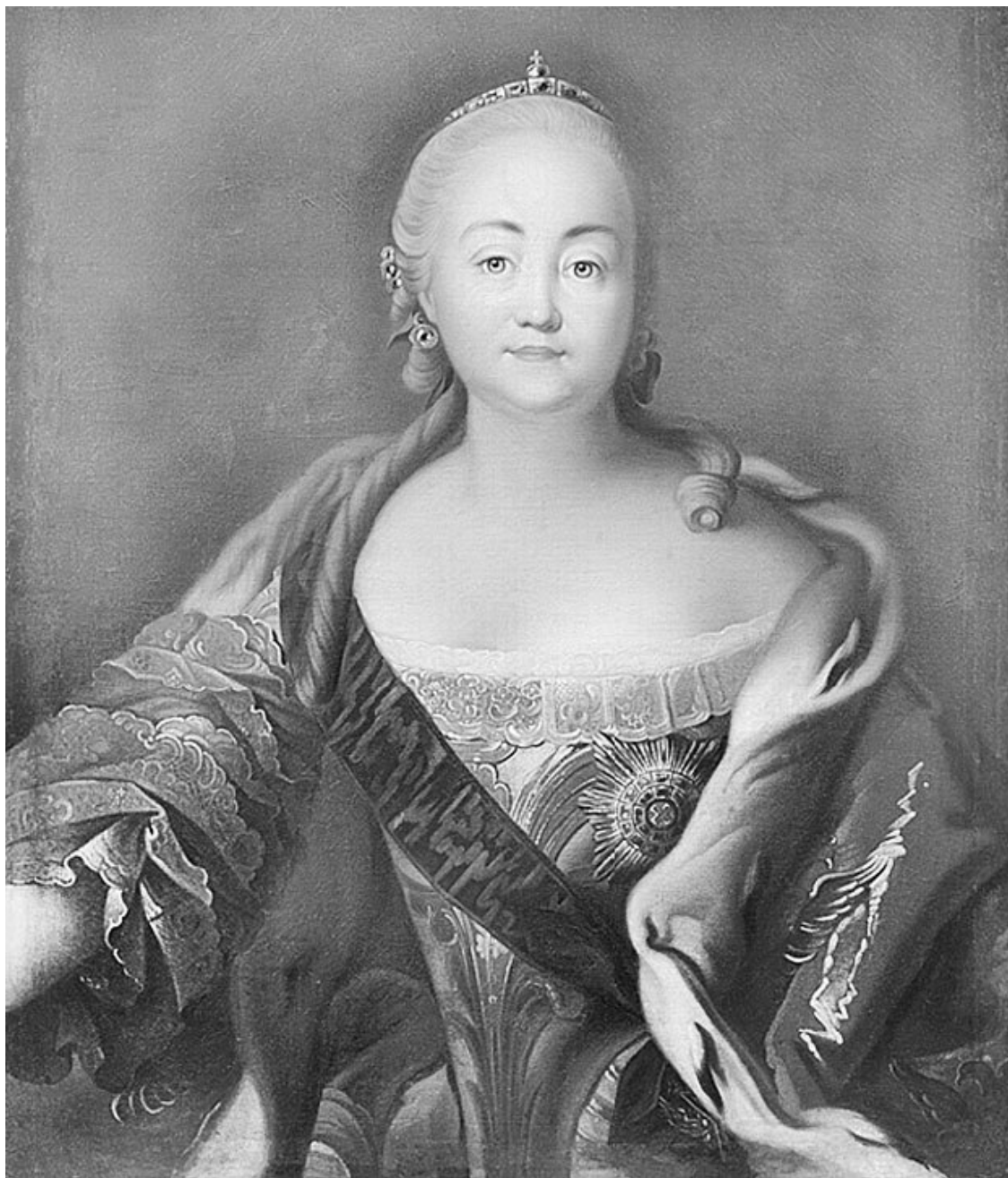
Насколько закрытой являлась информация о состоянии здоровья монарха в случае его заболевания

Подобная информация всегда была либо строго дозированной, либо полностью закрытой. Но при этом имелись и нюансы. Так, в XVIII в. подобная информация носила абсолютно закрытый характер. Даже на малейший интерес к заболеванию первого лица могла последовать самая жесткая реакция. Например, когда зимой 1748/49 гг. в Москве заболела императрица Елизавета Петровна («сильные колики»), то об этом будущей Екатерине II, шепотом сообщил ее камердинер, как она вспоминала, «убедительно прося меня никому не говорить о том, что они мне сказали. Не называя их, я предупредила великого князя, что его сильно встревожило».

Те, кто имел доступ в покои Елизаветы Петровны, делали вид, что ничего не происходит, и молодой двор также не смел спрашивать о заболевании императрицы, «следовательно, и не смели послать узнать, как здоровье императрицы, потому что, прежде всего, спросили бы, как и откуда и через кого вы знаете, что она больна, а те, которые были бы названы или даже заподозрены, наверное, были бы уволены, сосланы или даже отправлены в Тайную канцелярию, государственную инквизицию, которой все боялись пуще огня». Только когда Елизавета Петровна пошла на поправку, «графиня Шувалова¹⁴ первая заговорила со мной об этой болезни, я выразила ей огорчение, которое мне причиняет ее состояние, и участие, какое я в нем принимаю. Она мне сказала, что императрица с удовольствием узнает о моем образе мыслей по этому поводу». В XIX в. Интерес подданных к состоянию здоровья монарха, как правило, удовлетворялся при посредстве официальных медицинских бюллетеней.

---

¹⁴ Шувалова Мавра Егоровна (1708–1759, урожд. Шепелева) – статс-дама императрицы Елизаветы Петровны, влиятельный член так называемой «шуваловской партии», жена Петра Ивановича Шувалова.

И. П. Аргунов. Портрет императрицы Елизаветы Петровны. Конец 1750-х гг.

А. П. Антропов. Портрет статс-дамы графини М. Б. Шуваловой. Конец 1750-х гг.

Г. К. Гроот. Портрет великой княгини Екатерины Алексеевны с веером в руках. 1740-е гг.

Когда появились официальные медицинские бюллетени, в которых подданных начали информировать о состоянии здоровья или причинах смерти монарха

Такие бюллетени начали появляться еще в первой половине XVIII в. Например, когда в марте 1744 г. заболела «лихорадкой от флюса» будущая Екатерина II, то в «Санкт-Петербургских ведомостях» печатались бюллетени о состоянии здоровья невесты наследника российского престола.¹⁵

Вероятно, первым официальным бюллетенем о смерти монарха можно считать «Донесение» лейб-медика Я. Ф. Монсея,¹⁶ опубликованное в прибавлениях к «Санкт-Петербургским ведомостям» 28 декабря 1761 г., после смерти императрицы Елизаветы Петровны: «Еще с прошлого года монархиня подвержена была болезненным припадкам в груди, опухоли в ногах, вообще оказались все признаки завалов в животе. Простуда, последовавшая 17 ноября 1761 года, имела следствием лихорадочные припадки, которые пресеклись 1 декабря. Но с 12 числа того же месяца в 11 часов вчера началась рвота с кровью, которая с великой силой возобновилась и на другое утро в пять часов. Хотя врачи сначала почитали болезнь сию неправильным волнением крови, происходящим от геморроидов, но при кровопущении весьма изумились, находя в крови воспаление. Последнее явление служит им некоторым образом извинением касательно кровопускания, учиненного ими при опухолях в ногах; и на другой день также отворяли кровь, но без всякой ощутительной пользы для страждущей. 22 декабря последовала новая и сильная противу прежнего рвота с кровью, и императрица скончалась 25-го того же месяца в три часа пополудни. Врачи, пользовавшие монархиню в последней болезни ее, были лейб-медики Мунсей, Шиллинг и Крузе».

Судя по всему, главной причиной смерти императрицы стал портальный цирроз печени, связанный, возможно, с пороком сердца и длительной сердечно-сосудистой недостаточностью («опухли в ногах») и осложнившимися смертельными кровотечениями из варикозно-расширенных вен пищевода («рвота с кровью») (Б. А. Нахапетов).

---

¹⁵ «6 марта... флюс изменился в опасный ревматизм с одышкой. Государыня печалилась и сожалела; доктора пеклись неусыпно; больная всегда неусыпную терпеливость оказывала...».

¹⁶ Монсей Джеймс (James Mounsey, 1710–1773) – врач, шотландец, с 1760 г. – лейб-медик Елизаветы Петровны, первый лейб-медик Петра III, директор Медицинской канцелярии. После гибели Петра III вернулся на родину (1763 г.).

Худ. Г. Ф. Шмидт. Лейб-медик Джеймс Монсей. 1762 г.

Первая половина ноги спокойна;
поспал лучше. Новых угрожаю-
щихъ признаковъ нѣтъ; но такъ
же нѣтъ, и еще и быть не можеть
облегченія.

Бюллетень о состояннн здоровья А. С. Пушкина. 1837 г.

2379 21

Сентября 3 дня 10 часовъ утра 1911 года.

Б Ю Л Л Е Т Е Н Ъ

о состояннн здоровья Предсѣдателя Совѣта Министровъ.

Въ состояннн здоровья Статсъ-Секретаря П. А. Столыпина наступило нѣкоторое улучшеніе. Температура 37,0, пульсъ 88, дыханіе 24. Сонъ удовлетворительный. Боли и тошнота меньше. При настоящемъ теченнн болѣзни въ оперативномъ вмѣшателъствѣ надобности не встрѣчается. Профессора: Рейнъ, Цейндеръ, Волковичъ, Малковъ, Яновскій, приватъ-доцентъ Дитрихсъ, докторъ Афанасьевъ.

Бюллетень о состояннн здоровья П. А. Столыпина. 1911 г.

ПРИБАВЛЕНИЕ
къ № 264-му
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ВѢСТНИКА
26-го ноября 1900 года.

БЮЛЛЕТЕНЬ О СОСТОЯНІИ ЗДОРОВЬЯ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Ливадія, 26-го ноября, 11 часовъ утра.

Государь Императоръ провелъ прошедшія сутки вполне хорошо. Температура и пульсъ нормальны. Возстановленіе силъ и вообще выздоровленіе продолжаютъ идти правильно. Всѣ тѣла прибавляется. Измѣненныя подѣ влияніемъ тифознаго процесса органы пришли къ нормѣ.

Лейбъ-хирургъ *Гирш.*
Почетный лейбъ-медикъ *Л. Поповъ.*
Врачъ *Тихонозовъ.*

Старшій помощникъ Главнаго Редактора С. Трубачевъ.

Типографія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Бюллетень о состоянни здоровья Николая II. 1900 г.

В XIX в. медицинская информация о заболевании первых лиц также придерживалась, но уже сложилась практика издания официальных бюллетеней, подписанных лейб-медиками. Эти бюллетени вывешивались в Зимнем дворце и публиковались в газетах. При этом официальные медицинские диагнозы могли совершенно не соотноситься с реальным положением дел, как это было, например, с «диагнозом» о причинах смерти Павла I. Придворные медики при составлении официальных бюллетеней прежде всего отталкивались от того или иного политического заказа, а не от медицинских реалий.

Официальные медицинские бюллетени стали публиковаться и в случае длительных заболеваний первых лиц, как это было зимой 1824 г., когда Александр I серьезно недомогал в результате травмы ноги.

Николай I, системно создававший образ «железного императора», был категорическим противником издания официальных бюллетеней, считая эту информацию исключительной привилегией петербургского бомонда. Например, когда в октябре 1829 г. Николай Павлович заболел, военному генерал-губернатору была направлена информация «о состоянии болезни Государя Императора». ¹⁷ При этом пояснялось, что данные сведения подлежат «объявлению публике, не припечатывая однако ж в Ведомостях». Под «публикой» император имел в виду петербургский бомонд. В последующие дни тексты бюллетеней неизменно носили оптимистичный характер («Голова свежа»; императора «можно считать выздоравливающим»), а 14 ноября сообщалось, что бюллетени «более издаваться не будут», поскольку император выздоровел.

В газетах публиковались бюллетени о ходе лечения Николая I, после того как он сломал ключицу осенью 1836 г. Печатались бюллетени во время болезни цесаревича Александра Николаевича в 1845 г. Официальные бюллетени появлялись и во время скоротечной болезни Николая I в феврале 1855 г.: бюллетени, «по образцу прошлых лет», вывешивали в Зимнем дворце с 17 февраля 1855 г., ¹⁸ а публиковать их начали буквально за день до смерти монарха. ¹⁹

Решение об информировании общественности принималось первыми лицами. Например, издание медицинских бюллетеней о состоянии здоровья Николая II, тяжело заболевшего в 1900 г. тифом, было дозволено только после одобрения императрицей Александрой Федоровной.

---

¹⁷ В записке сообщалось, что «29 октября в 8 часу вечера Его Императорское Величество Государь Император почувствовал озноб, за коим в ночи последовал лихорадочный припадок», по мнению подписавших записку лейб-медиков Рауха и Крайтона, причиной тому была «простудная лихорадка, причиненная двукратною простудою» (см.: РГИА. Ф. 472. Оп. 1. Д. 642. Л. 1. О сведениях, доставленных к Военному Генерал-губернатору о состоянии болезни Государя Императора. 1829 г.).

¹⁸ Военный министр Александра II Д. А. Милютин вспоминал, что «слухи о болезни встревожили весь город, но бюллетени о ходе болезни не печатались, так как Государь не любил подобного опубликования, а доставлялись только особам Царского семейства и выкладывались в приемной Зимнего дворца для лиц, приезжавших осведомиться о состоянии больного. Начали печатать эти бюллетени только с 17-го числа».

¹⁹ Всего было опубликовано 4 бюллетеня.

Информировались ли подданные о медицинских обстоятельствах, приведших к смерти монарха

О кончине монарха народу сообщалось в манифестах. Но далеко не всегда в них имелись даже намеки на медицинские обстоятельства, приведшие к его смерти. Например, в манифесте о кончине Петра I (1725 г.) упоминалось только о «двенадцатидневной жестокой болезни»; в манифесте о смерти Екатерины I (1727 г.) от имени Петра II лаконично сообщалось: «Наша любезнейшая Государыня бабка, от сего временного в вечное блаженство, сего месяца 6 числа о 9-м часе пополудни отъиде». В манифесте, посвященном восшествию на трон Анны Иоанновны, говорилось, что «Великий Государь Петр Второй, Император и Самодержец Всероссийский, болезнующая оспою, генваря от 7 дня от временного в вечное блаженство того же генваря 18 числа, в 1 часу по полуночи отъиде».

Как упоминалось выше, после смерти Елизаветы Петровны (1761 г.), подданных не только проинформировали о факте смерти императрицы, но и сообщили фрагменты из истории ее заболевания. Поэтому, в силу появившегося прецедента, в июле 1762 г., когда император Петр III Федорович был убит²⁰ братьями Орловыми в Ропше, его «безутешная вдова» посчитала необходимым обозначить некие медицинские обстоятельства, приведшие к смерти супруга (7 июля 1762 г.): «В седьмой день после принятия нашего Престола Всероссийского, получили Мы известие, что бывший Император Петр Третий обыкновенным и часто случавшимся ему припадком геморроидическим впал в престестокую колику. Чего ради... тотчас повелели отправить к нему все, что потребно было предупреждению следств из того приключения, опасных в здравии Его, и к скорому вспоможению врачеванием. Но к крайнему Нашему прискорбию и смущению сердца, вчерашнего дня получили Мы другое, что он волею всевышнего Бога скончался».²¹ Заметим, что европейские корреспонденты Екатерины II²² много иронизировали над этим «припадком геморроидическим».

---

²⁰ Наряду с традиционной версией убийства, есть еще несколько причудливых версий о причинах смерти Петра III. В том числе, одна из них – скоротечное заболевание, свидетельством чему сохранившиеся записки Алексея Орлова к Екатерине II: «Матушка Милостивая Государыня, здравствовать вам мы все желаем нещетные годы. Мы теперь по отпуске сего письма и со всюю командою благополучны, только урод наш очень занемог и охватила его нечаянная колика, и я опасен, штоб он сегоднешнюю ночь не умер, а больше опасаясь, штоб не ожил. Первая опасность для того, что он всю здоров говорит и нам его несколько весело, а другая опасность, што он действительно для нас всех опасен для того, што он иногда так отзывается, хотя в прежнем состоянии быть» (2 июля 1762 г.). О насильственном характере смерти Петра III свидетельствует другая записка Алексея Орлова: «Матушка милосердная Государыня! Как мне изъяснить описать, што случилось; не поверишь верному своему рабу, но как пред Богом скажу истину. Матушка, готов иттить на смерть; но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете, но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на Государя. Но, Государыня, свершилась беда: мы были пьяны, и он тоже, он заспорил за столом с князь Федором; не успели мы рознять, а его уже не стало. Сами не помним, што делали; но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебе принес, и разыскивать нечего. Прости меня или прикажи скорее окончить, свет не мил, прогневили тебя и погубили души навек» (см.: *Песков А. М. Павел I. М., 2005*). Оставляя в стороне дискуссию о подлинности последней записки, замечу, что свергнутые императоры долго не живут.

²¹ Электронная библиотека РНБ: <https://vivaldi.nlr.ru/lk000000944/view>; ПСЗ РИ. 1-е изд. № 11599.

²² Сама Екатерина II писала о «медицинских обстоятельствах» гибели супруга: «Страх вызвал у него понос, который продолжался три дня и прошел на четвертый; он чрезмерно напился в этот день, так как имел все, что хотел, кроме свободы. (Попросил он у меня, впрочем, только свою любовницу, собаку, негра и скрипку; но, боясь произвести скандал и усилить брожение среди людей, которые его караулили, я ему послала только три последние вещи.) Его схватил приступ геморроидальных коллик вместе с приливами крови к мозгу; он был два дня в этом состоянии, за которым последовала страшная слабость, и, несмотря на усиленную помощь докторов, он испустил дух, потребовав [перед тем] лютеранского священника. Я опасалась, не отравили ли его офицеры. Я велела его вскрыть; но вполне удостоверено, что не нашли ни малейшего следа [отравы]; он имел совершенно здоровый желудок, но умер он от воспаления в кишках и апоплексического удара. Его сердце было необычайно мало и совсем сморщено» (см.: Императрица Екатерина II. «О величии России». М., 2003).

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ
Императоръ и Самодержецъ
ВСЕРОССИЙСКІЙ,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ НАШИМЪ.

Судьбамъ Вышняго угодно было прекратитъ жизнь любезнаго Родителя НАШЕГО Государя Императора ПАВЛА ПЕТРОВИЧА, скончавшагося скоропоспѣжно апоплексическимъ ударомъ въ ночь съ 11 го на 12 е число сего мѣсяца. Мы воспріемля наследственно Императорскій Всероссийскій Престолъ, воспріемлемъ купно и обязанность управлять Богомъ НАМЪ врученный народъ по законамъ и по сердцу въ Божѣ почивающей Августѣйшей Бабки НАШЕЙ Государыни Императрицы ЕКАТЕРИНЫ Великія, коея память НАМЪ и всему Отечеству вѣчно пребудетъ любезна, да по Ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя достигнемъ вознести Россію на верхъ Славы и доставитъ ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ НАШИМЪ, которыхъ чрезъ сіе призываемъ запечатлѣть вѣрность ихъ къ НАМЪ присягою предъ лицомъ всевидящаго Бога, прося Его да подаетъ НАМЪ силы къ снесенію бремени нынѣ на НАСЪ лежащаго. Данъ въ Санктпетербургѣ Марша 12 го дня 1801 года.

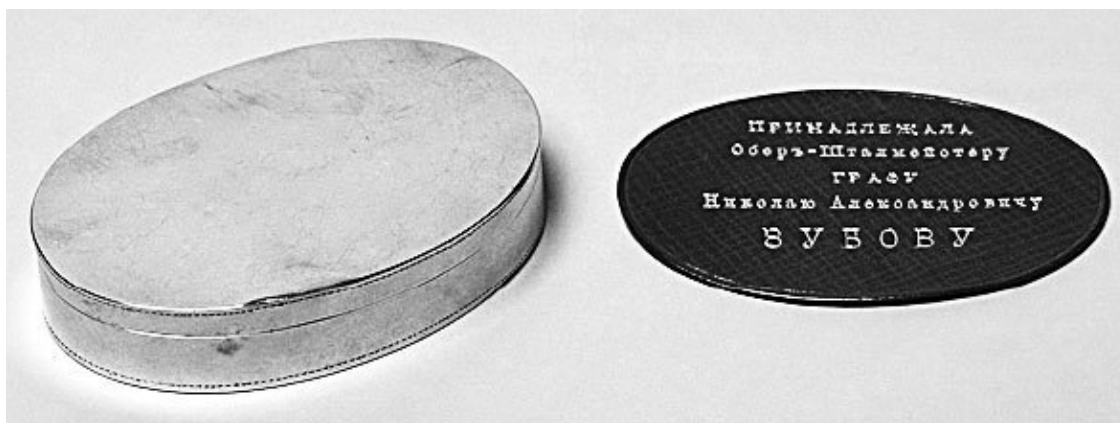
На подлинномъ подписано собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою тако:

АЛЕКСАНДРЪ.

Печатаемъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ Марша 12 дня 1801 года.

Манифест о кончине Павла I. 1801 г.

Золотая табакерка, принадлежавшая графу Н. А. Зубову

Аналогичный манифест за подписью Александра I появился 12 марта 1801 г., сразу после гибели Павла I в Михайловском замке от рук убийц. В документе «медицинский диагноз» был оформлен следующим образом: «Судьбам Вышшаго угодно было прекратить жизнь любезного Родителя Нашего Государя Императора ПАВЛА ПЕТРОВИЧА, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с 11-го на 12-е число сего месяца». Поскольку об обстоятельствах гибели императора было известно очень многим, то по Петербургу немедленно начала ходить шутка, что император умер «апоплексическим ударом табакеркой в висок».²³

---

²³ Сегодня табакерка, принадлежавшая графу Н. А. Зубову, которой по легенде и был нанесен удар в голову Павла I, экспонируется в Государственном Эрмитаже в Соборе Спаса Нерукотворного образа. Но это только устоявшаяся легенда.

Допускались ли лейб-медиками диагностические ошибки при оценке состояния здоровья первых лиц Империи

Как это ни печально, но от диагностических ошибок не застрахованы даже очень хорошие врачи (вплоть до наших дней, при всем современном медицинском оборудовании). Как говорят, у каждого врача есть свое кладбище, только у хороших врачей оно небольшое. Поэтому диагностические ошибки бывали и у лейб-медиков.²⁴

Но чаще лейб-медиков обвиняли в некомпетентности дилетанты на основании досужих разговоров, поскольку в медицине и истории «компетентны» абсолютно все. Так было после смерти Николая I в феврале 1855 г., когда общественное мнение обвинило в «неправильном лечении» императора его врача М. М. Мандта. Так было и после смерти его супруги, императрицы Александры Федоровны, в 1860 г.

В феврале 1858 г. императрица в очередной раз заболела. Благодаря усилиям медиков, кризис был преодолен, но улучшения не последовало, она медленно угасала. 19 октября 1860 г. Александра Федоровна скончалась, 5 ноября тело ее было предано земле в Петропавловском соборе.²⁵

Вскрытие тела императрицы²⁶ провели в Александровском дворце Царского Села 21 октября 1860 г. В протоколе зафиксировано: «Паталогически-анатомическое распознавание сухожильные пятна на сердце суть останки давно бывшего воспаления околосердечной сумки (Pericarditis). Зернистая печень есть болезнь, существующая уже с давнего времени. Непосредственная причина смерти: изнеможение вследствие катарра слизистой оболочки желудка и тонких и начинавшегося застойного процесса в толстых кишках».²⁷ Протокол подписали профессор практической анатомии В. Л. Грубер, лечащий врач императрицы лейб-медик Ф. Я. Карель, лейб-медик М. А. Маркус и министр Императорского двора В. Ф. Адлерберг.

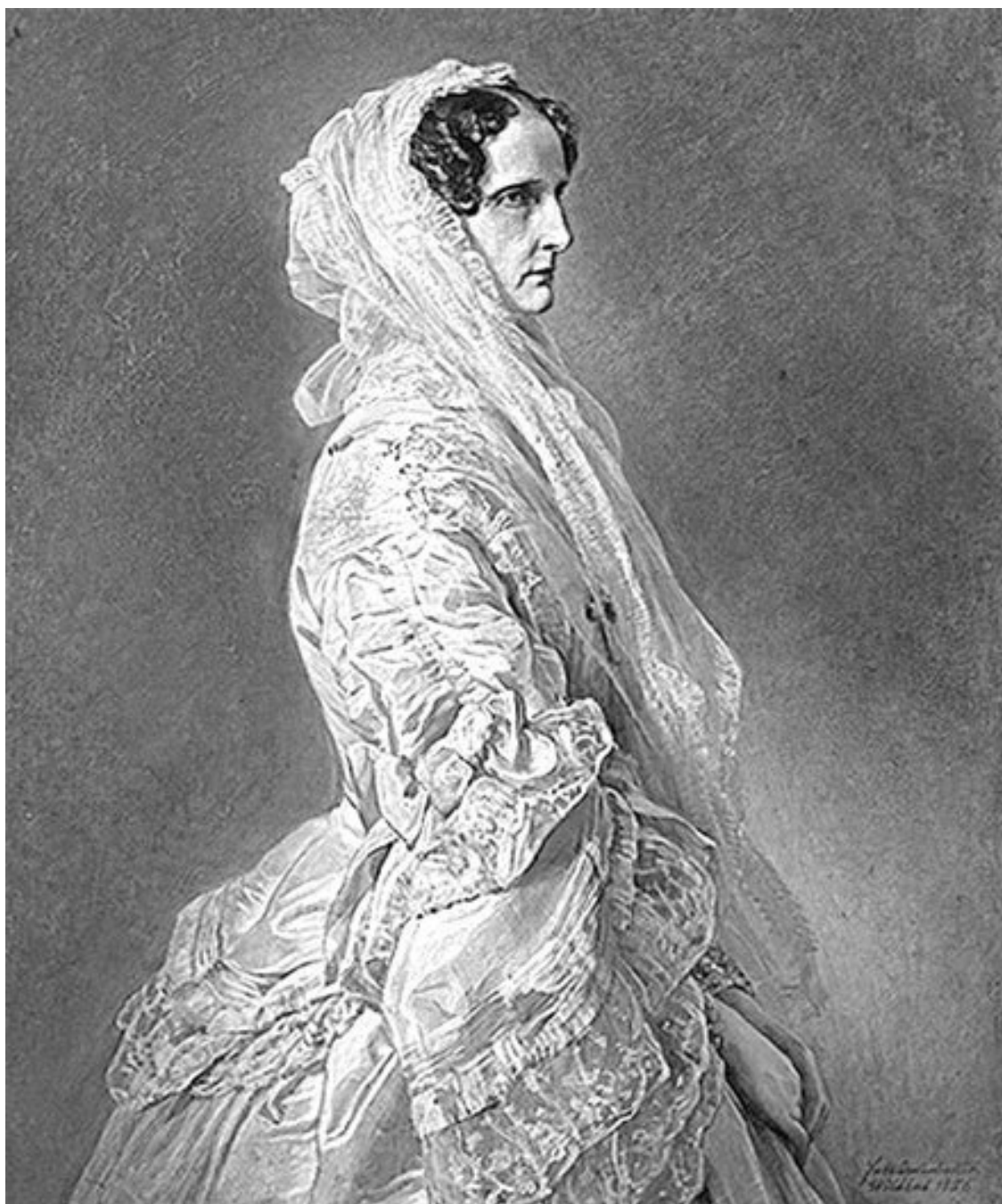
---

²⁴ Собственно, смерть любого высокородного пациента рассматривалась как непосредственная вина врача, вне зависимости от совершения диагностических ошибок. Например, лейб-медик Л. Блюментрост попал под следствие по делу о смерти сестры императрицы Анны Иоанновны, герцогини Екатерины Мекленбургской (14 июня 1733 г.). Его допрашивал в Тайной канцелярии сам граф А. И. Ушаков. Врача оправдали, но тем не менее уволили со всех постов (19 июня 1733 г.) с лишением жалованья лейб-медика и выслали в Москву. После переворота Елизаветы Петровны Л. Блюментроста восстановили в чине действительного статского советника.

²⁵ *Татищев С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1903. С. 271.

²⁶ Императрица Александра Федоровна указала в завещании, чтобы ее тело было вскрыто «ради науки». Впрочем, следуя устоявшемуся со времен Петра I порядку, через процедуру вскрытия проходили все монархи. Так, хотя императрица Мария Александровна (супруга Александра II) попросила не вскрывать ее после смерти, положенная процедура была все же проведена.

²⁷ РГИА. Ф. 468. О. 46. Д. 22. Л. 2 об.

Ф. К. Винтерхальтер. Портрет императрицы Александры Федоровны. 1856 г.

Портрет лейб-медика Ф. Я. Карелля. 1866 г.

После этого, естественно, начались «разговоры», в которых в смерти императрицы обвиняли ее лечащего врача Ф. Я. Карелля. Например, близкая к императрице фрейлина М. П. Фредерикс писала: «По вскрытии тела оказалось, что Императрица Александра Федоровна вовсе не страдала болезнью сердца и легких, как предполагали, – эти органы были совершенно невредимы, – но большая кишка была найдена совсем в плохом состоянии. Несчастный доктор Карель пришел в отчаяние от этой грубой ошибки; она положилась всецело на него, так как пользовавший перед ним Императрицу доктор Мандт постоянно утверждал, что у Ее Величества страдание кишок и что ее периодические биения сердца были только нервным явлением. Поступивший после кончины Николая Павловича к его августейшей вдове лейб-медик Карель стал ее лечить исключительно от сердца и легких. Карель сейчас же после этого

добровольно удалился, его честная, добрая душа не могла перенести такого для него удара; он уехал за границу, где прожил несколько лет, углубившись в науку. Когда Карель возвратился в Петербург, Император Александр II пригласил его опять к себе, в качестве личного, постоянного врача».²⁸

Сегодня, на основании имеющегося протокола вскрытия, врачи по-иному оценивают сложившуюся ситуацию. Например, профессор М. Г. Рыбакова считает, что, с учетом медицинских практик середины XIX в., лейб-медик вел лечение верно и «страдание кишок» было вызвано именно проблемами с сердцем.²⁹

Вероятнее всего, врачи квалифицированно объяснили Александру II причины, приведшие к смерти Александры Федоровны. Но с оглядкой на общественное мнение Карелю отправили за границу для того, чтобы все «возмущения» улеглись. Подтверждает эту версию то, что карьеры врачу³⁰ не сломали и он до своей смерти в 1886 г. сохранял звание лейб-медика.³¹

---

²⁸ Из воспоминаний М. П. Фредерикс // Исторический вестник. 1898. № 2. С. 411.

²⁹ По мнению проф. М. Г. Рыбаковой, вне всякого сомнения, доминировало поражение печени, которое, учитывая ее поверхность, можно трактовать как цирроз, с вытекающими отсюда последствиями в виде истощения и застоя в системе нижней половины толстой кишки, находящейся в зоне оттока крови. Такое заболевание сопровождается как застойными явлениями, чаще всего с поражением геморроидальных вен (варикозное расширение), так и дистрофическими процессами в слизистой оболочке толстой кишки. Развитие цирроза печени можно связать с заболеванием сердца (гипертоническая болезнь и кардиосклероз, ревматизм и т. п.).

³⁰ После смерти Александры Федоровны, по ее завещанию, лейб-медику Кареллю передали «часы с синей эмалью и бриллиантовой цепочкой» (см.: РГИА. Ф. 524. Оп. 1. Д. 372. Акты о разделе имущества, оставшегося после смерти Александры Федоровны. 1860–1861 гг.).

³¹ С именем лейб-медика Ф. Я. Карелля (Philipp Jakob Karell) связано внедрение в медицинскую практику наложения крахмальной повязки при переломах костей, разработка системы молочного лечения, организация санитарных рот в русской армии и поддержка идеи, связанной с организацией Российского общества Красного Креста.

Составлялись ли обязательные ныне истории болезни (скорбные листы) высокородных пациентов

Записи медицинского характера врачами, в той или иной форме, конечно, велись. Например, в 1716 г., накануне поездки Петра I на воды в Бад-Пирмонт, лейб-медик Л. Л. Блюментрост составил документ, который, по большому счету, можно назвать историей болезни императора. В нем врач писал о нарушениях в деятельности желудочно-кишечного тракта, напоминающих хронический колит. При императрице Елизавете Петровне директор Медицинской канцелярии и лейб-медик П. З. Кондоиди составил инструкцию для госпитальных школ, обязав врачей составлять скорбные листы.³²

Однако скорбные листы первых лиц составлялись очень редко. Связано это было с тем, что информация о заболевании монарха считалась секретной, поэтому врачи предпочитали держать ее «в голове». Иногда история болезни велась в виде записей для личного пользования, вне следования всякому стандарту. Как правило, более-менее системные записи медицинского характера начинали вестись врачами только в случае кризисного развития заболевания первого лица. Мотив вполне понятен – прикрыть себя в случае смерти больного.

Так, в январе—феврале 1824 г. доктор Д. К. Тарасов по собственной инициативе вел записи о развитии болезни Александра I, травмировавшего ногу. Когда Александр I умирал осенью 1825 г. в Таганроге, лейб-медик Я. В. Виллие вел дневник. Также фиксировал развитие болезни хирург Д. К. Тарасов. Еще раз отмечу, что это были не формализованные записи медицинского характера, а некие дневниковые записи с медицинскими и эмоциональными «включениями».

Любопытно, что после смерти Александра I эти документы так и остались не востребованными властями среди личных бумаг лечащих врачей. Только в 1844 г., накануне 20-летия смерти Александра I, министр Императорского двора затребовал от руководства Придворной медицинской части все медицинские записи, связанные со смертью императора.

Лейб-медик и управляющий ПМЧ Я. В. Виллие, который являлся семейным врачом Александра I, так характеризовал представленные им документы: «...журнал на латинском языке о последней болезни... Государя Императора Александра Павловича, веденный мною ежедневно до самой кончины Его Императорского Величества и подписанный находившимися тогда в Таганроге докторами: Штофрегенем, Рейнгольдом, Тарасовым и Доббертом. К журналу этому приложены: описание на латинском же языке, произведенного для бальзамирования анатомического вскрытия тела Его Величества и показание на немецком языке придворного аптекаря Прота о выписанных из придворной аптеки лекарствах в продолжение болезни Императора Александра Павловича, вместе с подлинными рецептами моими. Более никаких других актов у меня не имеется. Что же касается до требуемого Вашим Сиятельством акта о болезни блаженной памяти Государыни Императрицы Елизаветы Алексеевны, то подобного акта у меня нет и никогда не было, ибо я, как Вам известно, и не пользовался Ея Императорское

---

³² В инструкции указывалось, что «весьма нужно... чтоб подлекари и достойные к производству ученики, заблаговременно привыкали обстоятельно примечать болезни и обучались оные описать искусно и записывать аккуратно наружный вид больного, его дыхание, пульс, урину, пот и прочие экскременты, действие и успех лекарств употребленных, случающиеся перемены и вновь припадки и что воспоследовать будет по выздоровлении от болезни до выпуска из госпиталя; ежели же больной умрет и тело его анатомировано будет, то ему быть в самой близости к тому, кто анатомию творит, особливо и аккуратно ему показывать и толковать, что найдено будет против натурального, от чего причинилась болезнь и последовала смерть, что подлекарю или ученику записывать аккуратно и из того со всего составлять по своей возможности и искусству, на котором диалекте ему лучше и возможно на латинском или германском историю болезни и оную подавать госпитальному доктору для рассмотрения и поправления по настоящему медицинскому знанию». См.: *Лабезник Л. Б., Ефремов Л. И.* Вехи истории: скорбный лист – история болезни – медицинская карта стационарного больного // Экспериментальная и клиническая гастроэнтерология. 2011. № 4. С. 110.

Величество и при кончине Ея Величества в г. Белеве не находился. И никаких сведений по сему я ни от кого не получал, а получил только, кажется, от Статс-секретаря Лонгинова один пакет, в котором заключались донесения Государыне Императрице о болезни Государя Императора Александра Павловича в 1824 г. и о состоянии здоровья Ея Величества в 1825 г. до поездки еще в Таганрог. Пакет этот, сохраненный мною доселе в том самом виде, как он тогда был ко мне доставлен, при сем прилагается». ³³

Еще раз подчеркну, что вплоть до конца XIX в. «истории болезни» монархов больше напоминали личный дневник врача с фиксацией происходивших событий, чем официальный документ. Например, такой дневник ³⁴ в 1870–1880-х гг. вел С. П. Боткин, начав его после назначения домашним врачом императрицы Марии Александровны.

Важно напомнить, что информация о здоровье монархов носила закрытый характер как по медицинским соображениям, так и с точки зрения государственной безопасности, поскольку в самодержавной империи фактор здоровья первого лица не мог не учитываться в различных политических раскладах. Судя по упоминаниям в архивных документах, значительная часть этой закрытой медицинской информации была по тем или иным причинам уничтожена еще до 1917 г., как связанная с некими династическими «скелетами в шкафу». Тем не менее до нашего времени дошли истории болезни цесаревича Георгия Александровича (1890-е гг., заболевание туберкулезом) и Николая II (заболевание брюшным тифом в 1900 г.).

---

³³ РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 173. Л. 3. О доставлении в подлинниках актов о болезни блаженной памяти Государя Императора Александра Павловича и Государыни Императрицы Елизаветы Алексеевны. 1844 г.

³⁴ Этот дневник хранится в коллекции Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. Он до сих пор не расшифрован (имеется в виду трудность чтения типично докторского почерка Сергея Петровича), полностью не издан и не откомментирован. Публикации отдельных фрагментов дневника см.: *Зимин И. В.* Медики и самодержцы: Император Александр II 1 марта 1881 года // *Отечественная история*. 2001. № 5. С. 54; Кончина императора Александра II: Из «Дневника» доктора С. П. Боткина / публ. Б. Ф. Егорова и В. Г. Чернухи // *Медицина России в годы войны и мира: Новые документы и исследования*. СПб., 2011. С. 37–40.

Существовал ли протекционизм при назначении на должности придворных лейб-медиков

Конечно, существовал (и в советские времена среди врачей «Кремлевки» бытовала поговорка: «Полю паркетные – врачи анкетные»). И даже высочайший уровень ответственности за здоровье первого лица не мог упразднить проявления протекционизма в той или иной форме. Высокопоставленные врачи часто пристраивали своих близких и неближих родственников в придворную медицину.

Говоря о Придворной медицинской части Министерства Императорского двора, следует иметь в виду, что при подборе лейб-медиков во внимание принимались самые разные факторы. Решающую роль играла, конечно, квалификация врача, поскольку российские монархи по вполне понятным причинам желали лечиться только у самых лучших медиков. Свидетельством тому является придворная карьера основоположника петербургской терапевтической школы лейб-медика С. П. Боткина. Вместе с тем врачи подобного уровня, как правило, были чрезвычайно востребованы и сосредоточиться исключительно на лечении монархов и членов их семьи не могли. Поэтому на роль домашних врачей в XIX в. стали приглашать крепких профессионалов, которые вполне успешно справлялись с сезонными и возрастными заболеваниями.

Кроме профессионализма, при выборе семейного врача всегда принимались во внимание политическая лояльность и неболтливость кандидата, поскольку он, по роду своей профессиональной деятельности, был допущен в «ближний круг» императорской семьи. Особенно весомым становится в начале XX в. фактор политической лояльности, когда Российскую Империю начали сотрясать политические бури.

При замещении вакантных должностей на все придворные должности, включая медицинские, имела и формальная составляющая, когда во внимание принималось так называемое «старшинство производства» в карьерной линии: врач – главный врач – почетный лейб-медик – лейб-медик. Хотя, как свидетельствует практика, для карьерного роста огромное значение имела и возможность «попасть в случай» – то есть удачно проведенная операция или лечение, приведшее к выздоровлению царственного больного. Однако фундаментом «случая» был опять-таки профессионализм врача.

Примеров тому тьма... Так, удачная катетеризация датского посла хирургом Я. В. Виллие сделала его лично известным императору Павлу I. Позже он не менее успешно прооперировал фаворита Павла I – графа Кутайсова. При Николае I немецкий врач М. М. Мандт «взлетел на придворный небосклон» после излечения императрицы Александры Федоровны. Во время одной из поездок по России Николай I сломал ключицу, и удачно наложивший повязку провинциальный лекарь Ф. Ф. Цвернер впоследствии занял должность гофмедика Зимнего дворца.³⁵ Ближайшее окружение нередко рекомендовало, и подчас искренне, самых различных врачей, которые гарантированно «лечили всё», первым лицам. Например, Николай II записал в дневнике: «утром пришел старик Арсеньев,³⁶ чтобы рекомендовать какого-то доктора для Аликс» (13 января 1910 г.).

Конечно, лейб-медики всячески покровительствовали «своим» и старались притормозить «чужих». Такая практика была одной из граней известного противостояния «немецкой»

---

³⁵ РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 61. По предписанию министра Императорского двора, об определении уездного врача г. Чамбар, титулярного советника Цвернера гофмедиком к Высочайшему двору, сверх штата, с назначением его в дежурство при Высочайшем дворе, с прочими медиками. 1840 г.

³⁶ Арсеньев Дмитрий Сергеевич (1832–1915) – адмирал (1901 г.), участник Среднеазиатских походов, воспитатель великого князя Сергея Александровича.

и «русской» партий в медицине. Например, эстонец лейб-медик Г. И. Гирш, лечивший двух императоров, стартовал на свою должность по протекции родственника, земляка-эстонца лейб-медика Ф. Я. Карелля. И тот, и другой представляли так называемую «немецкую партию».

Н. А. Шестов

Вместе с тем стремительная карьера другого медика, занявшего должность домашнего врача цесаревича Николая Александровича, закончилась неудачно.

Историю назначения на придворную должность Н. А. Шестова так вспоминала фрейлина двух императриц, баронесса М. П. Фредерикс: когда решался вопрос о назначении врача к наследнику, «обратились к нашим медицинским светилам. Собрался ареопаг Лейб, Обер, Штатс, Гоф и проч. и проч. медиков для обсуждения, казалось бы, немаловажного дела, как избрание хорошего медика ко Двору наследника цесаревича. Но, к несчастью наследника все-российского престола, у двух из Важнейших эскулапов оказались племянники, а именно, у

лейб-медика Кареля был племянник доктор Гирш,³⁷ а у Председателя Медико-хирургической академии – Дубовицкого, был племянник Шестов. Старики заспорили, всякому из них хотелось поместить к новому двору своего родственника. Чтоб примириться, решено было ими бросить жребий, которому из племянников быть при наследнике; жребий пал на Шестова, и таким образом, не по учености или какой особенной практике, а по жребию, он был откомендован и возведен в звание медика государя наследника цесаревича. Мне жаль, что я должна дать такой неблагоприятный отзыв о старом Кареле, который, безусловно, был хороший человек, и я к нему относилась очень дружелюбно; но дружба – дружбой, а правда – правдой».³⁸

О стремительной карьере Н. А. Шестова свидетельствует его формулярный список. Когда в декабре 1859 г. 28-летнего батальонного лекаря Гренадерского короля Фридриха Вильгельма III полка Николая Александровича Шестова назначили на должность домашнего врача цесаревича, великого князя Николая Александровича, за его спиной уже имелся крепко сколоченный карьерный фундамент.

Н. А. Шестов происходил из семьи потомственных почетных граждан г. Москвы. Петербургскую Медико-хирургическую академию он окончил как вольнослушатель,³⁹ получив звание лекаря в 1854 г. В 1855 г. он защитил диссертацию на степень доктора медицины, и его оставили при Медико-хирургической академии «для соискания места адъюнкт-профессора» (1857 г.). Затем Шестов отправился на два года за границу «для изучения новейших специальностей», во время командировки прошел стажировку в ведущих клиниках Берлина, Вены, Лондона и Парижа. Отмечу, что этот научный отпуск был зачтен Шестову в стаж государственной службы. По возвращении из-за границы (1859 г.) Шестов несколько месяцев поработал в должности батальонного лекаря, а затем последовало его назначение на должность домашнего врача цесаревича. 19 декабря 1859 г. состоящий при цесаревиче генерал-адъютант Н. Зиновьев сообщил управляющему Придворной медицинской части, что «Государь Император соблаговолил словесно высочайше повелеть мне: определить доктора медицины, коллежского асессора Шестова доктором Государя Наследника Цесаревича».⁴⁰ Совершенно очевидно, что подобные карьеры сами по себе не складывались...

Добавлю, что после смерти 21-летнего цесаревича Николая Александровича в 1865 г. Н. А. Шестова удалили из дворца, но медицинской карьеры не сломали, и он с 1866-го и до смерти в 1876 г. работал ординарным профессором кафедры частной патологии и терапии Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии.

---

³⁷ «Гирш впоследствии все-таки был назначен уже ко двору Наследника Александра Александровича и поныне в 1892 г. состоит лейб-медиком государя императора». – Прим. М. П. Фредерикс.

³⁸ ОР РНБ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 16. Л. 105. М. П. Фредерикс, баронесса. Воспоминания старушки.

³⁹ То есть полностью оплатил учебный курс из своих средств и поэтому не подлежал распределению.

⁴⁰ РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1064. Л. 1. Об определении доктором Государя Наследника Цесаревича, доктора медицины, коллежского асессора Шестова. 1859 г.

Всегда ли карьера семейного врача первого лица была стабильной и успешной

Конечно, нет. Сам факт близости врача к первому лицу порождал многочисленные соблазны, за которые, в конечном счете, приходилось платить. Кроме этого, бывали врачебные ошибки, которые на этом уровне власти также не прощались. В этом контексте можно вспомнить судьбу придворных врачей Ивана III – итальянцев Леона и Антона, казненных по распоряжению великого князя в 1490 г. Причиной тому стала смерть наследника престола Ивана Младого,⁴¹ заболевшего «камчюгою в ногах». Несмотря на все старания доктора «мистро Леона»,⁴² вызванного Софией Палеолог из Венеции, Иван III посчитал, что врачи должны за эту смерть ответить головой.

---

⁴¹ Сын от первого брака Ивана III (1458–1490), соправитель отца.

⁴² В ряде источников лекаря Леона называют – Леби Жидовин.

Участвовали ли врачи первых лиц в придворных интригах, и насколько значительным было их политическое влияние

Врачи, войдя в «ближний круг» первого лица, как правило, придерживались рамок своих профессиональных обязанностей, поскольку положение придворного медика, причастного к самым интимным тайнам первого лица, особенно в XV–XVII вв., часто определялось формулой «вход – рубль, выход – два».

Следует также иметь в виду и то, что в XV–XVII вв. одним из распространенных методов политической борьбы, что в Европе, что в Московском царстве, являлись яды. Поэтому придворные группировки старались использовать положение домашнего врача первого лица в своих интересах. С учетом этого, лекарство, прежде чем оно оказывалось в руках царственного пациента, проходило многоуровневый контроль,⁴³ а Аптекарский приказ возглавляли либо родственники, либо доверенные сановники первого лица.⁴⁴

Тем не менее история придворной медицины знает имена медиков, далеко выходящих за рамки профессиональной деятельности. Одним из таких врачей стал выпускник Кембриджского университета Елисей Бомель (Бомелий),⁴⁵ лечивший Ивана IV Васильевича.

До нас дошел совершенно демонизированный образ этого врача. Например, «Пискаревский летописец» называл его «лютым волхвом» и приписывал его влиянию зверства царя в период опричнины. О степени влияния Бомелия свидетельствует то, что он участвовал в принятии военных решений стратегического уровня в ходе Ливонской войны. В результате одного из таких «профессиональных» советов Бомелия пал Полоцк (1579 г.), после чего Иван IV, придя в бешенство, приказал Бомелия как «изменника» подвергнуть мучительным пыткам. В записках представителя Английской (Лондонской) Московской торговой компании Джерома Горсея упоминается, что «его руки и ноги были вывернуты из суставов, спина и тело истерзаны проволочным кнудом; он признался во многом таком, чего не было написано и чего нельзя было пожелать, чтобы узнал царь. Царь послал сказать, что его жарят живьем. Его сняли с дыбы и привязали к деревянному шесту или вертелу, выпустили из него кровь и подожгли; его жарили до тех пор, пока в нем, казалось, не осталось никаких признаков жизни, затем бросили в сани и повезли в Кремль. Я находился среди многих, прибежавших взглянуть на него, он открыл глаза, произнося имя Бога; затем его бросили в темницу, где он и умер».⁴⁶ Говоря о медицинской составляющей этого эпизода, нельзя что, даже используя косметику и лекарства на ртутной основе, 26-летняя женщина не могла бы накопить в своем теле столько отравляющего вещества: «Ртуть зафиксирована не только в волосах, где она оказалась в огромном количестве – 4,8 миллиграмма (в перерасчете на 100 граммов навески), но и в обрывках погребальной одежды (0,5 миллиграмма) и в тлене (0,3 миллиграмма)» (см.: *Панова Т. Уж приготовлен яд, пощады не проси // Знание – сила. 1998. № 7*). не отметить высокую квалификацию палача, сохранившего искру жизни в подследственном после столь жестоких истязаний.

---

⁴³ Однако интриги были настолько изощренными, что многие из первых лиц в XVI в. были, вне всякого сомнения, отравлены. Например, после вскрытия саркофага первой жены Ивана Грозного царицы Анастасии оказалось, что в сохранившейся органике (коса темно-русого цвета) содержится большое количество солей ртути. Предположительно, Анастасию отравили «Венецианским ядом». Превышение нормы было настолько значительным,

⁴⁴ Так, при Борисе Годунове главой формирующегося Аптекарского приказа был назначен его родственник С. Н. Годунов, который также возглавлял политический сыск.

⁴⁵ Вестфальский немец Бомелий (Eliseus Bomelius, 1530–1579) еще в Лондоне получил известность благодаря занятиям астрологией и алхимией.

⁴⁶ Цит. по: *Черникова Т. В. Западные служилые иноземцы и придворные врачи во времена Ивана Грозного // Вестник МГИМО. 2012. № 4. С. 37–38.*

Портрет графа И. Г. Лестока

Другим придворным врачом, плотно увязшим в дворцовых интригах, был домашний врач императрицы Елизаветы Петровны, хирург Иоганн Герман Лесток (1692–1767). Еще совсем молодым врачом он сопровождал супругу Петра I, Екатерину Алексеевну, во время ее поездки в Голландию в 1716 г. В 1725 г. его назначили гоф-хирургом ко двору 16-летней принцессы Елизаветы Петровны. В этой должности он оставался вплоть до переворота 1741 г., то есть врач находился рядом с Елизаветой Петровной в самые тяжелые для нее годы.

Устойчивая легенда приписывает именно ему активные действия по втягиванию Елизаветы Петровны в переворот. В. О. Ключевский упоминает о легенде, согласно которой, Лесток накануне переворота набросал на листе бумаги два рисунка. На одной стороне – Елизавету,

сидящую на троне, а на другой – ее же, лежащую на плахе с обритой головой. Показав оба рисунка Елизавете, Лесток произнес: «Если сегодня не это (он показал на Елизавету, сидящую на троне), то завтра будет непременно это (и он указал на Елизавету, лежащую на плахе)». Видимо, врач был очень неплохим психологом, воздействуя прежде всего на эмоциональную составляющую будущей императрицы.

После успешного переворота 1741 г. начался стремительный карьерный взлет Лестока. Оставаясь домашним врачом Елизаветы Петровны в должности лейб-медика, он занял должность директора Медицинской канцелярии (1741–1748 гг.), то есть фактически «министра здравоохранения» Империи. Но самым примечательным в его карьере было то, что на протяжении длительного времени врач оказывал реальное влияние на принятие серьезных политических решений.

Однако столь плотная вовлеченность Лестока в политику лишила его некоего иммунитета, который традиционно распространялся на придворных медиков. При этом сам Лесток отнюдь не был ангелом, фактически являясь агентом влияния двух государств – Пруссии и Франции,⁴⁷ получая от послов этих стран крупное содержание за оперативную политическую информацию.

Канцлер Российской империи А. П. Бестужев-Рюмин⁴⁸ в 1748 г. «свалил» Лестока, когда сумел убедить императрицу Елизавету Петровну, что ее домашний врач может совершить покушение на ее жизнь как человек, имеющий «доступ к телу». Кроме этого, сведения о тесных связях Лестока с иностранными дипломатами встревожили мнительную императрицу, поскольку Лесток знал ее тайны, в том числе носящие медицинский характер.

Лестока арестовали в ноябре 1748 г. и пытали на дыбе. На допросе в Петропавловской крепости у Лестока, среди прочего, спрашивали, «не искал ли он лекарством или ядовитым ланцетом или чем другим ее императорское величество священную особу живота лишить».

Екатерина II, вспоминая дни своей молодости при дворе Елизаветы Петровны, упоминает, как ей рассказывали, «будто граф Лесток, будучи заключен в крепость, в течение первых одиннадцати дней своего заключения хотел умерить себя голодом, но его заставили принять пищу. Его обвиняли в том, что он взял десять тысяч рублей от Прусского короля, чтобы поддерживать его интересы, и в том, что он отравил некоего Этингера, который мог свидетельствовать против него. Его пытали, после чего сослали в Сибирь».⁴⁹

Впрочем, приведенные примеры участия придворных медиков в политике являются исключением, поскольку те обычно не выходили за рамки своих профессиональных обязанностей.

---

⁴⁷ Еще до переворота Елизаветы Петровны, начиная с января 1741 г., Лесток получал ежегодный пенсион от французов в 15 000 ливров. Французские «друзья» Лестока дали ему псевдоним «ami Intrepide» – «отважный друг», который использовался в секретной переписке.

⁴⁸ При этом А. П. Бестужев-Рюмин являлся, в свою очередь, агентом влияния Англии и Австрии и получал от тех и других ежегодное содержание.

⁴⁹ Следует отметить, что прецеденты участия лейб-медиков в политической жизни встречаются и в европейской истории. Например, немецкий врач Иоганн Фридрих Струэнсе (1737–1772) на 4 года приобрел неограниченную власть благодаря влиянию на психически больного датского короля Кристиана VII, но в результате был казнен.

Подвергались ли семейные врачи первых лиц каким-либо преследованиям, связанным с их профессиональной деятельностью

Как упоминалось, в период Московского царства врачи за свои ошибки платили головой. В XVIII в. некие репрессии также бывали, но они, как правило, не были связаны с медицинской деятельностью.

Например, при императрице Елизавете Петровне заочно пострадал придворный врач Санхес Антониу Нуньес Рибейра (1699–1782). Он получил блестящее медицинское образование в Саламанкском университете (Испания), занимался медицинской практикой во Франции. Со времен императрицы Анны Иоанновны работал в России «при Сухопутном Шляхетском корпусе, при больницах и при войсках Российских, с которыми неоднократно бывал в походах».⁵⁰ В марте 1740 г. Санхеса назначили гоф-медиком, а вскоре – вторым лейб-медиком с чином действительного статского советника при правительнице Анне Леопольдовне и малолетнем императоре Иване VI Антоновиче. После переворота 1741 г. Санхес не только остался при Императорском дворе, но и сохранил свою должность лейб-медика.

Об этом враче самыми добрыми словами упоминает Екатерина II, которую он вылечил в 1744 г., когда та была еще девчонкой-невестой наследника престола.⁵¹ По одной из дворцовых легенд, Санхес, осматривая выздоравливающую будущую императрицу, часто упоминал какую-то «фомозу». Как позже узнала императрица, это по-португальски означало «прекрасно».⁵²

В 1747 г. Санхес подал в отставку и, получив пенсию, уехал из России. В именном указе Елизаветы Петровны от 4 сентября 1747 г. Санхеса называли «искусным доктором» и «честным человеком». Императорская Академия наук избрала его почетным иностранным членом с ежегодным жалованьем в 200 руб. Но буквально через год уехавший из России врач заочно «попал под указ» Елизаветы Петровны от 16 декабря 1743 г. о высылке всех евреев из России.⁵³ Кто-то из «добрых людей» в 1748 г. донес, что Санхес – скрытый иудей, и врача лишили академической пенсии.

---

⁵⁰ *Зимин И.* «Дело врачей» и кампания против «безродных космополитов» времен императрицы Елизаветы Петровны // История Петербурга. 2006. № 1. С. 57.

⁵¹ В 1744 г. Екатерина II, тогда еще великая княгиня, была опасно больна: «Я находилась, между жизнью и смертью, 27 дней, в течение которых шестнадцать раз мне пускали кровь, иногда по четыре раза в день. Наконец, благодаря стараниям доктора Санше, нарыв в правом боку прорвался; я его выплюнула и с тех пор мне стало легче».

⁵² Формозой, то есть «прекрасным», португальцы называли открытый ими в XVI в. остров Тайвань.

⁵³ Когда Сенат докладывал Елизавете Петровне о том, что евреи полезны для торговли на юге России, она наложила резолюцию: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли» (см.: ПСЗ РИ. 1-е изд. Т. IX. № 8840. 16 декабря 1743 г.).

Лейб-медик Санхес Антониу Нуньес Рибейра

Любопытно, что Екатерина II оказалась благодарной пациенткой: придя к власти (28 июня 1762 г.), она вспомнила спасшего ее врача и приказала (12 ноября 1762 г.) вернуть Санхесу диплом почетного иностранного члена Императорской Академии наук, которого он был лишен распоряжением Елизаветы Петровны в 1748 г. Кроме этого, врачу вновь начали выплачивать академическую пенсию уже в 1000 руб. в год «по смерть его». Императрица упоминает, что это она делает «для того, что он меня, за помощью Божию, от смерти спас».⁵⁴ По легенде, Санхес, узнав о возвращении ему пансиона, воскликнул: «Формоза!».

---

⁵⁴ Записка императрицы Екатерины II о докторе Санхесе // Исторический вестник. 1881. № 3.

Кто занимался лечением императрицы Елизаветы Петровны после отставки Лестока

После опалы Лестока и отъезда Санхеса из России Елизавету Петровну с 1747 г., в качестве домашнего врача, лечил лейб-медик Герман Бургав Каау, которому платили по 7000 руб. в год. Одновременно Бургав занимал кресло главы Медицинской канцелярии, сменив на этой должности Лестока.

Лейб-медик Герман Бургав-Каау

В сентябре 1760 г. императрица Елизавета Петровна «всемилоостивейшее пожаловала докторов Монсе и Шилинга своими лейб-медиками с чином действительных статских советников и с жалованьем по четыре тысячи рублей в год каждому». Этим же указом лечивший императрицу француз лейб-хирург В. Фусадье (1709–1773) был пожалован чином статского советника «с прибавкой к его жалованью по тысяче рублей в год».

Затем начала восходить звезда Карла Фридриха (Карла Федоровича) Крузе (1727–1799).⁵⁵ Начало его придворной карьере положила женитьба на дочери лечащего врача императрицы Елизаветы Петровны – лейб-медика Бургава-Каау. В результате в 1753 г. 26-летнего лекаря сначала назначили главным доктором войск гвардии, а затем, с 18 июля 1761 г. – лейб-медиком с чином действительного статского советника и жалованьем в 4000 руб. в год. Именно К. Ф. Крузе состоял при Елизавете Петровне во время ее последней болезни. Император Петр III уволил Крузе от службы 19 апреля 1762 г. Но уже 16 июля 1762 г. императрица Екатерина II, после успешного переворота (28 июня 1762 г.), приняла Крузе на прежнюю должность, но с определением лечащим врачом к своему маленькому сыну – великому князю Павлу Петровичу. Лейб-медик Я. Ф. Монсей 22 июля 1762 г. был отправлен в отставку с пенсией.

---

⁵⁵ Карьера его была довольно обычна для того времени. Выпускник медицинского факультета Лейденского университета, защитивший диссертацию (1749 г.), приехал в Россию, как и многие его соотечественники. Он был назначен старшим доктором в Адмиралтейский генеральный госпиталь и профессором в училище при госпитале.

Бывали ли нарушения дисциплины в Придворной медицинской части

В Придворной медицинской части служили десятки специалистов разного уровня, и за многолетнюю историю структуры в ней случалось всякое, поскольку человеческий фактор никто не отменял. Например, в архиве отложилось дело об увольнении лекарского помощника Андреянова «по неблагонадежности и предосудительному поведению» (1873 г.). Причиной тому стало появление лекарского помощника на дежурстве в нетрезвом виде.⁵⁶ Или произошел возмутительный случай, когда аптекарский помощник «не отдал чести Государю императору», проходя мимо Александра II во время его утренней прогулки на Дворцовой площади.⁵⁷

Впрочем, такие происшествия были очень редкими, поскольку за свои места врачи и фельдшера держались. Были и те, кто, даже не имея специального образования, пытался выстроить свою карьеру «рядом с медициной». Так, в августе 1857 г. старший врач Петергофского Дворцового лазарета почетный гофмедик Гильтебрандт подал рапорт на имя управляющего Придворной медицинской частью лейб-медика М. А. Маркуса, в котором просил определить истопника Петергофских дворцов Александра Гаврилова в лекарские ученики. Как следует из рапорта, А. Гаврилов служил при дворцовой аптеке истопником с 1841 г. Мало-помалу он стал помогать аптекарю и «с особенным усердием и пользою заниматься по дворцовой аптеке в течение 16 лет, числясь истопником». Врач просил определить истопника на вакансию аптекарского ученика, поскольку истопник не только ухаживал за больными, но даже проводил малые хирургические операции – оспопрививание, кровопускание местное и общее. Однако законы Империи этого не позволили. Не помогло даже ходатайство управляющего Царским Селом и Петергофом генерала Я. В. Захаржевского.⁵⁸

---

⁵⁶ РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1773. Л. 1. О неявке на службу лекарского помощника Андреянова и об увольнении его от оной по неблагонадежности и предосудительному поведению. 1873 г.

⁵⁷ Там же. Д. 1987. Л. 1. О младшем придворном аптекарском помощнике провизоре Кольо, не отдавшем чести Государю Императору при встрече на Дворцовой площади. 1878 г. В апреле 1879 г. такой же случайный прохожий пытался там же застрелить Александра II.

⁵⁸ Там же. Д. 931. Л. 1. О перемещении истопника Петергофских Дворцов Александра Гаврилова в лекарские ученики. 1857 г.

Кто из придворных врачей лечил Екатерину II

С 1744 г., когда будущая Екатерина II 14-летней девочкой приехала в Россию, и до смерти в 1796 г., то есть за 52 года, ее лечили самые разные врачи. Ко многим из них она относилась с искренней благодарностью.

Лейб-медик И. С. Роджерсон

Самым известным домашним врачом Екатерины II стал И. С. Роджерсон. Шотландец Иоганн Джон Самуил Роджерсон (1741–1823), окончив медицинский факультет Эдинбургского университета в 1765 г., в 1766 г. приехал в Россию, став Иваном Самойловичем. Под-

твердив в ходе экзаменов в Медицинской коллегии свой лекарский диплом, Роджерсон получил право на медицинскую практику в России.

Путь Роджерсона в Зимний дворец начался со спасения от дифтерита сына тогда еще подруги императрицы, княгини Е. Р. Дашковой. Через некоторое время, 18 февраля 1769 г., Екатерина II назначила Роджерсона своим придворным доктором и определила выдавать ему, «впредь до сочинения придворных штатов», по 1000 руб. жалованья из сумм Медицинской коллегии.

В архивных документах встречаются счета по пожалованию гонораров И. В. Роджерсону из «комнатной суммы» императрицы. Так, в августе 1775 г. выплатили «доктору Роджерсону – 2000 р.» и «лейб-хирургу Кельхину 1000 р.». Любопытно, что императрица оплачивала и медицинские консультации своего ближайшего окружения. Когда приболел И. Ю. Фредерикс, личный банкир Екатерины II, Роджерсону выплатили «за диспозицию» (то есть за рецепт или консультацию) 300 руб.⁵⁹

Роджерсон вполне оценил открывавшиеся перспективы и усиленно начал заниматься русским языком, которым успешно овладел. При том что многие придворные врачи вплоть до середины XIX в. так и не удосуживались изучить русский язык, хотя десятилетиями жили в России.

Довольно быстро Роджерсон приобрел доверие Екатерины II, не только следя за ее здоровьем, но и контролируя здоровье ее фаворитов. Как известно, в конце царствования Екатерины II кандидаты в фавориты после «тест-драйва» в покоях доверенных камер-юнгфер обязательно проходили «медосмотр» у Роджерсона и только тогда отправлялись в спальню императрицы. Для такого «медосмотра» имелись все основания. Следует отметить, что именно при Екатерине II в Петербурге, близ Калинкина моста, открыли специализированную лечебницу для больных «любоэрастными болезнями».

Признанием заслуг Роджерсона стало пожалование ему 18 января 1776 г. звания лейб-медика с чином действительного статского советника и жалованьем в 4000 руб. в год. Новоиспеченному «гражданскому генералу» было тогда всего 35 лет.

Говоря о врачах при Императорском дворе, следует иметь в виду, что они относились к обслуге первых лиц. Высококвалифицированной, допущенной в ближний круг, но обслуге. Их далеко не всегда и далеко не всех приглашали к императорскому столу. Такие случаи особо оговаривались в камер-фурьерских журналах. Например, 17 июня 1778 г. «английский доктор Роджерсон» был приглашен в Царском Селе к столу императрицы «сверх свиты».

Со временем у Роджерсона установились внешне вполне «приятельские» отношения с Екатериной II, но умный лейб-медик, конечно, ни на секунду не забывался и четко знал, где идет игра на публику со стороны пациентки, а где серьезные дела, связанные с мониторингом состояния здоровья императрицы. При этом Екатерина II вполне могла заявить, что не верит в его «науку».⁶⁰ В одном из писем императрица упомянула: ««В молодости мне дали читать Мольера и его взгляд на врачей не остался без влияния на меня».⁶¹ Впрочем, Екатерина II как всякий человек имела свои «лекарственные предпочтения». Например, она постоянно употребляла бестужевские капли.⁶² Секретарь императрицы А. В. Храповицкий записал:

---

⁵⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3888. Л. 5. Реестр именным Ея Императорского Величества указам. 1773 г.

⁶⁰ Согласно дворцовым легендам, как-то зимой Екатерина II заболела. При этом она отказалась принять лекарство от своего врача Роджерсона: «„Лекарство помешает моим занятиям, довольно и того, что посмотрю на тебя“». Роджерсон, зная ее упорство, предложил прокатиться в санях. Государыня согласилась, почувствовала облегчение и провела покойную ночь, но на другой день к вечеру головная боль снова возобновилась. Марья Савишна Перекусихина предложила санную прогулку. „Хорошо один раз, – отвечала Екатерина; скажут: какая дура, по ночам катается, и подумают, когда ей заниматься делами“» (см.: Исторические рассказы и анекдоты, записанные со слов именитых людей П. Ф. Карабановым. [Электронная версия.]).

⁶¹ Брикнер А. Г. Екатерина Вторая и доктор М. А. Вейкард в 1784–1789 гг. // Русская старина. 1891. Т. 72. № 12.

⁶² Бестужевские капли – спирто-эфирный раствор полторахлористого железа, врачебное средство, названное по имени его создателя, графа канцлера А. П. Бестужева-Рюмина (1725 г.). Считалось, что спирто-эфирная смесь способствует всасыванию

«Говорено о пользе Бестужевских капель, и что в 80 лет по 80 капель принимать можно»⁶³ (25 апреля 1782 г.). Замечу, что Екатерина II в молодые годы прекрасно знала создателя капель – канцлера Российской империи А. П. Бестужева-Рюмина.

Эти заявления Екатерины II также отчасти были игрой, поскольку у императрицы имелись серьезные основания для того, чтобы верить в «науку» Роджерсона, о чем свидетельствуют прививки оспы в Зимнем дворце. В этих шуточных дискурсах о «медицине» Роджерсон не только не спорил с императрицей, но и подыгрывал ей. Убедив Екатерину II принять лекарство, он мог в хорошо рассчитанном «порыве радости» хлопнуть ее по плечу с криком: «Bravo, bravo, Madame!». Эти придворные «актеры» стояли друг друга, прекрасно понимая, что подобные «случайные» сценки впоследствии войдут в мемуары. Главным было то, что Роджерсон был предан своей хозяйке и Екатерина II об этом знала.

Роджерсон был человеком не без слабостей и странностей, но его медицинской квалификации доверяли, и он лечил весь чиновный и придворный Петербург. Так, княгиня Е. Р. Дашкова упоминала, что ее спасло от смерти только «великое искусство Роджерсона».

Конечно, у Роджерсона имелись враги и завистники, которые стремились поколебать его положение. Так, доктор Вейкарт, получив в середине 1780-х гг. введенный «под него» пост «камер-медика» (буквально – «комнатного медика»), активно интриговал против Роджерсона. Однако, когда заболел и умер фаворит императрицы А. Д. Ланской, то вину за его смерть Екатерина II возложила на Вейкарта, который его лечил. С этого времени императрица не желала видеть других врачей, кроме Роджерсона.

Если говорить о лечении императрицы, то Роджерсон, как правило, ограничивался кровопусканием и другими довольно простыми методами. Например, для возбуждения аппетита Роджерсон советовал Екатерине II выпивать перед обедом рюмку гданьской (данцигской) водки, что, конечно, по сей день считается полезным во всех отношениях. В мемуарной литературе упоминается, что императрица принимала холодные ванны и любила нюхательный табак, который поддерживал «бодрость духа и тела»: «Табак нюхала она рульной, коего при писании много употребляя, часто чувствовала головную боль, для чего лейб-медик Рожерсон присоветовал ей своего табаку не держать, и она требовала уже онаго от камердинеров, которые всегда имели для нея рульной».⁶⁴

Периодически императрица простужалась. В феврале 1767 г., перед отъездом в Москву, она занемогла и в записке к Н. И. Панину сообщала: «...в воскресенье так сильно охрипла, что в понедельник не слышно было к вечеру, что говорю; вчера мало было получше, а сегодня хотя и не совсем еще прошло, однако, после обеденного кушанья поеду в Царское Село и по усмотрении, как по моей простуде можно будет, поеду в четверг или в пятницу прямо в путь. Проезжая по станциям, прикажите, чтоб к моему приезду выстудили дворцы, а то боюсь, голова болеть станет, а вы знаете, как я на то нежна».

А. В. Храповицкий упоминает, что в июле 1788 г. императрица была нездорова: «Роджерсон подмешал в питье слабительное; на него жаловались; в 5-ть часов проснулись».⁶⁵ Видимо, проблемы с пищеварением тогда носили постоянный характер. Храповицкий упоминает фразу императрицы, что ее «слабит 13-й день», а еще через неделю Екатерина II жаловалась, что «после капель Роджерсоновых продолжает слабить; голова не своя».⁶⁶

железа и усиливает его действие. Капли представляли собой золотисто-желтого цвета жидкость эфирного запаха, жгучего и вяжущего вкуса. Они сразу же нашли широкое применение как препарат железа «при малокровии с состоянием истощения и нервными страданиями».

⁶³ Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1862. С. 8.

⁶⁴ Брикнер А. Г. Екатерина Вторая и доктор М. А. Вейкард...

⁶⁵ Памятные записки А. В. Храповицкого... С. 77.

⁶⁶ Там же. С. 92.

Следует заметить, что медицинские советы императрица принимала только от врачей, которым доверяла безусловно. Например, Т. Димсдейл в письме (1783 г.) прописал Екатерине II лекарство, «приятное и подходящее при желудочных недомоганиях, в частности при несварении, являясь при этом легким слабительным».

Подчеркну, что записки кабинет-секретаря А. В. Храповицкого, который каждый день видел императрицу, фиксируя малейшие ее недомогания, по сей день остаются важнейшим источником, в том числе рисуя состояние здоровья Екатерины II в последние годы ее жизни (1783–1793 гг.). Судя по этим запискам, Екатерина II предпочитала отлеживаться при недомоганиях и имя Роджерсона Храповицкий упоминает крайне редко.

Д. Г. Левицкий. Портрет А. В. Храповицкого. 1781 г.

Например, императрица, простыв, проболела с 19 по 25 декабря 1788 г.⁶⁷ В качестве лечения врачи предлагали пустить кровь, но Роджерсон предложил отложить эту процедуру.⁶⁸

Надо заметить, что Екатерина II была вполне уверена в своем здоровье и, несмотря на недомогания, намеревалась прожить, по крайней мере, до 80 лет. Так она сказала «за туалетом в разговоре с И. И. Шуваловым: „Я уверена, что имея 60 лет, проживу еще 20-ть с несколькими годами“» (29 января 1789 г.).⁶⁹ В день очередного юбилея коронации императрицы (22 сентября) в 1789 г. А. В. Храповицкий пожелал ей царствовать еще 60 лет, на что императрица ответила: «Нет, буду без памяти, проживу еще лет 20».⁷⁰

Тем не менее периодически Екатерина II недомогала, что неудивительно для 60-летней женщины. В августе 1789 г. она вновь болела, причем А. В. Храповицкий упоминает о «спазмах».⁷¹ В декабре у императрицы случились «колики».⁷² Впрочем, бывали и «болячки», дававшие повод к иронии. Так, когда 25 июля 1790 г. Екатерину II ужалила пчела, императрица расценила это, как покушение, достойное казни «за оскорбление Величества».⁷³ Осенью была вновь простуда и «колика со слабостью».⁷⁴

---

⁶⁷ «Очень нехорошо проводя ночь, сказать мне изволила поутру, что боль несносная внутри, спине и левом боку, принудила более ста раз переменять позицию на постеле, так что до четвертого часа за полночь не нашли места; оставя под головою одну подушку и лежа прямо на спине, на силу успокоилась. На нынешний день решилась остаться в постеле, и призналась, что простудилась во время молебна за Очаков, 16 декабря. Теперь и доказательство тому, что есть боль в горле» (18 декабря 1788 г.); «Ночь спокойнее проводила; сказать мне изволила, что останется в постеле до завтра; спине легче, но бок еще болит» (19 декабря); «вставь с постели, выходили в уборную, но после лежали на канапе и чувствовали несколько озноб и слабость» (20 декабря); «Занемогли с вечера, худо проводили ночь; проснувшись в 8 1/2 часов, остались в постели. Для меня изволили сказывать о болезни, и что для пота должно быть в постеле» (22 декабря) (Там же. С. 148).

⁶⁸ «По вчерашнему предположению, хотели сего дня пускать кровь, но, после объяснения с Роджерсоном, отложили и остались в постеле» (23 декабря 1788 г.) (Там же).

⁶⁹ Там же. С. 167.

⁷⁰ Там же. С. 206.

⁷¹ «Занемогла к вечеру. Сделались спазмы. Ночь мучилась» (17 августа 1789 г.); «лучше, но слабость еще есть» (20 августа); «от слабости в постели» (23 августа); «Встали с постели. Шум в ушах. Приметна слабость» (25 августа) (Там же. С. 202).

⁷² «Нездоровы: колики. Не выходили из спальни» (8 декабря 1789 г.) (Там же. С. 213).

⁷³ Там же. С. 228.

⁷⁴ «Нездоровы, лежали на канапе» (9 сентября 1790 г.); «кашель с насморком» (28 сентября); «колика и слабость» (1 и 5 октября).

Д. Г. Левицкий. Портрет Екатерины II

В марте и мае 1791 г. вновь беспокоили «спазмы и колотье с занятием духа», но при этом Екатерина II не желала лечиться и приглашать врачей, «полагаясь на натуру».⁷⁵ Время от времени у императрицы случались депрессивные состояния: «Причесались, убрали голову, но при надевании платья, вдруг жалуются на инохондрию и не могут сносить публики, слезы, не

---

⁷⁵ «Нездоровы, лежат; спазмы и сильное колотье с занятием духа. Князь советует лечиться; не хотят, полагаясь на натуру» (22 марта 1791 г.); «Продолжение слабости. Всем скучает. Малое внимание к делам» (23 марта); «Нездоровы, но ходили поутру целый час в саду» (2 мая); «колика продолжалась» (3 мая) (Там же. С. 240, 242).

выходили в церковь, ни за стол, ни на бал – не могут выносить шуму»⁷⁶ (24 ноября 1791 г.). За 1792 г. Храповицкий зафиксировал только два факта недомогания императрицы.⁷⁷

В 1793 г. возрастные недомогания стали сказываться отчетливее. Так, в начале февраля тяжелое впечатление на Екатерину II произвело известие о казни Людовика XVI. Она слегла в постель, была «больна и печальна».⁷⁸ А в марте она упала в бане: «Пошел одна в мыльню к женщинам, внизу ея ожидавшим, упала и скатилась с лестницы. По счастью, услышал Захар К. Зотов; с трудом поднял и спас от великой опасности» (8 марта 1793 г.), после чего Екатерине II пустили кровь.⁷⁹ С начала июля и до сентября 1793 г. Екатерина II постоянно недомогала.

Подчеркну, что во взаимоотношениях медиков и императрицы Екатерины II имелась и совершенно конкретная денежная составляющая. Дело в том, что все придворные врачи регулярно получали установленное жалованье, но если они оказывали императрице при ее недомоганиях медицинскую помощь, то за это медикам платился отдельный гонорар сверх жалованья.

Один из первых таких гонораров в истории Зимнего дворца⁸⁰ был уплачен медикам 8 августа 1762 г. Именно тогда состоялось высочайшее повеление «О выдаче вознаграждения лейб-медику Монсию, Шиллингу... по 1500 р., лейб-хирургу Фасад 1000 р., аптекарю Бришорн 600 р. Итого 6100 р.».⁸¹ Выплата этих денег была связана с тем, что в апреле 1762 г. Екатерина II родила бастарда – сына Григория Орлова, и только в августе, после переворота, у нее появилась возможность расплатиться с медиками.

17 февраля 1763 г. состоялось решение «О заплате в расход пожалованных в вознаграждение лейб-медикам Шиллингу и Гион по 1000 р. Презе – 1500 р., лейб-хирургу Фасад 1800 р. Всего 5300 р.».⁸² Как видим, и в то время медицинские услуги были вполне сопоставимы с расходами на бриллианты.

Императрица заботилась о своих врачах и после их смерти. Когда в начале июня 1763 г. умер лейб-медик Гион,⁸³ императрица повелела оплатить его похороны (1040 руб.). Через неделю после похорон Екатерина II распорядилась «о произведении умершего лейб-медика Гиона жене по 1000 р. на год по смерть ея».⁸⁴ Незадолго до смерти Екатерина II пожаловала Роджерсону (19 августа 1795 г.) 1586 чел. крепостных крестьян.

Примечательно, что Роджерсон сохранил свое положение лейб-медика, в отличие от очень многих соратников Екатерины II, и при Павле I. Свидетельством этому стал чин тайного советника, полученный врачом на коронацию Павла I – 5 апреля 1797 г.

Все правление Павла I и первую половину царствования Александра I Роджерсон сохранял должность лейб-медика. Он продолжал лечить членов императорской фамилии, став за несколько десятилетий привычной фигурой в коридорах Зимнего дворца, поскольку сохранял свое положение на протяжении трех царствований (Екатерина II, Павел I и Александр I). Роджерсон прожил в России до 1816 г., то есть более полувека. С разрешения Александра I он периодически отъезжал в Англию в длительные отпуска «на столько времени, сколько его домашние обстоятельства востребуют». При этом 6 апреля 1804 г. Александр I распоря-

⁷⁶ Там же. С. 256.

⁷⁷ «Жаловались болью поясницы, лежали поутру в будуаре» (26 марта 1792 г.); «Нездоровы, сегодня 29-ое лучше, но еще слабы и только причесали волосы» (Екатерина II болела с 26 декабря 1792 г.) (Там же).

⁷⁸ «С получением известия о злодейском умерщвлении Короля Французского, Ея Величество слегла в постель, и больна, и печальна; сегодня, благодаря Богу, лучше» (2 февраля 1793 г.). (Там же).

⁷⁹ «После того, как пустили кровь от вчерашнего падения с лестницы, благодаря Бога, сегодня гораздо лучше Ея Величеству» (9 марта 1793) (Там же).

⁸⁰ Зимний дворец был заселен в апреле 1762 г.

⁸¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3872. Л. 21. Перечень именным указам Ея Императорского Величества. 1762 г.

⁸² Там же. Д. 3874. Л. 2. Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1763 г. о расходе денег.

⁸³ В мемуарах Екатерины II упоминается, как лейб-хирург Гион вырывал ей коренной зуб в конце 1750-х гг.

⁸⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3874. Л. 38. Реестр именным Ея Императорского Величества указам 1763 г. о расходе денег.

дился, что содержание и должность за Роджерсоном должны быть «сохранены, причем навсегда, неотъемлемо».⁸⁵

Роджерсон, имевший колоссальные связи, протезировал многим коллегам-соотечественникам, приезжавшим в Россию за деньгами и карьерой. Именно Роджерсон при Павле I «подсадил» своего соотечественника Я. В. Виллие, дав старт его многолетней успешной придворной медицинской карьере.

Роджерсон вернулся в Англию в 1816 г., где и умер в своем шотландском поместье в 1823 г. В мае 1817 г. придворные хозяйственники подняли вопрос: следует ли платить жалованье в полном объеме по должности лейб-медика окончательно уехавшему в Англию Роджерсону. 4 июня 1817 г. дело доложили Александру I, который «высочайше соизволил: продолжить по прежнему производство денег лейб-медику Рожерсону во все время его отсутствия».⁸⁶

---

⁸⁵ РГИА. Ф. 471. Оп. 1. Д. 671. Л. 1. По отношению Егермейстера Пашкова, о жалованье и содержании получаемом из Придворной конторы лейб-медиком Роджерсоном. 1817 г.

⁸⁶ Там же.

Почему при Екатерине II в иерархии придворных медицинских должностей на короткое время появилась должность камер-медика

Это было личное решение Екатерины II, которая в 1784 г. специально под приглашенного ею в Зимний дворец доктора М. А. Вейкарта⁸⁷ учредила эту должность. Естественно, это решение императрицы стало сенсацией, немало озаботившей придворных врачей, даже такого уровня, как И. С. Роджерсон. Сам Вейкерт вспоминал: «Императрица пожаловала меня камер-медиком и приказала сказать мне, что я могу входить во время ея туалета в переднюю комнату, наравне с ея лейб-медиком и лейб-хирургом. Совершенно еще небывалый в России титул камер-медика вскружил голову и мне, и другим врачам. Оскорбленные лейб-медики говорили: „Камер-медик должно быть выше лейб-медика“; я же думал, что камер-медик нечто среднее между лейб-медиком и гофмедиком. Но мы все ошибались, потому что, как каждый гофмедик заведует особою частью, например фрейлинами, пажами и т. п.; так и мое дело было заботиться о лицах, принадлежавших к камере⁸⁸».⁸⁹

В 1787 г. (с января по июль) М. А. Вейкерт в числе других придворных медиков (лейб-медик И. С. Роджерсон; лейб-хирург И. З. Кельхен,⁹⁰ камер-хирург Мессинг и придворный аптекарь Гревс) сопровождал Екатерину II в ее знаменитой поездке в Крым.

Любопытно, что Вейкерт упоминает о бытовавшем при Императорском дворе «докторском столе». Так называлась категория кухонного стола, кушанья с которого подавались только лейб-хирургу, гофхирургу и придворному аптекарю: «Тут-то я узнал, что это был двор, при котором не знали скупости. Мне приносили каждый день по тринадцати бутылок разных напитков: вина, английского пива, русских питий и еженедельно по штофу данцигского ликера, ежедневно известное количество восковых свечей, кофею, чаю и т. п. Я вспомнил слова Олсуфьева: „Ни при одном дворе, ни в Европе, ни в Азии, ни в Африке не тратится столько, как у нас“».⁹¹

---

⁸⁷ Мельхиор Адам Вейкерт (1742–1803) – выпускник медицинского факультета Вюрцбургского университета, дослужился в Германии до должности профессора при Фульдском университете. Служил при дворе Екатерины II в должности камер-медика с 1784 по 1789 г. Вторично жил в России с 1797 по 1801 г.

⁸⁸ Имеются в виду личные покои императрицы Екатерины II в Зимнем дворце.

⁸⁹ Из записок доктора Вейкарта // Русский архив. 1886. Кн. 1, вып. 3. С. 236.

⁹⁰ Кельхен Иван Захарович (Johann Henrich von Kelchen, 1722–1810) – лейб-хирург Екатерины II. Управлял Санкт-Петербургским немецким медико-хирургическим институтом, Медицинской коллегией и Обуховской больницей. Получил чин действительного статского советника при коронации Павла I в 1801 г.

⁹¹ Из записок доктора Вейкарта. С. 236.

Д. Г. Лезицкий. Портрет А. Д. Ланского. 1782 г.

Однако эта сладкая жизнь М. А. Вейкарта продолжалась недолго, поскольку врач не сумел спасти фаворита Екатерины II Ланского. Платой за это стало удаление Вейкарта от двора в 1789 г. и возвращение в Зимний дворец лейб-медика Роджерсона.

Если обратиться к номенклатуре придворных медицинских должностей в их историческом развитии, то, наряду с архивными источниками, следует иметь в виду ежегодно издававшийся «Адрес-календарь»⁹² с перечнем всех официальных лиц Российской империи. Так,

---

⁹² Адрес-календари издавались в период с 1765 по 1917 гг. До 1843 г. именовались «Месяцеслов и общий штат Российской империи», после – «Адрес-календарь или общий штат Российской империи».

в первом «Адрес-календаре» за 1765 г. в номенклатуре придворных медицинских должностей упомянуты лейб-медики,⁹³ лейб-хирурги,⁹⁴ гофхирурги⁹⁵ и придворный аптекарь. В 1770-х гг. к ним добавили «придворных докторов»⁹⁶ и медиков, находящихся «при Его Императорском Высочестве»⁹⁷ Павле Петровиче. При Александре I в номенклатуру должностей отдельной строкой включили «акушера»,⁹⁸ «зубного лекаря»⁹⁹ и «камер-хирурга».¹⁰⁰ Судя по всему, должности узких специалистов появлялись в придворном медицинском штате по мере появления тех или иных проблем у членов императорской семьи. Например, в 1811 г. впервые упомянута должность придворного «мозольного лекаря»,¹⁰¹ а в 1813 г. появился «глазной доктор»,¹⁰² должность которого в 1821 г. переименована в «лейб-окулиста».¹⁰³ Эта номенклатура должностей¹⁰⁴ сохранялась вплоть до 1826 г. С образованием Министерства Императорского двора (1826 г.) в упомянутую номенклатуру включили врачей «для пользования больных придворного ведомства». В середине 1830-х гг. появляются должности «почетных лейб-медиков» и почетных «лейб-хирургов», в начале 1840-х гг. к ним прибавляется «почетный дантист». В 1876 г. Александр II санкционирует появление должностей «придворного гимнаста», «лейб-педиатра» и «лейб-окулиста». Эта номенклатура должностей сохранялась вплоть до 1917 г., что, конечно, не исключало приглашения к Императорскому двору узких специалистов различных медицинских специальностей, которые начали формироваться во второй половине XIX в.

---

⁹³ Иван Иванович Шилинг, Карл Федорович Крузе.

⁹⁴ Вилим Вилимович Фусадие, Иван Федорович Реслейн.

⁹⁵ Христофор Паульсон, Христиан Ульрих, Иоган Бек, Христиан Баумгарт, Иоган Лидерс.

⁹⁶ Карл Леонтьевич Эйлер, Георг Андрей Кирнер.

⁹⁷ Лейб-хирург Иван Филипович Бек, доктор Шулинус, гофмедик Фридерик Аламан.

⁹⁸ Николай Мартынович Сутгоф.

⁹⁹ Коньяр.

¹⁰⁰ Иван Эйборг.

¹⁰¹ Иозеф Гартог. Его периодически именовали в документах «мозольным оператором».

¹⁰² Иозеф Райнери.

¹⁰³ Иосиф Иванович Груби, надворный советник, медицины и хирургии доктор и ординарный профессор окулистики в Медико-хирургической академии, награжден орденами Св. Анны II ст. и Св. Владимира IV ст., кавалер.

¹⁰⁴ Лейб-медики, в должности лейб-медиков, акушер и лейб-медик, лейб-окулист, лейб-хирурги, придворные доктора, гофхирурги, мозольный оператор, гофмедики (в том числе зубной врач).

Какое заболевание стало главной причиной смерти Екатерины II

Смерть первого лица в самодержавной империи – это всегда потрясение основ. Эти печальные события оставляют заметный след в душах подданных.

За все время существования Зимнего дворца в качестве главной императорской резиденции в ней умерли несколько первых лиц: императрица Екатерина II (в ноябре 1796 г.), императрица Мария Федоровна (в октябре 1828 г.), император Николай I (в феврале 1855 г.) и император Александр II (в марте 1881 г.). Все эти смерти стали значимыми этапами «жизни» Зимнего дворца, означавшими конец одного царствования и начало другого. Всё, как в чеканной формуле: «Король умер, да здравствует король!».

Как всякий человек, императрица Екатерина II временами задумывалась о своей смерти. Она даже составляла ее «сценарии», планируя преставиться в окружении друзей, под звуки нежной музыки, среди цветов. Сохранилась заметка Екатерины II, написанная чернилами на клочке бумажки: «Ежели умру в городе, положите меня в Александро-Невском монастыре, в соборной церкви, мною построенной. Ежели в Царском Селе, в Софейском кладбище у Казанской Богородицы. Буде в Петергофе, у Сергеевской пустыни. Ежели в Москве, в Успенском монастыре».¹⁰⁵ Примечательно, что Екатерина II не упоминает Петропавловский собор, где находили последнее пристанище монархи начиная с Петра I.

Она не единожды составляла эпитафии на свою могилу. Но старушка с косой, как это и бывает, пришла неожиданно, и смерть оказалась совсем не такой, как ее представляла императрица. Инсульт настиг Екатерину II во время утреннего туалета 5 ноября 1796 г. Современники и очевидцы оставили подробнейшие описания этих часов в стенах Зимнего дворца. Если отбросить «лирику», то произошедшее сводится к следующим «медицинским фактам». Императрице шел 68-й год, она давно болела различными возрастными заболеваниями, включая гипертонию. «Профессия» Екатерины II, связанная с постоянными стрессами, могла не единожды спровоцировать инсульт.

Такой стрессовой ситуацией для 67-летней императрицы оказался скандал, связанный со сватовством шведского короля к внучке императрицы – великой княжне Анне Павловне. Дело в том, что шведский принц прямо в Зимнем дворце (14 сентября 1796 г.) отказался жениться на великой княжне, если она не перейдет в протестантизм. Для императрицы это стало сильнейшим ударом. И в прямом, и в переносном смысле. По свидетельству современников, «она не могла выговорить ни одного слова и оставалась несколько минут с отверстым ртом, доколе камердинер ее Зотов (известный под именем Захара) принес и подал ей выпить стакан воды».¹⁰⁶ Тем не менее императрица оправилась, и окружающие не отмечали ничего тревожного в состоянии ее здоровья.

Императрица бодрилась и желала, чтобы всё было, как всегда. В воскресенье, 2 ноября 1796 г., «императрица Екатерина в последний раз появилась на публике. Казалось, что она и вышла для того только, чтобы проститься со своими подданными. Потом все поражались, вспоминая впечатление, которое она на всех произвела. Хотя публика обыкновенно собиралась по воскресеньям в Кавалергардской зале, а двор – в дежурной комнате, императрица редко проходила по Кавалергардской зале. Чаще всего она прямо шла из дежурной комнаты через столовую в Большой собор. Туда она приглашала также великого князя Павла или Александра, если Павел в тот день не приезжал, и слушала службу с хоров, одно окно которых выходило

---

¹⁰⁵ Собственноручная заметка Екатерины II // Русский архив. 1871. № 1. С. 150. [Электронная версия.]

¹⁰⁶ *Ростопчин Ф. В.* Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I // Архив князя Воронцова. М., 1876. Кн. 8. С. 158–174. [Электронная версия.]

в алтарь. 2 ноября императрица пошла в церковь через Кавалергардскую залу. Она была в трауре по королеве португальской и выглядела лучше, чем все последнее время. После службы императрица довольно долго оставалась в Тронной зале. Госпожа Лебрен только что окончила портрет во весь рост великой княгини Елисаветы и в этот день представила его императрице. Ее величество велела поместить его в Тронной зале, долго рассматривала, изучала во всех подробностях и высказывала свое мнение о нем в беседе с лицами, приглашенными в тот день к ее столу.

Затем состоялся большой обед, как и всегда по воскресеньям. Среди приглашенных находились великие князья Александр и Константин с их супругами. Это был не только последний день, когда все они обедали у ее величества, но и последний раз, когда она их видела. По распоряжению государыни, вечером они к ней не являлись». ¹⁰⁷

4 ноября 1796 г. состоялся традиционный «Малый Эрмитаж». Екатерина II шутила, много смеялась, но, уйдя с собрания раньше обычного, в своих покоях обронила, что у нее «мелькающие мухи в глазах».

Буквально накануне случившегося инсульта императрицу видел лейб-медик Роджерсон. Он обратил внимание на возбужденный вид императрицы, сильно взволнованной после получения важных известий с театра военных действий. Роджерсон, с согласия императрицы, проследовал за ней в спальню, где, выслушав ее пульс, попросил немедленно сделать кровопускание. Но Екатерина лишь посмеялась над его опасениями, заявив, что он успеет пустить кровь и завтра.

Но этого «завтра» у императрицы уже не было. С ней случился, как говорили в XVIII в., удар. Утром 5 ноября 1796 г. императрица упала в туалете, где ее и нашел камердинер. Слуги пытались привести ее в чувство, но глаза ее были закрыты, цвет лица – багровый, а из горла раздавался хрип. Сбежавшиеся слуги с трудом вынесли грузную императрицу из туалета и перенесли в спальню. Поднять императрицу на кровать они уже не смогли и уложили ее на полу, на сафьяновом матрасе, послав за докторами.

В камер-фурьерском журнале произошедшие события изложены следующим образом (5 ноября 1796 г.): «...по утру в 6 часов Государыня изволила проснуться в совершенном здравии, кушала кофий и по обыкновенному своему упражнению села писать, что продолжалось до 9 часов. В 10 часу нашел Ее Величество камердинер Захар Зотов, лежащую в чулане, ¹⁰⁸ для чего, призвав товарищей своих Ивана Тюльпина и Ивана Чернова, чтоб перенести в почивальню, которые и начали поднимать, без всякого чувства только взглянула один раз, испустила слабый стон с вздохом, а как они стали переносить, то нашли необъятную тягость и в числе 6 человек едва могли перетащить и положили в почивальной на полу с закрытыми глазами, и только что храпела и утроба вздымалась, а при пришествии медиков отворили кровь из руки, но она хотя и текла, но тихо, и притом густая и черная, давали рвотное и порошки, клали шпанскую муху, ставили несколько клистиров, но все оное никакой пользы не принесло, почему призван был Отец духовный Сава Исаевич, чтобы по закону христианскому сделать все, что следует, но как невозможно было приобщить Святых Тайн по причине текущей мокроты из рта, то решился отправить Канон при исходе души, а как приехал Преосвященный митрополит Гавриил Новгородский и Санкт-Петербургский, то присоветовал отцу духовному приобщить Святых Тайн, потому что на этот раз мокрота остановилась. В 9-ом часу изволил прибыть из Гатчины наследник Цесаревич...». ¹⁰⁹

---

¹⁰⁷ Мемуары графини Головиной, урожденной княжны Голицыной. М., 1911. [Электронная версия.]

¹⁰⁸ Чуланом тогда называлась туалетная комната.

¹⁰⁹ Цит. по: *Молин Ю.* Романовы. Путь на Голгофу. Взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2002. С. 296. Подробное описание в камер-фурьерском журнале порядка приобщения императрицы Святых Тайн подтверждает тот факт, что императрица ушла из жизни «как положено».

Лапидарную информацию камер-фурьерского журнала дополняют воспоминания мемуариста: «По утрам 7-го ноября 1796 г., проснувшись, позвонила она по обыкновению в 7 часов; вошла Марья Савишна Перекусихина. Императрица утверждала, что давно не проводила так покойно ночь, встала совершенно здоровою и в веселом расположении духа. – „Ныне я умру“, – сказала императрица. Перекусихина старалась мысль эту изгнать: но Екатерина, указав на часы, прибавила: „Смотри! в первый раз они остановились“. – „И, матушка, пошли за часовщиком и часы опять пойдут“. „Ты увидишь“, – сказала государыня, и, вручив ей 20 тысяч рубл. асс., прибавила: „Это тебе“».

Сегодня у врачей есть такое понятие, как «золотой час». Если в течение этого времени, сразу же после инсульта, больному оказывается квалифицированная медицинская помощь, есть серьезные шансы «вытащить» его из болезни. Такого «золотого часа» у Екатерины Великой не оказалось, да и методов тогда соответствующих не было. Вызванный гофмедик собирался пустить кровь императрице, но Платон Зубов не позволил ему это сделать. Ждали лейб-медика Роджерсона, который приехал спустя полтора часа и наконец выполнил эту несложную манипуляцию. Как указано в камер-фурьерском журнале, Роджерсон распорядился приставить к ногам Екатерины II шпанские мушки, но и это не принесло пользы. По мнению врача, «удар по следовал в голову и был смертельным».¹¹⁰

Множество курьеров, независимо друг от друга, были направлены разными сановниками в Гатчину с известием о смертельной болезни Екатерины II. Все торопились отметить, сообщив наследнику «добрую весть». Зимний дворец постепенно наполнялся «людьми всякого звания, кои, собраны будучи вместе столько же по званиям их, сколько из любопытства или страха, все с трепетом ожидали окончания одного долговременного царствования для вступления в другое, совсем новое».¹¹¹

Как это ни удивительно, но великому князю Александру Павловичу, старшему сыну цесаревича Павла Петровича, позволили войти к умиравшей бабушке только в 6-м часу вечера. Это свидетельствует о напряженной подковерной работе сановников, сделавших ставку на будущего Павла I. Фрейлина В. Н. Головина пишет в воспоминаниях: «Войдя в слабо освещенную спальню, великий князь и великая княгиня видали ее величество, лежавшую на полу, на матрасе, огороженном ширмами. В ногах ее стояли камер-фрейлина Протасова и одна из первых камер-фрау Алексеева. Их рыдания вторили страшному хрипению государыни, и это были единственные звуки, нарушавшие глубокое безмолвие. Александр и его супруга оставались там недолго. Они были глубоко потрясены».¹¹²

Наследник Павел Петрович приехал в Зимний дворец только к вечеру 5 ноября 1796 г. При этом императрицу все уже «списали» и всякий, «кто хотел, подвигнутый жалостью или любопытством, входил в ту комнату, где лежало едва дышащее тело императрицы». Наследник переговорил с докторами, которые подтвердили, что надежды на то, что императрица хоть каким-либо образом оправится, нет.

Графиня В. Н. Головина описывает вечер 5 ноября 1796 г. в Зимнем дворце следующим образом: «Павел приехал к семи часам и, не заходя к себе, отправился с супругой своей в покои императрицы. Он виделся лишь со своими сыновьями, а невестки его получили приказание оставаться у себя. Комната императрицы тотчас же наполнилась лицами, преданными великому князю-отцу. То были, по большей части, люди, взятые из ничтожества, которым ни таланты, ни рождение не давали права претендовать на высокие посты и на милости, о которых они уже мечтали. Толпа в приемных увеличивалась все больше и больше. Гатчинцы (так называли лиц, о которых я только что говорила) бегали, расталкивая придворных, и те спрашивали

---

¹¹⁰ *Ростопчин Ф. В.* Последний день жизни императрицы Екатерины II...

¹¹¹ Там же.

¹¹² Мемуары графини Головиной...

себя с удивлением, что это за остготы, одни только имеющие право входа во внутренние покои, в то время как прежде их не видывали даже в приемных?».¹¹³

Великий князь Павел Петрович провел ночь в кабинете «рядом со спальней своей матери, поэтому все, кому он отдавал приказания, направляясь в кабинет и обратно, проходили мимо еще дышавшей императрицы, так, словно бы ее уже не существовало. Это крайнее неуважение к особе государыни, это кощунство, недопустимое и к последнему из людей, шокировало всех и представляло в неблагоприятном свете разрешавшего это великого князя Павла».¹¹⁴

В эту ночь в Зимнем дворце не спали, поскольку решался вопрос о власти. Видимо, именно тогда было уничтожено завещание Екатерины II, якобы предполагавшее передачу власти внуку – великому князю Александру Павловичу. Именно тогда великий князь Александр присягнул своему отцу как новому императору. Именно тогда великая княгиня Елизавета Алексеевна рассталась с мыслью стать императрицей.¹¹⁵ Судя по воспоминаниям фрейлины В. Н. Головиной, великую княгиню буквально потряс гатчинский мундир, который ее супруг, великий князь Александр Павлович, надел в эту ночь.¹¹⁶

По воспоминаниям Я. И. де Санглена, в 9 часов утра 6 ноября, войдя в кабинет, где находились великий князь Павел Петрович и великая княгиня Мария Федоровна, Роджерсон объявил им, что удар в голову смертельный и что Екатерина II «кончается». Впрочем, это было уже и так всем понятно. Поэтому 6 ноября Павел Петрович вел себя уже как император, приказав опечатать кабинет Екатерины I, предварительно изъяв все документы.

Весь день 6 ноября Екатерина II умирала. Фрейлина В. Н. Головина писала об этом дне: «До трех часов дня мы провели самое страшное время в моей жизни. Каждые два часа муж присылал мне записочки; была минута, когда надежда озаряла все сердца, как луч света темноту, но она была очень непродолжительна и сделала еще более твердой уверенность в несчастье».¹¹⁷ Другой очевидец вспоминал: «С трех часов пополудни слабость пульса у императрицы стала гораздо приметнее; раза три или четыре думали доктора, что последует конец; но крепость сложения и множество сил, борясь со смертью, удерживали и отдаляли последний удар. Тело лежало в том же положении, на сафьянном матрасе, неподвижно, с закрытыми глазами. Сильное хрипение в горле слышно было и в другой комнате; вся кровь поднималась в голову, и цвет лица был иногда багровый, а иногда походил на самый живой румянец. У тела находились попеременно придворные лекари и, стоя на коленях, отирали ежеминутно материю, текшую изо рта, сперва желтого, а под конец черноватого цвета».¹¹⁸

В течение дня Роджерсон был с умирающей и присутствовал при последних минутах ее жизни. «Я тотчас же увидел, – писал Роджерсон своему близкому другу графу С. В. Воронцову, – что она скончалась. Преклонные годы и ее тучность (так как в последние годы она очень

---

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Елизавета Алексеевна, отвечая на вопросы матери, писала 9 января 1797 г.: «Вы спрашиваете, не страдала ли покойная Императрица каким-либо недомоганием перед ударом? За несколько недель до кончины ее довольно часто беспокоили то спазмы, то ревматизм, но это не было болезнью; за два дня у нее случилась колика, однако накануне вечером она чувствовала себя, как говорят, превосходно, хотя в этот вечер мы ее не видели. Утром ее также ничего не беспокоило, когда случился удар (в некоем месте, как и с моей бабушкой). Будучи одна и не в силах кого-нибудь позвать, она оставалась некоторое время без вспомоществования, и ее нашли уже без чувств» (Александр и Елизавета. Хроника по письмам императрицы Елизаветы Алексеевны. 1792–1826. М., 2013. С. 83).

¹¹⁶ «Около трех часов утра вместе с Константином они вошли к Елисавете. Они уже переоделись в форму батальонов великого князя-отца. Эта форма служила в царствование Павла образцом, по которому переобмундировали всю армию. Иногда ничтожные обстоятельства действуют сильнее, чем что-либо серьезное. При виде этих мундиров, которых не носили нигде, кроме Павловска и Гатчины, и которые великая княгиня до сих пор видела на муже только когда он надевал их тайком, ибо императрица не желала, чтобы внуки ее учились прусскому капральству, – при виде этих мундиров, над которыми великая княгиня тысячу раз насмеялась, исчезли последние иллюзии, и она разрыдалась» (Мемуары графини Головиной...).

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ *Росточин Ф. В.* Последний день жизни императрицы Екатерины II...

пополнила и отяжелела) предрасположили ее к апоплексии – этому наследственному припадку, от которого умерли ее братья. Я уверен, однако, что обстоятельства, о которых я сообщал вам через Фратера, еще более ускорили ее кончину». Мы можем только догадываться, о каких «обстоятельствах» упоминает Роджерсон. Впрочем, среди петербургского бомонда самых разных слухов об императрице ходило множество.

Умерла Екатерина Великая 6 ноября 1796 г., в 22 часа 45 минут. В камер-фурьерском журнале имеется следующая запись: «Ее Величество, при непрерывном страдании храпениями и воздыханиями утробы при изрыгании по временам из гортани гнилой темного цвета мокроты, продолжавшейся до 9 часа вечера, не открывала очей и не чувствуя сего страдания через 36 часов непрерывно продолжавшегося без всякой перемены... 6 ноября в четверг пополудни 10-го часа и 45 минут скончалась в возрасте 67 лет 6 месяцев и 15 дней...».¹¹⁹

Очевидец вспоминал: «По правую сторону тела императрицы стояли наследник, супруга его и их дети; у головы призванные в комнату Плещеев и я; по левую сторону доктора, лекари и вся услуга Екатерины. Дыхание ее сделалось трудно и редко; кровь то бросалась в голову и переменяла совсем черты лица, то, опускаясь вниз, возвращала ему естественный вид. Молчание всех присутствующих, взгляды всех, устремленные на единый важный предмет, отдаление на сию минуту от всего земного, слабый свет в комнате – все сие обнимало ужасом, возвещало скорое пришествие смерти. Ударила первая четверть одиннадцатого часа. Великая Екатерина вздохнула в последний раз и, наряду с прочими, предстала пред судом Всевышнего».¹²⁰

Удивительно, но все это время супруга Павла I, великая княгиня Мария Федоровна, сохраняла полное спокойствие. Для нее случилось то, чего она страстно желала многие годы: «...императрица Мария, деятельно и с полным присутствием духа, занялась одеванием почившей императрицы и уборкой ее комнаты. Усопшую положили на постель и одели в домашнее платье».¹²¹ В этой же комнате состоялась панихида, а затем все, поцеловав руку почившей, перешли в Большую церковь Зимнего дворца, где Павел I принял у присутствующих присягу на верность. По окончании присяги Павел I «пошел прямо в спальную комнату покойной императрицы, коей тело в белом платье положено было уже на кровати, и диакон на аналое читал Евангелие. Отдав ей поклон, государь, по нескольких минутах, возвратился в свои собственные покои». Так началось новое царствование.

8 ноября состоялось вскрытие и бальзамирование тела усопшей. Во время вскрытия, как указано в камер-фурьерском журнале, «найдена причина смерти от удара в голову и что кровь разлилась в голове на мозгу в двух местах, на одной стороне жидкая кровь от разорвавшейся жилы. В желчи найдены два камня и желчь, разлившаяся в сердце».¹²² По окончании сей операции Их Величества и Их Высочества изволили быть у тела».¹²³

Процессом вскрытия и бальзамирования усопшей руководили лейб-медики К. Ф. Крузе¹²⁴ и И. С. Роджерсон. Они подписали протокол вскрытия, составленный по-немецки и по-английски. То, что «удар» 5 ноября 1796 г. был следствием запущенной гипертонической болезни, – вне сомнений. Этому дню предшествовали преходящие нарушения мозгового кровообращения. Кроме этого, на произошедшем сказался сильный стресс, связанный с провалом

---

¹¹⁹ Цит. по: *Молин Ю.* Романовы. Путь на Голгофу. С. 296.

¹²⁰ *Ростопчин Ф. В.* Последний день жизни императрицы Екатерины II...

¹²¹ Мемуары графини Головиной...

¹²² По мнению доктора медицинских наук профессора Ю. Молина, это является посмертным артефактом, связанным с повреждением желчного пузыря вследствие технических погрешностей при вскрытии.

¹²³ Цит. по: *Молин Ю.* Романовы. Путь на Голгофу. С. 297.

¹²⁴ Крузе Карл Фридрих (Карл Федорович, 1727–1799) – лейб-медик, учился в Лейдене, в 1749 г. защитил диссертацию. Приехав в Россию, был назначен старшим доктором в Адмиралтейский генеральный госпиталь, по контракту на три года, и профессором в училище при госпитале. Крузе женился на дочери лейб-медика Бургава и приобрел большую практику. В 1753 г. стал главным доктором войск гвардии. 18 июля 1761 г. Крузе был назначен лейб-медиком, с чином действительного статского советника и

запланированной свадьбы, а также привычки молодости, с которыми императрице так не хотелось расставаться (крепчайший кофе по утрам). К тому же 67-летняя императрица не желала прекращать и утех с 29-летним Платоном Зубовым. Есть еще ряд факторов,¹²⁵ которые ускорили кончину Екатерины II.

9 ноября лейб-медику Роджерсону поручили осмотреть тело умершей и «донести, в каком состоянии он его найдет». Роджерсон высказался за необходимость решительно сократить время прощания с покойной императрицей. Зимний дворец оделся в траур по своей первой хозяйке. Тело поместили в тронной зале под балдахином, положив руку покойной так, чтобы ее было удобно целовать прощающимся.¹²⁶ По свидетельству В. Н. Головиной, «Императрица Мария Федоровна расхаживала взад и вперед, отдавала приказания и распоряжалась церемонией. Ее довольный вид мучил меня... Рядом с Тронной находилась Кавалергардская зала. Здесь все было обтянуто черным: потолок, стены, пол. Блестящий огонь в камине один лишь жалованьем в 4000 руб. в год. Он лечил императрицу Елизавету Петровну во время последней ее болезни. Император Петр III Федорович уволил его от службы 19 апреля 1762 г., но вслед за воцарением Екатерины II Крузе снова приняли на службу на прежнюю должность. освещал эту комнату скорби. Кавалергарды, в их красных колетах и серебряных касках, разместились группами, опираясь на свои карабины, или отдыхали на стульях. Тяжелое молчание царило повсюду, его нарушали лишь рыдания и вздохи».¹²⁷

Через некоторое время по распоряжению Павла I состоялась церемония перенесения в Зимний дворец тела императора Петра III Федоровича из Александровской лавры. Тело императора Петра III, убитого во время переворота 1762 г., выставили в Белом зале (ныне – Гербовый) Зимнего дворца на катафалке, по правую сторону тела императрицы Екатерины II. Вскоре оба гроба перевезли в Петропавловскую церковь «с большою церемониею», где они и были погребены в один и тот же день.

---

¹²⁵ По мнению проф. Ю. А. Молина сердечный приступ во время акта дефекации пожилых больных, страдающих тяжелым поражением сердечнососудистой системы, не является редкостью. Все это могло спровоцировать гипертонический криз, острую сердечную недостаточность. Клинический диагноз императрицы, согласно Ю. А. Молину, выглядит следующим образом. Основной: гипертоническая болезнь III стадии с частыми преходящими нарушениями мозгового кровообращения по типу кризов и транзисторных ишемических атак. Дисциркуляторная энцефалопатия II стадии (хроническая недостаточность мозгового кровообращения). Геморрагический инсульт в левом полушарии головного мозга от 5 ноября 1796 г. с тотальной афазией (потеря и неспособность понимания речи) и правосторонним резко выраженным гемипарезом. Осложнения: отек и сдавливание головного мозга. Недостаточность кровообращения III степени. Сопутствующие заболевания: хронический калькулезный холецистит. Хронический тромбоз вен нижних конечностей с трофическими язвами обеих голеней. Общее ожирение I–II степени (см.: *Молин Ю. Романовы. С. 299*).

¹²⁶ *Голицын Ф. Н. Записки // Русский архив. 1874. Кн. 1, вып. 5. Стб. 1306.*

¹²⁷ Мемуары графини Головиной...

Кто занимал должности лечащих врачей Павла I

Павел I, при всей нетерпимости к окружению своей матери, сохранил без изменений весь штат придворных лейб-медиков и хирургов, обслуживавших Екатерину II. Поэтому лейб-медики Роджерсон, Блок, Бек и лейб-хирург Леблен продолжали работать в Зимнем дворце. Замечу попутно, что когда 16-летний наследник Павел Петрович в 1771 г. заболел, то вылечившие его врачи были щедро вознаграждены Екатериной II. 26 августа 1771 г. императрица распорядилась «об отпуске графу Н. И. Панину для выдачи пожалованных в награждение лейб-медикам и прочим, находившимся при Его Императорском Высочестве во время болезни его 25 000 руб.».¹²⁸

Николай I, вспоминая детство, упоминал, что его с младшим братом «часто посещали доктора: господин Роджерсон, англичанин, доктор Императрицы, господин Рюль, доктор моего отца, господин Блок, другой его доктор, господин Росберг, хирург, господин Эйнборг и доктор Голлидей, который нам привил оспу».¹²⁹

Как мы видим, в качестве домашних врачей Павла I упомянуты: Иван Федорович Рюль (1768–1846) и Иван Леонтьевич Блок (1735–1811). Пожалуй, самым известным из упомянутых врачей был И. Ф. Рюль. Его карьера началась в 1794 г., когда его назначили полковым врачом лейб-гвардии Преображенского полка. 20 марта 1798 г. по прямому указанию Павла I И. Ф. Рюля назначили младшим гоф-хирургом, а в 1802 г. – гофхирургом Зимнего дворца. В 1804 г. он получил должность лейб-медика при Дворе императрицы Марии Федоровны. При этом И. Ф. Рюль не был «паркетным» врачом, поскольку принимал участие в войнах начала XIX в. В 1805–1806 гг. он участвовал в сражениях у городов Вельс, Эмс, Кремс, Штейн и при Аустерлице. В 1810 г. Александр I пожаловал И. Ф. Рюля должностью своего лейб-хирурга, а в 1823 г. – лейб-медика.

Упомянутый лейб-хирург Иван Иванович Рос(з)берг (Johann Ernst Rosberg, 1734–1806) начал свою службу при Императорском дворе в 1783 г. в качестве гофлекаря, при Павле I в 1796 г. занял должность гофхирурга, звание лейб-хирурга получил при Александре I в 1802 г. В 1803 г. лейб-хирурга высочайше пожаловали потомственным дворянством. В описании его герба упоминается «в меньшей нижней червленной части золотой жезл Меркурия»¹³⁰.

Лейб-медик И. Л. Блок начал медицинскую карьеру на русской службе в 1755 г. в качестве армейского врача. При этом выходец из Мекленбурга во время Семилетней войны служил в Новгородском пехотном полку. В 1785 г. Екатерина II подписала указ о назначении Блока лейб-хирургом при великом князе Павле Петровиче. Когда наследник стал императором, И. Л. Блок продолжал лечить семью Павла I.

Характерно, что дворцовая медицинская карьера многих придворных врачей, включая домашних, начиналась в гвардейских полках, где у них появлялась возможность оказаться «в случае» при императоре.

Когда Павел I в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. был убит, его тело приводили в порядок и бальзамировали врачи, работавшие при императоре: Я. В. Виллие, И. Ф. Бек, И. С. Роджерсон. Поскольку работа затягивалась, к вышеуказанным врачам присоединились лейб-медики Грив и Н. М. Сутгоф – врач императрицы Елизаветы Алексеевны. У лейб-медиков на подхвате работали гофхирурги Орлай и Филиппов, придворный аптекарский помощник Польман. 10 апреля

---

¹²⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3886. Реестр именным Ея императорского Величества указам за 1771 г.

¹²⁹ Воспоминания о младенческих годах Императора Николая Павловича, записанные Им собственноручно // Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2000. С. 75.

¹³⁰ В XIX в. изображение жезла Меркурия (кадуцей) использовалось в ряде стран как символ медицины из-за его сходства с посохом Асклепия. С сентября 2007 г. кадуцей используется в эмблеме Федерального фонда обязательного медицинского страхования РФ.

1801 г. им выплатили по 1000 руб. По 500 руб. получили лекарские ученики Евстрат Федотов и Петр Васильев. Чуть позже такую же денежную награду выдали аптекарским помощникам Тыхлу и Шефферу.

В результате на приведение в порядок тела Павла I ушло порядка 30 часов. Работы у врачей, действительно, было очень много, поскольку Павлу I заговорщики не только проломили висок, но и выбили из орбиты глазное яблоко. Да и распухший язык императора с трудом поместили в полость рта. Чтобы скрыть травмы, лицо густо покрыли гримом (белилами), треуголку надвинули на разбитый висок, широкую полосу вокруг шеи, появившуюся после удушения шарфом, спрятали за шейным галстуком. Только 13 марта 1801 г. тело Павла I показали жене и детям.

Памятью о том, что в 1770-х гг. убитый Петр III Федорович воскрес в образе Е. Пугачева, основательно «заштукатуренное» тело Павла I выставили для прощания в Михайловском замке.

Кто занимал должность домашнего врача Александра I

На протяжении многих лет царствования Александра I должность его лечащего врача занимал Я. В. Виллие.

Придворная карьера Виллие началась при Павле I. Как и многие до него, выпускник медицинского факультета Эдинбургского университета доктор медицины Виллие сразу же после окончания учебы в 1790 г. приехал в Россию. Как и многие до него, он ехал за карьерой, чинами и богатством. Как и многие до него, все это он получил честной службой на поприще российской медицины.

После необходимых экзаменов Виллие определили на должность лекаря в Елецкий пехотный полк, где он прослужил 5 лет, выслужив должность штаб-лекаря (1794 г.). Он не единожды участвовал в боевых действиях, например, принял участие в Польской кампании (1793–1794 гг.). Там он провел операцию, принесшую ему известность, высверлив (trepanation) адъютанту А. В. Суворова поясничный позвонок с последующим извлечением пули.

Потом было увольнение из армии и работа частнопрактикующим врачом в Москве¹³¹ и Петербурге.¹³² В 1798 г. Виллие провел операцию, сделавшую его имя известным в придворных кругах. Ему удалось пробуживать мочеиспускательный канал¹³³ датскому посланнику графу Блому. При этом лейб-медики Роджерсон, Блок, Бек и лейб-хирург Леблен оказались бессильны и предполагали вскрыть мочевой пузырь. Поскольку датского посланника хорошо знал Павел I,¹³⁴ императору доложили об успешной операции. Павел I счел необходимым лично поблагодарить Виллие и предложил ему сопровождать его в поездке в Москву и Казань. В результате указом по Придворной конторе от 25 февраля 1798 г. Виллие определили на должность придворного оператора (хирурга) с производством в надворные советники.¹³⁵

---

¹³¹ Трехлетняя служба в Москве домашним врачом князя Б. В. Голицына (старшего брата московского генерал-губернатора князя Д. В. Голицына).

¹³² В Петербурге с 1798 г.

¹³³ Виллие сумел ввести серебряный катетер, вставив в него толстую проволоку, ограниченную на конце в виде троакара. Моча была выпущена, а затем Виллие провел лечение сужения и фистул.

¹³⁴ Будучи наследником престола, Павел Петрович с супругой Марией Федоровной путешествовал по Европе под именем графа Северного и останавливался в Париже в доме датского посланника графа Блома.

¹³⁵ Отчет по устройству Михайловской клинической больницы баронета Виллие, с биографическими сведениями об учредителе этой больницы. СПб., 1873. С. 5.

Баронет Яков Виллимович Виллие

Катетеризация мочевого пузыря металлическим катетером. Гравюра из книги по хирургии XVI в.

Положение Виллие в придворной медицинской иерархии окончательно укрепляется после успешной операции (ларинготомия) графу П. И. Кутайсову. Хирург удачно вскрыл нарыв («простудная жаба») глубоко в горле у любимца Павла I.¹³⁶ За эту операцию он получил 23

---

¹³⁶ У Виллие, естественно, имелись недоброжелатели и завистники. Были и те, кто, как говорится, не «жалел отца ради красного словца». К последним можно отнести приятеля Виллие, известного литератора Н. И. Греча, который опубликовал следующую байку, имевшую отношение к этому эпизоду. Впрочем, не исключено, что эта байка была запущена со слов самого Виллие: «Вдруг Кутайсов заболел нарывом в горле. Его лечили первые придворные медики, но не смели сделать операции надрезом нарыва и ждали действия природы, а боли между тем усиливались. По ночам дежурили у него полковые лекари. Виллие явился в свою очередь и за ужином порядочно выпил даровой мадеры, сел в кресло у постели и заснул. Среди ночи

марта 1799 г. должность лейб-хирурга при Императорском дворе. В этом же 1799 г. Виллие пожаловали в лейб-хирурги, назначив также домашним врачом к наследнику – великому князю Александру Павловичу. В марте 1800 г. Медицинская коллегия «за искусство и знание во врачебной науке и оказание в пользовании болезней отличных успехов» утвердила Виллие в звании доктора медицины и хирургии.

Портрет И. П. Кутайсова

сильное храпение разбудило его. Он подошел к больному и видит, что тот задыхается; не думая долго, он вынул ланцет и царап по нарыву. Гной брызнул из раны; больной мгновенно почувствовал облегчение и пришел в себя...» (Русский архив. № 5. 1873).

Портрет Я. В. Виллие

Нельзя не упомянуть и о том, что именно Я. В. Виллие подписал заключение о смерти Павла I, убитого заговорщиками в Михайловском замке в ночь с 11 на 12 марта 1801 г., зафиксировав «апоплексический удар», а затем был среди тех, кто приводил в порядок изуродованное лицо Павла I.

Несомненно, знание таких семейных «скелетов в шкафу» Романовых делало Виллие непотопляемым. Кроме этого, Виллие прошел через все важнейшие сражения эпохи наполеоновских войн (1805–1814 гг.).¹³⁷ 20 мая 1814 г. в Париже Александр I пожаловал Я. В. Виллие в лейб-медики. В этом же году – во время пребывания Александра I в Лондоне – его врач

---

¹³⁷ В 1805 г. врач был под Аустерлицем с Александром I. Когда русская армия была разбита, Виллие ночевал в избе с императором. Несомненно, Александр I тогда пережил сильнейший стресс, его знобило, желудок расстроился. Виллие с трудом нашел у казаков охраны полбутылки красного вина, в котором развел несколько капель опия. В 1813 г. под Дрезденом Виллие ампутировал выше колена обе ноги раненному ядром во время разговора с Александром I генералу Жану Виктору Моро. В 1814 г. в Париже диагностировал смертельное заболевание («злокачественная жаба» в горле) императрицы Жозефины.

сначала получил от принца-регента достоинство кавалера (sir).¹³⁸ Вскоре принц-регент пожаловал Виллие титул баронета. Любопытно, что герб для своего домашнего врача нарисовал сам Александр I. Следует добавить, что Я. В. Виллие при Александре I проявил себя не только как талантливый хирург, но и даровитый администратор.¹³⁹

Герб Я. В. Виллие. По рисунку Александра I

---

¹³⁸ Это произошло на скачках в Аскоте. В качестве «меча» для производства в «рыцари» была использована сабля атамана Платова, который дал ее принцу-регенту. После церемонии Платов подарил ее Виллие: «Я не возьму назад сабли, береги ее на память о нынешнем дне и о твоём друге». Впоследствии Виллие подарил эту саблю Александру II, который передал ее в Царскосельский Арсенал.

¹³⁹ В 1803 г. – инспектор медицинской части по гвардии; в 1806 г. – главный по армии медицинский инспектор; в 1808 г. – управляющий медицинской экспедицией Военного департамента, президент Медико-хирургической академии; в 1810–1813 гг. – декан медицинского совета при Министерстве народного просвещения; в 1812 г. – директор Медицинского департамента при Военном министерстве.

Герб Я. В. Виллие на постаменте памятника в ВМА

Как врачи оценивали состояние здоровья Александра I

Император физически был очень крепок. Видимо, педагогические новации Екатерины II принесли свои плоды, поскольку закаливающие процедуры начались буквально с рождения Александра I. В 1823 г. император, большой любитель купания в холодной воде, приказал установить в Баболовском дворце (Царское Село) огромную ванну из полированного гранита (5 м высотой и 6 м в диаметре). Ванну вытесали из гранитного монолита мастера известной петербургской артели С. К. Суханова.

Хорошее здоровье позволяло Александру I совершать длительные поездки по стране, добираясь до Урала и Оренбурга («кочующий деспот», по словам А. С. Пушкина). Император даже бравировал своим здоровьем. Например, 6 января 1807 г. он принимал крещенский парад при 16-градусном морозе в одном мундире. Зимой он ездил, согласно традиции, заложенной Павлом I, только в открытом возке. Сезонные недомогания, конечно, случались, но в целом император не доставлял больших хлопот своим врачам.

Человек и ванна

Гранитная ванна в Баболовском дворце

Схема установки гранитной ванны

Кто лечил императрицу Елизавету Алексеевну

Поначалу лечащим врачом императрицы Елизаветы Алексеевны являлся врач ее супруга – лейб-медик Я. В. Виллие. С 1805 по 1808 г. о здоровье императрицы заботился известный австрийский клиницист ректор Медико-хирургической академии (1805 г.), И. П. Франк (1745–1821). Смещение И. П. Франка с должности было связано со смертью второй дочери Александра I, умершей в апреле 1808 г. Освободившуюся должность врача императрицы в 1808 г. занял Кондратий (Конрад) Кондратьевич фон Штофреген (Стофреген).¹⁴⁰ В этой должности он проработал в Зимнем дворце с 1808¹⁴¹ по 1826 г.¹⁴²

Астеническое телосложение императрицы, переходящее в болезненную худобу, заставляло ее врачей подозревать развитие столь частой тогда чахотки. Она часто простужалась и болела всеми положенными сезонными заболеваниями.¹⁴³ Видимо, с целью закаливания врачи периодически предписывали императрице купания в холодной Балтике. Впервые Елизавета Алексеевна выехала на балтийское побережье (местечко Плёне близ Ревеля (Таллина)) в июле 1810 г.

В июне 1823 г. Елизавета Алексеевна в письме к матушке упомянула имя своего лечащего врача: «Как и вы, милая маменька, я принимаю соляные ванны,¹⁴⁴ каковые предписала от слабости сама себе. Заменяющий Штофрегена Триниус¹⁴⁵ дополняет сие еще и укрепляющей хинной настойкой, которая, как я чувствую, мне необходима». ¹⁴⁶ Когда императрица серьезно заболела, наряду со Штофрегеном к ее лечению подключался лейб-медик Я. В. Виллие.

Серьезно заболела императрица осенью 1824 г. Об этом упоминает великий князь Николай Павлович. 19 ноября 1824 г. он записал, что Виллие «опасается аневризмы¹⁴⁷ у импера-

---

¹⁴⁰ Штофреген (Стофреген) Конрад Конрадович (1767–1841) – доктор медицины, лейб-медик, тайный советник (1826 г.). Медицине обучался в Гёттингенском университете, где в 1788 г. получил степень доктора медицины. Участвовал в сражении при Прейсиш-Эйлау (1807 г.), после которого «за искусство в пользовании больных и раненых» получил чин коллежского советника. Дивизионный доктор Инженерного корпуса. В 1808 г. назначен лейб-медиком и пожалован в статские советники. С 1811 г. – почетный член Медицинского совета Министерства внутренних дел. С 1817 г. – действительный статский советник, с 1826 г. – тайный советник.

¹⁴¹ Штофреген был представлен императрице еще в 1806 г. Его придворная карьера началась в 1808 г., после смерти дочери императрицы – великой княжны Елизаветы Александровны. Тогда К. Штофреген только консультировал лечащего врача великой княжны президента Императорской Медико-хирургической академии лейб-медика И. П. Франка. После того как девочка скончалась, К. Штофрегена приблизили к императрице, а И. П. Франка сняли с должности.

¹⁴² После смерти Елизаветы Алексеевны К. К. Штофреген оставил службу при Императорском дворе. В 1827 г. его уволили «бессрочно в отпуск в Ревель». В октябре 1831 г. Николай I пожаловал врача потомственным дворянством. В 1833 г. Штофреген был «уволен вовсе от службы с производством из Государственного казначейства пенсiona по четыре тысячи рублей в год». Описание герба К. Штофрегена: «Герб поделен горизонтально. Низ еще раз вертикально. Вверху в золотом поле половина взлетающего орла. В нижнем правом зеленом поле вертикально золотой хлебный сноп. В нижнем левом серебряном поле диагонально справа на лево красная полоса, под ней вертикально золотая извивающаяся змея с золотой короной. Над щитом дворянский коронованный шлем с тремя страусовыми перьями. Намет золотой, подложен зеленым и красным».

¹⁴³ Например, в октябре 1813 г. Елизавета Алексеевна писала матери: «Мы с Амалией совершенно здоровы, не считая простуд и воспалений, каковые в это время года удел каждого; я отдала свою дань за 203 недели, а сейчас этим занимается Амалия» (Александр и Елизавета. С. 167).

¹⁴⁴ И сегодня считается, что соляные ванны показаны при артритах, полиартритах нетуберкулезного происхождения, при начальных проявлениях заболеваний сосудов конечностей, ряде заболеваний позвоночника (спондилезе, спондилоартрозе, спондилоартрите), при гипертонической болезни 1-й и 2-й степени. Они показаны при заболеваниях центральной и периферической нервной систем (в частности, при радикулите, плексите), при хронических воспалительных заболеваниях женских половых органов и функциональной недостаточности яичников, при псориазе, нейродермите.

¹⁴⁵ Триниус Карл Антонович (Карл Бернгард, 1778–1844) – немецкий и российский ботаник, академик Петербургской Академии наук (1823 г.). Учился в Йене, Галле, Гёттингене, получил степень доктора медицины. Лейб-медик семи герцогов Вюртембергских. В России с 1809 г.

¹⁴⁶ Александр и Елизавета. С. 232.

¹⁴⁷ Аневризма – выпячивание стенки артерии (реже – вены) вследствие ее истончения или растяжения. При обнаружении любой формы аневризмы сегодня рекомендуется хирургическое вмешательство.

трицы». Что это за аневризма, из контекста неясно.¹⁴⁸ Однако из посмертного протокола вскрытия известно, что часть сердца императрицы «была до такой степени растянута и ослаблена, что не могла уже выполнять свою функцию, а именно проталкивать далее полученную кровь посредством сокращений. Деструкция стенок сделала, в конце концов, эту функцию невыполнимой», и значит диагноз Я. В. Виллие был правильным. В последующие дни Николай Павлович упоминает только двух встречавшихся в приемной Елизаветы Алексеевны врачей – Виллие¹⁴⁹ и Штофрегена.¹⁵⁰ Великий князь был допущен к императрице только 29 ноября: «к Императрице... нахожу ее лучше, но худая».

Сама Елизавета Алексеевна в письме к матушке (26 декабря 1824 г.) упомянула, что, по словам Виллие, она «должна приспособиться к растительному существованию... Прилагаю к сему, любезная маменька, письмо Штофрегена, написанное для вас по моей просьбе. Надобно, чтобы вы лучше других знали обо всем, относящееся до моего здоровья, и верно понимали состояние оно. Мне очень жаль, что пока этого нет, а я сама не могу описать все с медицинской точки зрения... я попросила Штофрегена послать вам историю моей болезни, на что он весьма любезно согласился».¹⁵¹

Об особенностях заболевания Елизаветы Алексеевны свидетельствуют строки ее письма к матери, написанного незадолго до смерти. 10 февраля 1826 г. она сообщала из Таганрога: «Последние три месяца я часто чувствовала тяжесть в груди, а также сердцебиения и по ночам такие конвульсии в груди, что боялась, как бы не повредить кровать. Но уже две недели ночи стали легче, хотя прежде постоянное стеснение и удушье заставляли временами вспоминать о бедном нашем Карле¹⁵²».¹⁵³

---

¹⁴⁸ Аневризмы бывают разные: сосудов головного мозга, аорты, периферических сосудов, сердца.

¹⁴⁹ «Виллие, говорил, недоволен состоянием императрицы, Ангел... беспокоится за императрицу... не так хорошо как вчера» (21 ноября 1825 г.).

¹⁵⁰ «К императрице, Штофреген, ей лучше» (23 ноября 1825 г.).

¹⁵¹ Александр и Елизавета. С. 252.

¹⁵² Карл Людвиг Фридрих (1786–1818) – великий герцог Бадена, брат императрицы Елизаветы Алексеевны.

¹⁵³ Александр и Елизавета. С. 274.

Кто лечил Николая I и членов его семьи

Император Николай Павлович стоял во главе огромной страны беспрецедентно долгое время – 30 лет (с декабря 1825 г. по февраль 1855 г.). За это время его лечили самые разные врачи.

Когда будущий император был маленьким, за ним присматривали врачи родителей, сначала – императора Павла Петровича, а после его смерти – врачи матери, императрицы Марии Федоровны, прежде всего лейб-медик И. Ф. Рюль.¹⁵⁴

Портрет И. Ф. Рюля

---

¹⁵⁴ Рюль Иван Федорович (Johann Georg von Rühl, 1768–1846) – лейб-медик императрицы Марии Федоровны.

Спустя много лет великий князь Николай Павлович вспоминал о «медицинских проказах» своего детства. Беседуя в 1824 г. с придворным врачом Д. К. Тарасовым, он рассказал ему один такой детский эпизод: «Когда маменька и мы с братом Михаилом жили в Гатчине, то я как-то испортил желудок и доктор Рюль крайне надоедал мне своим несносным рвением и не даванием мне есть, сколько хотелось. У меня возродилась мысль отомстить ему. Однажды, в 12-м часу ночи, когда все уже спали, я написал рецепт, разумеется, самый нелепый, которого теперь не упомяну, и подговорил дежурного лакея тотчас отнести в придворную аптеку, взяв с него честное слово отнюдь не выдавать меня в этой проделке. Рецепт я написал, сколько мог, под руку И. Ф. Рюля и подписал его фамилию, точно так, как он подписывается на рецептах.¹⁵⁵ Аптекарь, получив рецепт и усмотрев в нем неправильности, тотчас обратился к доктору Рюлю, давно уже спавшему, разбудил его и показал рецепт». Разумеется, великий князь был разоблачен и наказан арестом, но, по уверению уже взрослого Николая Павловича, «с того времени я исправился, и по сие время постоянно уважаю доброго И. Ф. Рюля».¹⁵⁶

Когда Николай Павлович вырос, к нему был определен собственный домашний врач – Василий Петрович Крайтон. Он был назначен на должность в мае 1816 г., а в июле 1817 г., после женитьбы великого князя, «записан в Придворный штат доктором». В декабре 1825 г. он стал лечащим врачом императора Николая I, оставаясь в этой должности вплоть до 1837 г.

Аверс: «Муж любимый вельможами и простолюдинами»; «бедным лишенным телесного и душевного здоровья надежда и помощь. В Санкт-Петербурге 16 июля 1837 года».

Реверс: «Его Превосходительство, доктора медицины и хирургии, тайного советника, лейб-медика, учреждений блаженных памяти Императрицы Марии инспектора по медицинской части больницы всех Скорбящих попечителя, Медико-Филантропического комитета председателя, Медицинского Совета Санкт-Петербургской Медико-Хирургической Академии и многих ученых Обществ члена и орденов: Св. Анны 1-й степени, украшенной Императорской короной, Св. Владимира 2-й степени и Прусского Красного Орла 2-й степени кавалера, Иоганна Рюля с торжеством 50-летней жизни, посвященной врачебному искусству приветствуют сослуживцы, друзья и почитатели»

К 1816 г. выпускник медицинского факультета Эдинбургского университета Арчибалд-Вильямс Крайтон, ставший Василием Петровичем, занимал серьезные медицинские

¹⁵⁵ Рецепт был подписан: «Рюль М-г Rhuл лейб-гвардии Измайловского полка штаб-лекарь Николаевский».

¹⁵⁶ Император Александр I. Последние годы царствования, болезнь, кончина и погребение. По личным воспоминаниям лейб-хирурга Д. К. Тарасова. Пг., 1915. С. 99.

должности в заграничном походе русской армии и даже участвовал «в деле против неприятеля под местечком Фер-Шампенуаз и под городом Парижем».¹⁵⁷

Н. Ф. Арндт

---

¹⁵⁷ Крейтон (Крайтон) Василий Петрович (Арчибальд-Вильямс; 1791–1863) – сын отставного «подполковника великобританской службы Петра Крейтона», выпускник медицинского факультета Эдинбургского университета, практиковался в лондонских госпиталях, доктор медицины (1810 г.). Владел русским, английским и французским языками. Сдал экзамен на звание доктора медицины при Санкт-Петербургской Императорской Медико-хирургической академии (1810 г.). На российской гражданской службе с 1810 г. По приказу Александра I обследовал Кавказские Минеральные воды (1811 г.). Участвовал в локализации эпидемии чумы на Кавказе (1813 г., орден Св. Владимира IV ст.), служил в Рижском военно-сухопутном госпитале (1813 г.), главный врач этого госпиталя (1813 г.), служил при главной квартире Барклая де Толли (1814 г.). С 1814 г. находился при главной квартире Александра I, в Париже назначен главным врачом российских военно-временных госпиталей (4000 больных, орден Св. Анны II ст.). Ординатор СПб. Военно-сухопутного госпиталя (1814 г.), полковой врач лейб-гвардии Преображенского полка (1815 г.), старший доктор Гвардейской кавалерии (1815 г.). (см.: РГИА. Ф. 519. Оп. 5. Д. 377. Л. 6. О пожаловании доктора коллежского советника Крейтона в лейб-медики, и о награждении титулярного советника Маркова орденом Св. Анны 3 степени. 1822 г.).

Стремительный карьерный взлет английского врача, перешедшего на русскую службу в 1810 г., в немалой степени был связан с женитьбой В. П. Крайтона на дочери лейб-медика и акушера действительного статского советника Н. М. Сутгофа, Софии.¹⁵⁸ Кроме этого, Василий Петрович был племянником лейб-медика Александра Крайтона.¹⁵⁹

В январе 1822 г. Николай Павлович, «желая вознаградить находящегося при нем доктора коллежского советника Крейтона, за оказанные им Их Высочествам особенные услуги в течение пяти лет, как здесь, так и в бывших вояжах за границу», просил Александра I пожаловать его в лейб-медики.¹⁶⁰ Однако тогда Крайтон эту должность не получил. В документе указывалось, что при Высочайшем дворе положено иметь по штату лейб-медиков 4 человек, а «ныне по списку состоит оных 15 и сверх того в должности лейб-медиков 2».

Вторым лечащим врачом Николая I был военный хирург Николай Федорович Арендт. Его впервые привлекли для лечения Николая I в ноябре 1829 г., когда Николай Павлович сильно простудился, получив, видимо, воспаление легких.¹⁶¹ После успешного лечения Н. Ф. Арендт получил престижную должность лейб-медика. С его именем связано три эпизода лечения императора – в упомянутом 1829-м, в 1836-м и 1839 гг. Третьим домашним врачом Николая I стал М. М. Мандт. Эту позицию Мандт сохранял до смерти Николая I. С 1849 г. Николая Павловича в поездках начал сопровождать ученик Мандта Ф. Я. Карелль, который в 1850-х гг. следил за состоянием здоровья императрицы Александры Федоровны (супруги Николая I).

---

¹⁵⁸ Крейтон (Крайтон) София Николаевна (урожд. София Луиза Сутгоф; 1798–1869) – дочь лейб-медика и придворного акушера Н. М. Сутгофа (1765–1836), с 1820 г. замужем за В. П. Крейтоном.

¹⁵⁹ Александр Александрович Крейтон (Крайтон) (1763–1856); с 1804 по 1819 гг. – лейб-медик Александра I.

¹⁶⁰ РГИА. Ф. 519. Оп. 5. Д. 377. Л. 1. О пожаловании доктора коллежского советника Крейтона в лейб-медики, и о награждении титулярного советника Маркова орденом Св. Анны III степени. 1822 г.

¹⁶¹ Романов М. П. Царствование императора Николая I. СПб., 1883. С. 83.

М. М. Мандт

Ф. Я. Карелль

В своем завещании, составленном в 1844 г., император отдельным пунктом перечислил своих врачей: «24. Благодарю также лейб-медиков Арендта, Маркуса, Мандта и Рейнгольда за их труды и попечение обо мне». Также он поблагодарил «всех меня любивших, всех мне служивших. Прощаю всех меня ненавидевших» и попросил прощения у «всех, кого мог неумышленно огорчить... Я был человек, со всеми слабостями, коим людям подвержены; старался исправить в том, что за собой худого знал. В ином успевал, в другом нет – прошу искренно меня простить. Царское Село 4 мая 1844 года».¹⁶²

---

¹⁶² Николай I: личность и эпоха. Новые материалы / Духовное завещание в Бозе почившего Государя Императора Николая Павловича. СПб., 2007. С. 462.

Каково было состояние здоровья Николая I, и если он болел, то какие заболевания его беспокоили

Миф о «железном здоровье» Николая Павловича, сознательно им культивируемый, был настолько устойчив, что очень многие современники и потомки находились под его обаянием. На самом деле император был подвержен всем возрастным и сезонным заболеваниям. При этом следует иметь в виду, что за его здоровьем пристально следили домашние врачи, которые при малейшем недомогании появлялись с ним рядом. И Николай Павлович отнюдь не пренебрегал их помощью.

Говоря о заболеваниях императора, следует иметь в виду некоторые личностные особенности Николая Павловича, которые довольно четко разделяются на великокняжеский и императорский периоды. Так, будучи великим князем, Николай Павлович самым внимательным образом относился к лечению своих «болячек», безукоризненно выполняя все предписания врачей, не делая из своих недомоганий особой тайны.

Если перечислить недомогания Николая Павловича только за 1825 г., то картина будет следующей. В апреле был стандартный сезонный «набор» – простуда,¹⁶³ на которую наложились привычные проблемы с пищеварением.¹⁶⁴ В начале мая заболевание обостряется так, что врачи укладывают Николая Павловича в постель.¹⁶⁵ В июне 1825 г. у великого князя появляется такой нарыв на боку, что он требовал ежедневных неоднократных перевязок.¹⁶⁶ В сентябре 1825 г. у Николая Павловича – огромный нарыв на спине, который опять-таки требовал ежедневных перевязок.¹⁶⁷ С конца сентября 1825 г. великий князь начинает почти ежедневно принимать серные ванны.¹⁶⁸

---

¹⁶³ «Чувствую себя нехорошо... Разделся в туалетной комнате и ванна для ног, лег на отдельной кровати» (28 апреля 1825 г.).

¹⁶⁴ «Крайтон, Хмелев ставят мне 4 пиявки за левым ухом... лег на отдельной кровати, принял слабительное» (29 апреля 1825 г.); «проснулся в 3... боли в сердце, рвало и пронесло, снова лег... лег на отдельной кровати» (30 апреля 1825 г.).

¹⁶⁵ «Встал в 8.30, боль в мошонке... ложусь, у меня жар, Крайтон... на вечер мне прописан клистир, иду к себе, не производит надо мной действия, потом второй, подействовал, разделся, лег у жены» (4 мая 1825 г.); «жар... Крайтон дает мне касторового масла, у себя, действует, рвота... сплю плохо, Крайтон, кровь носом» (5 мая); «не спал вовсе, много раз понос, изнурен, Крайтон, Рюль и Лейтен, вместо компрессов велют делать повязку из трав, чувствую облегчение... ничего не ем, сжигающий жар, мне велют сделать клистир, успокаивает» (6 мая); «спал два раза спокойно, чувствую себя лучше... доктора... немного поел, вечером клистир» (7 мая); «ел с аппетитом» (8 мая); «вечером сел в кресло» (9 мая); «сел в кресло, доктора» (11 мая); «доктора, клистир не подействовал, лег» (12 мая); «Крайтон разрешает мне встать» (15 мая).

¹⁶⁶ «Прикладывает пластырь к нарыву, что у меня на боку» (27 июня 1825 г.); «нарыв не становится лучше» (30 июня); «перевязка, перевязка, перевязка» (3 июля); «мой бок лучше, перевязка» (4 июля).

¹⁶⁷ «Рюль перевязал мне огромный нарыв на спине» (21 сентября 1825 г.); «Рюль, перевязка, лучше... перевязка» (22 сентября); «Крайтон, лучше, перевязка» (23 сентября).

¹⁶⁸ «Принял серную ванну» (29 сентября 1825 г.); «принял серную ванну» (9 октября); «принял серную ванну» (10 октября); «принял серную ванну» (30 октября); «днем небольшая лихорадка... принял серную ванну» (31 октября); «принял серную ванну» (1 ноября). Серные ванны с растворенным сероводородом, или сульфидом водорода, назначаются больным с ревматическими, гинекологическими, нервными и кожными заболеваниями, болезнями сердца и кровеносной системы, а также применяются при мышечных болях и нарушении обмена веществ.

О. А. Кипренский. Портрет великого князя Николая Павловича. 1814 г.

А. Поляков. Портрет великого князя Николая Павловича. 1820 г.

В. Д. Сверчков. Портрет императора Николая I. 1856 г.

После 1825 г. император Николай I совершенно сознательно скрывал от окружающих свои недомогания, стараясь переносить их на ногах. Собственно, это и положило начало формированию мифа о «железном» здоровье императора.

Впрочем, император, жестко замкнув на себя огромный бюрократический механизм Империи, был буквально погребен валом самых разных дел, что неизбежно сказывалось на его здоровье, в том числе на психическом состоянии. Например, в мае 1838 г. Николай I писал князю А. Н. Голицыну: «Любезный княже, здравствуй. Я замучился от глупцов, от маневров, визитов, чмоков, одеванья, ужинов, дураков, умных людей, скучных, любезных и проч. и проч.».¹⁶⁹

---

¹⁶⁹ РГИА. Ф. 706. Оп. 1. Д. 73. Л. 4. Выписки из докладных записок кн. А. Н. Голицына императору Николаю I. 1826–1838.

В постель доктора могли уложить царя только тогда, когда ему было действительно очень плохо. Примечательно, что нежелание Николая I залеживаться в постели и «перемогаться» на ногах до последней возможности имело свое объяснение. Так, барон М. А. Корф упоминал, что в 1845 г. «государь говорил близким, что болезнь его непременно требовала бы лечь в постель. Но он не ложится единственно вследствие убеждения, что если ляжет раз, то, наверное, уже не встанет». ¹⁷⁰ Надо сказать, что легенда о том, что никто из Романовых не умрет в своей постели, бытовала в императорских резиденциях до начала XX в. ¹⁷¹

Великая княгиня Ольга Николаевна свидетельствовала, что когда у императора начинались головные боли, то в его кабинет ставилась походная кровать, все шторы опускались, и он ложился, прикрытый только шинелью. При этом никто не смел войти в кабинет императора. Как правило, приступ длился «12 часов подряд». После того как приступ проходил, «он вновь появлялся, только по его бледности видно было, как он страдал, т. к. жаловаться было не в его характере». ¹⁷²

Отмечу и то, что с юных лет и до самой смерти Николай Павлович, подражая Александру I, действительно спал на походной деревянной кровати-раскладушке, на которую укладывали матрас, набитый сеном. Например, в декабре 1822 г. он записал: «ужинал, лег, кровать ломается, смеялся, спал на полу». На деревянной раскладушке, укрытый шинелью, Николай I и умер в феврале 1855 г. Российские либералы относились к этому как к позерству, но мне кажется, что это совсем не было позой.

Возвращаясь к периоду жизни «до 1825 г.», повторю, что великий князь был по возрасту здоров, но с возрастом «болячки», конечно, накапливались. В числе постоянных заболеваний можно упомянуть сильные головные боли, беспокоившие Николая Павловича с молодых лет. ¹⁷³ Периодически он жаловался на боли в сердце, ¹⁷⁴ носовое кровотечение ¹⁷⁵ и запоры. ¹⁷⁶ Часто головная боль соединялась со рвотой и болями в сердце. ¹⁷⁷

---

¹⁷⁰ Корф М. Записки. М., 2003. С. 377.

¹⁷¹ Об этом упоминает в воспоминаниях англичанка Маргарет Орчард – няня в семье Николая II.

¹⁷² Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846 // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 245.

¹⁷³ Например, 15 января 1822 г. он записал: «Головная боль... ложусь не имея больше сил»; «обедал со своими у матушки, принужден выйти из-за стола по причине мигрени» (11 апреля 1822 г.); «головная боль» (9 февраля 1823 г.); «сильная головная боль» (15 февраля 1823 г.); «встал в 9, головная боль» (6 сентября 1823 г.); «головная боль» (12 апреля 1824 г.).

¹⁷⁴ «Обедали вдвоем, боли в сердце, принужден лечь, спал один» (18 апреля 1823 г.).

¹⁷⁵ «Не был на разводе, кровь носом» (11 февраля 1822 г.); «кровь носом» (17 февраля 1822 г.); «пошла кровь носом» (2 сентября 1822 г.); «кровь из носа, очень сильно, обмыл фельдшер Егерского полка» (10 июня 1824 г.).

¹⁷⁶ «Встал в 10 1/2, запор... послал за дивизионным врачом Холодовичем, прописал мне лекарство, читал, лег и читал, Холодович, лекарство» (20 мая 1823 г.).

¹⁷⁷ «Головная боль, боли в сердце» (20 января 1823 г.); «боли в сердце, рвота» (11 января 1824 г.); «головная боль, боль в сердце» (11 марта 1823 г.); «чувствую себя скверно, разделся, ужинал, у жены, лег, трижды стошнило, г-жа Регенсбург поддерживает меня, Лейтен, все прошло, чувствую себя хорошо, спал» (26 октября 1823 г.).

Походная кровать-раскладушка Николая I

Как и все, Николай Павлович был подвержен сезонным простудам, которые переносил довольно тяжело. Например, в мае 1823 г. такая болезнь началась с того, что он заметил, что у него «болят глаза» (1 мая 1823). На следующий день он почувствовал себя в Зимнем дворце настолько плохо, что его осмотрел домашний врач Александра I – Я. В. Виллие, отправивший великого князя домой, в Аничков дворец, где В. П. Крайтон поставил ему пиявки: «Мне почти что плохо, жена, к ней, лег... разделся, ножная ванна с горчицей¹⁷⁸ в туалетной комнате моей жены, лег в отдельную постель, затем лекарство, потом потел» (2 мая 1823). Великий князь проболел еще три дня, при этом рядом с ним постоянно находились три врача: лейб-медики Я. В. Виллие, Я. И. Лейтен и домашний врач В. П. Крайтон.

Жизнь Николая I «после 1825 г.» зафиксирована в различных мемуарах и эпистолярных источниках. В них рассеяно множество упоминаний о его «взрослых» недомоганиях. В 1844 г. Николай I посетил Англию. Внимательная королева Виктория отмечала, что царь страдал приливами и отливами крови к голове, связанными, как можно предположить, с перепадами кровяного давления.¹⁷⁹ В 1847 г. в документах лечащих врачей встречаются упоминания о головокружениях и «приливах крови». По мнению современных исследователей, возможно, это было проявлением вегетососудистой дистонии (нарушением мышечной регуляции сосудистой стенки).¹⁸⁰ Кроме этого, в связи с расстройством вестибулярного аппарата император плохо переносил медленную езду по ухабистым дорогам, тогда у него начинались головокружения, а иногда и рвота. На море он жестоко страдал от морской болезни. В 1849 г., поскольку у него болела голова, ему ставили «рожки», то есть пиявки.¹⁸¹

¹⁷⁸ Такие горчичные ножные ванны практикуются по сей день, поскольку они хорошо помогают при простуде – насморке, чихании, кашле, небольшом повышении температуры, болях в горле.

¹⁷⁹ *Татищев С. С.* Император Николай I и иностранные дворы: Исторические очерки. СПб., 1889. С. 30.

¹⁸⁰ *Молин Ю.* Романовы. Путь на Голгофу. С. 369.

¹⁸¹ Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа // Русская старина. 1900. Т. 102, № 5. С. 268.

С середины 1840-х гг. царя начали беспокоить приступы подагры.¹⁸² В документах с 1847 г. зафиксированы сведения о «болезненности и опухании суставов», серьезные приступы появились с 1849 г. Например, 18 октября 1849 г. Николай Павлович жаловался барону М. А. Корфу, что «начинает чувствовать припадки подагры, прежде совершенно ему неизвестной, и которая на днях ночью так ущипнула его за ногу, что он, проснувшись, вскочил с постели».¹⁸³ Хорошо информированный начальник штаба Отдельного корпуса жандармов и одновременно управляющий III Отделением Л. В. Дубельт записал в дневнике в январе 1854 г.: «Его Величество страдает ногою и лежит в постели. Мандт говорит, что у него рожа, а другие утверждают, что это подагра».¹⁸⁴ Через неделю Дубельт отмечал, что болезнь пошла на убыль и царь уже прогуливается.

В последние годы жизни Николай Павлович, видимо, страдал остеохондрозом. У него периодически болела спина. В воспоминаниях фрейлины А. Ф. Тютчевой упоминается ее разговор с Николаем Павловичем, состоявшийся в декабре 1854 г.: «Он подошел ко мне и спросил, почему вид у меня больной. Я ответила, что у меня болит спина. „У меня тоже, – сказал он, – для лечения я растираю себе спину льдом и советую вам делать то же“».¹⁸⁵

Таким образом, Николай I болел так же часто, как и все обычные люди, обладающие крепким здоровьем. Его не обходили ни сезонные, ни возрастные заболевания, но говорить о каких-либо хронических болезнях по отношению к Николаю Павловичу не приходится. При этом распространенный миф о «железном здоровье» Николая I является результатом его сознательных усилий, вписывавшихся в общий «сценарий власти» харизматичного императора.

---

¹⁸² Отложение мочевой кислоты в суставных хрящах, приводящее затем к поражению костной ткани.

¹⁸³ Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа. С. 278.

¹⁸⁴ Дубельт Л. В. Заметки и дневники // Российский архив. Вып. VI. М., 1995. С. 233.

¹⁸⁵ Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. М., 1990. С. 79.

О каких недомоганиях супруги упоминает в записной книжке Николай Павлович в 1822–1825 гг

Свою супругу Николай Павлович любил, именуя «Белой розой» или «Птичкой». Поэтому он всегда с большим вниманием относился к недомоганиям Александры Федоровны, которые со временем привели к созданию образа постоянно болеющей императрицы. С 1818 по 1832 г. супруга Николая Павловича была беременна 11 раз,¹⁸⁶ что не могло не сказаться на ее самочувствии. Кроме этого, на состоянии здоровья императрицы тяжелейшим образом отразился пережитый ею стресс, связанный с событиями 14 декабря 1825 г. Тогда рано утром Николай I фактически попрощался со своей супругой и просил ее, если случится, встретить смерть мужественно. К тому имелись все основания, поскольку у молодого императора были убиты дед и отец и для него не были секретом планы декабристов по «ликвидации» его семьи, включая детей. После трагических событий на Сенатской площади у Александры Федоровны при волнении стала конвульсивно подергиваться голова.

---

¹⁸⁶ Николай Павлович писал И. Ф. Паскевичу: «Слава Богу, он услышал молитвы мои и поддержал в одиннадцатый раз силы доброй моей жены» (23 октября 1832 г.).

Дж. Доу. Портрет великой княгини Александры Федоровны с детьми Александром и Марией. 1821 г.

У Александры Федоровны случались недомогания, которые купировались хирургическими методами. Например, в декабре 1822 г. у нее появилась опухоль на руке (ранее был нарыв на ноге). В. П. Крайтон сначала (16 декабря 1822 г.) поставил на опухоль пиявки, а через несколько дней (22 декабря 1822 г.) вырезал нагноение: «Ей было больно, с ней, к себе... письмо от Ангела из Венеции, счастье... жена, к ней, Крайтон, смотрит ее руку, ей больно». Замечу, что постановка пиявок была тогда обычной процедурой: «Крайтон ставит жене пиявки в туалетной комнате» (4 января 1824 г.).

Естественно, Александра Федоровна периодически простужалась.¹⁸⁷ Довольно часто ее посещали проблемы с желудком: «Ночью у жены случилась диарея и возбуждение, послал за Крайтоном, дал ей успокоительное, встал в 8 1/4» (1 октября 1823 г.); «Мою жену пронесло много раз за ночь, спала очень плохо...» (26 ноября 1823 г.). Периодически Александру Федоровну беспокоили различные колики: «в 1 1/2 посылаю за Крайтоном для жены, у нее колика, лекарство, уходит, лег отдельно, встал в 9» (7 мая 1823 г.). Встречаются упоминания о явлениях остеохондроза: «Пошел к жене, страдает от ревматизма в шее и голове... Лейтон, Крайтон» (3 января 1824 г.). Иногда бывали и женские «нервы»: «Сели за стол, у жены обморок, ложится, послали за Крайтоном, приписываю это нервам, у нее три дня были регулы, проходит, обедал» (1 май 1824 г.). Так или иначе, но при любых недомоганиях супруги Николай Павлович проявлял к ней самое трогательное внимание.

---

¹⁸⁷ «К жене, ей нездоровится, небольшой жар» (6 мая 1823 г.); «жена плохо спит, боль в горле... Груби и Крайтон, посмотреть у жены глаза, ничего там не находит, уходит» (2 май 1824 г.).

Почему имя лейб-медика консультанта М. М. Мандта стало символом «врача-отравителя»

Имя М. М. Мандта в основном известно в связи с последней болезнью императора Николая I в феврале 1855 г. Однако Мандт¹⁸⁸ прожил в России более 20 лет, и его медицинская деятельность, которая до настоящего времени вызывает противоречивые оценки, гораздо шире, чем деятельность только как лейб-медика. При этом его карьера характерна и вместе с тем необычна для России первой половины XIX в. Характерна тем, что он был не первым иностранцем-медиком, добившимся блестящего положения в медицинском сообществе Петербурга. Необычна тем, что во многом определялась его связями при Императорском дворе.

Судьбоносный перелом в карьере Мандта произошел в 1835 г., когда он получил возможность сопровождать великую княгиню Елену Павловну в поездке на минеральные воды, после чего его пригласили на должность врача великой княгини. Вслед за Еленой Павловной он переехал в Россию. Близость ко двору великой княгини Елены Павловны сделала его имя известным в аристократической среде Петербурга. Однако вершины карьеры Мандт достиг, после того как его пригласили для оказания медицинской помощи к императрице Александре Федоровне. Видимо, он в буквальном смысле «пришелся ко Двору», поскольку сумел понравиться императрице. В свою очередь, круг императрицы был весьма влиятельным при Дворе, поскольку Николай I с большим вниманием относился к своей жене. За оказанные императрице медицинские услуги в 1839 г. Николай I сделал Мандта почетным лейб-медиком, а в 1840 г. – почетным лейб-медиком и консультантом.¹⁸⁹

То, что Мандт в 1840 г. получил чин действительного статского советника, прожив в России всего пять лет, вошел в круг медиков занимавшихся лечением царя, получив место лейб-медика и консультанта при Николае I,¹⁹⁰ свидетельствовало о впечатляющем карьерном росте. При этом даже в официальных документах Мандта называли просто лейб-медиком, опуская определение «почетный». В 1851 г. Мандт уже тайный советник. Надо заметить, что этот чин, соответствующий IV классу, среди медиков имели единицы калибра баронета Я. В. Виллие. Карьера же Мандта, сохранившего прусское подданство, строилась исключительно на близости к Императорскому двору и притом очень успешно.

Архивные документы свидетельствуют, что Мандт постоянно жил в Зимнем дворце. Так, в конце 1850 г. Мандту личным распоряжением Николая I отвели «в нижнем этаже Зимнего дворца те самые комнаты, которые он занимал в прошлом году», но при этом оговаривалось, что он должен быть готов «очистить оные» «в случае надобности в сих комнатах».¹⁹¹ В декабре 1851 г., когда Мандт возвращался из Германии, распоряжением императрицы ему было поз-

---

¹⁸⁸ Мартын Мартынович Мандт родился в 1800 г. в Пруссии, в г. Вейенбурге, в семье хирурга. Учился медицине в различных университетах, в том числе и в Берлинском. В 1821 г. в качестве судебного врача и зоолога принял участие в полярной экспедиции к берегам Гренландии. По материалам экспедиции в 1822 г. защитил докторскую диссертацию. В 1830 г. Мандта избрали ординарным профессором хирургии Грейсвальдского университета.

¹⁸⁹ Как правило, Мандта называют просто лейб-медиком. Но известно, что были существенные различия в статусе почетного лейб-медика и лейб-медика. К середине 1830-х гг. вокруг Николая I уже сложился круг врачей, которые имели статус лейб-медиков, и царь не видел смысла расширять их число, поэтому вплоть до 1855 г. Мандт так и оставался в звании почетного лейб-медика. Однако позже, 9 ноября 1840 г., высочайшим указом Правительствующему сенату специально для Мандта ввели новую должность – почетного лейб-медика и консультанта. Кроме этого, в 1840 г., по личному распоряжению Николая I, Мандт получил чин действительного статского советника, соответствующий генеральскому чину. В бюрократической иерархии николаевской эпохи все эти тонкие градации имели весьма существенное значение. Но особенностью России во все времена было то, что важней всяких званий оказывалась реальная близость к «телу» первого лица государства. А Мандт сумел войти именно в «ближний круг» царя.

¹⁹⁰ Профессора Военно-медицинской (Медико-хирургической) академии. 1798–1998. СПб., 1998. С. 126.

¹⁹¹ РГИА. Ф. 469. Оп. 6. Д. 371. Л. 2. Об отводе лейб-медику Мандту комнат в Зимнем дворце, тех самых, кои он занимал в 1849 г.

волено воспользоваться экипажем Придворного ведомства для проезда от Варшавы до Петербурга.¹⁹²

Такая близость к императорской семье вызывала ревность со стороны придворных, оставшихся описания внешности и характера Мандта, весьма противоречивые. Так, внук директора Медицинского департамента МВД А. В. Пеликан писал, что «Мандт был человек весьма привлекательный, с изящными манерами, которые так часто встречались тогда у врачей иностранного происхождения», что «говорил он исключительно по-французски и по-немецки».¹⁹³ Баронесса М. П. Фредерикс подчеркивала, что «Мандт был любимец и доверенное лицо государя».¹⁹⁴ Исследователи-врачи конца XIX в. отмечали, что «Мандт был, несомненно, талантливый человек, с независимым и сильным характером... Н. И. Пирогов, познакомившийся с ним еще до его приезда в Россию и потом встречавшийся с ним в Петербурге, считает его недюжинным человеком, отмечая вместе с тем нелестные стороны его характера: тщеславие, карьеризм, несправедливую резкость в суждениях о других».¹⁹⁵

Современники связывали карьерный взлет Мандта целиком с его личностными качествами. Так, баронесса М. П. Фредерикс излагала свою версию возвышения врача: «Он своим умом сумел обратить на себя внимание Императора Николая Павловича. Сперва Мандта позвали лечить императрицу; как оказалось, его пользование оказалось удачно, этим он приобрел доверие государя, как медик, и был взят к Высочайшему двору лейб-медиком государыни императрицы. Потом, мало-помалу, стал давать медицинские советы и государю, перешел в лейб-медики его величеству и, в конце концов, сделался необходимым лицом у государя, сопровождал его величество в путешествиях, заменив уже престарелого Н. Ф. Арендта. Доверие государя к Мандту все более и более росло, и, наконец, своим умением вкладываться в человека он достиг звания друга государя. Мандт был действительно нечто необыкновенное. Ума был редкого выдающегося, что и привлекало к нему Николая Павловича. Но хитрость его была тоже выходящая из ряду вон, и умение ее скрывать было тоже необыкновенное. Он был один из таких людей, которых или ненавидели, или обожали. Он вторгался положительно в людей и делал из своих поклонников и поклонниц – особенно из тех, которые могли приносить ему личную пользу – свои инструменты для разных интриг».¹⁹⁶

Говоря о внешности Мандта, М. П. Фредерикс писала: «Наружность Мандт имел совершенно мефистофельскую; голова его была маленькая, продолговатая, змеевидная, огромный орлиный нос и пронизательный взгляд исподлобья, смех его был неприятный – при всем этом он хромал, ну, ни дать, ни взять – Мефистофель, да и только. Для меня эта личность имела всегда что-то отталкивающее, я просто-напросто боялась его. Но во мне это возбуждало тяжелое чувство... В настоящее время ему бы приписали силу внушения, но тогда об этой силе еще не было и речи. Припоминая внушительный взгляд Мандта и своеобразное ударение пальцем по столу, когда он хотел что-нибудь доказать, смотря несколько секунд упорно вам в глаза, то невольно приходишь к мысли, что действительно Мандт обладал громадной силой внушения, притом он был и магнетизер. Странная загадочная личность был этот человек».¹⁹⁷

Наряду с придворной медицинской деятельностью, Мандт занимался преподаванием. В ноябре 1840 г. гр. П. А. Клейнмихель сообщил президенту Медико-хирургической академии, что император пожелал, чтобы М. М. Мандт занимался практически с 12 студентами

---

¹⁹² Там же. Оп. 10. Д. 1518. Л. 2. Об отпуске лейб-медику Мандту дорожного экипажа в Варшаву для обратного его возвращения из заграницы в Санкт-Петербург. 1851 г.

¹⁹³ Пеликан А. В. Во второй половине XIX века // Голос минувшего. 1914. № 2. С. 118–119.

¹⁹⁴ Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. С. 478.

¹⁹⁵ Шмигельский М. Исторический очерк кафедры госпитальной терапевтической клиники Императорской Военно-медицинской академии (1840–1897 гг.): дис. ... д-ра медицины. СПб., 1897. С. 86.

¹⁹⁶ Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс. С. 481.

¹⁹⁷ Там же. С. 481.

5-го курса. По мысли Мандта, они должны были распространять на практике учение своего наставника, так называемую «атомистическую теорию»,¹⁹⁸ которую современные исследователи называют «сочетанием гомеопатии и явного шарлатанства».¹⁹⁹ В результате в стенах Академии, благодаря покровительству императора, М. М. Мандт занял совершенно независимое от Конференции академии положение. В апреле 1841 г. М. М. Мандт назначается профессором госпитальной терапевтической клиники Медико-хирургической академии, причем ассистентом к нему, по его желанию, назначен лекарь Н. Ф. Здекауер, ординатор Военно-сухопутного госпиталя, впоследствии лейб-медик императора Александра II. Отметим, что еще одним протеже Мандта являлся Ф. Я. Карелль, ставший при Александре II лейб-медиком. Таким образом, Мандт «дал старт» придворной карьере двух будущих лейб-медиков.

---

¹⁹⁸ По воспоминаниям современников, он «читал лекции над больными, выбираемыми из разных палат, на немецком языке с примесью необходимой латыни. С увлекательным красноречием и логической последовательностью говорил он у кровати больного и не без остроумия создавал из немногих шатких данных картину болезни» (см.: *Наханетов Б. А. В попечении о государевом здравии (лейб-медики российских императоров)*. М., 2003. С. 52).

¹⁹⁹ *Кремлевская медицина (от истоков до наших дней)*. М., 2000. С. 60.

Н. Ф. Здекауер

Преподавательской и лечебной деятельностью Мандт занимался периодически. В Медико-хирургической академии преподавал с конца 1840 по 1 декабря 1841 г. В 1846 г. возобновил преподавательскую деятельность, но уже только «некоторым врачам».²⁰⁰ Свои профессорские обязанности Мандт исполнял бесплатно, получая из казны колоссальное жалование по должности лейб-медика в размере 19 тыс. руб. ассигнациями. В лекциях по терапии Мандт излагал свою «атомистическую систему» лечения болезней и, по сути, был первым лейб-медиком гомеопатом.²⁰¹ Занимал Мандт и административные должности.²⁰²

---

²⁰⁰ РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 254. По предложению Главному доктору Придворного госпиталя о назначении удобного помещения для преподавания некоторым врачам, лейб-медиком Мандтом наставлений. 1846 г.

²⁰¹ Его предшественником-гомеопатом был доктор Триниус, которого еще в 1824 г. назначили лейб-медиком Александра I. В 1827 г. он был уволен от должности с сохранением содержания в виде пожизненной пенсии (см.: *Боянус К.* Гомеопатия в России. Исторический очерк. М., 1882. С. 11).

М. М. Мандт настолько убедил императора в действенности своей «атомистической теории», что, по высочайшему повелению, военные врачи должны были на смотрах и учениях носить на перевязи особые сумки с «атомистическими» лекарствами для подачи первой помощи заболевшим нижним чинам.²⁰³ Брошюру Мандта на немецком языке, в которой он излагал «атомистическую теорию», по приказанию императора Николая Павловича перевели на русский язык и разослали при циркуляре Генерального штаба для руководства во все военные госпитали.²⁰⁴ После смерти императора Николая I атомистическая теория Мандта была немедленно «похоронена».²⁰⁵

Принято считать, что Мандт покинул Россию в феврале 1855 г., сразу же после смерти Николая I. Однако это не соответствует действительности. Как следует из архивных документов, Мандт получил заграничный паспорт только 30 июня 1855 г. Поводом для отъезда за границу стало желание Мандта посетить «на несколько времени Германию, Австрию и Италию». При этом поездка предпринималась с личного разрешения вдовствующей императрицы Александры Федоровны, поэтому Мандту выдали не только заграничный паспорт, но и дорожный экипаж от Конюшенного ведомства.²⁰⁶

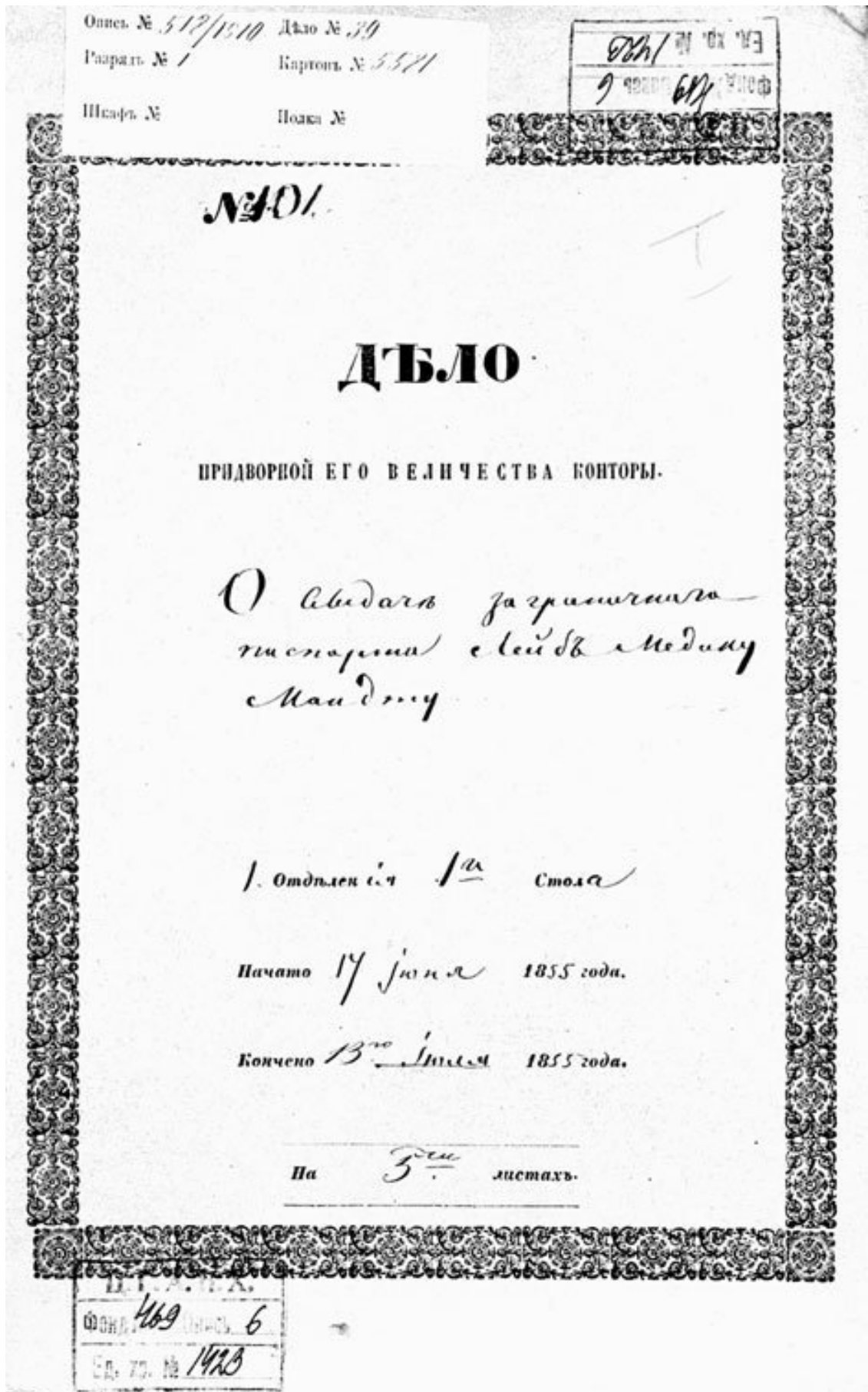
²⁰² В 1840 г. недалеко от Смольного института открыли Образцовый военно-сухопутный госпиталь, ныне 442-й Окружной военный госпиталь им. З. П. Соловьева (Суворовский пр., 63). В начале 1850-х гг. Мандт занял пост директора этого госпиталя. В 1852 г. последовало высочайшее повеление об образовании в госпитале образцовой фармацевтической команды и образцового отделения из госпитальных палат на 40 и 50 коек для больных, одержимых наружными и внутренними болезнями, для испытания способа лечения почетного лейб-медика Мандта «по атомистической системе». В 1853 г. была «объявлена особая признательность Государя Императора директору образцового военного госпиталя тайному советнику лейб-медику Мандту за успешное атомистическое лечение больных».

²⁰³ Шмигельский М. Исторический очерк кафедры... С. 89.

²⁰⁴ Естественно, сейчас же нашлись подражатели, которые пытались попасть в струю новой методы, и в 1853 г. доктор И. С. Быстров напечатал отчет о 325 больных, излеченных в Уяздовском госпитале по этой методе.

²⁰⁵ В 1856 г. для оценки лечения по «атомистической методе» по высочайшему повелению Александра II была учреждена специальная комиссия, в которую вошли профессора Медико-хирургической академии Н. Ф. Здекауер и В. Е. Экк. Они составили заключение, камня на камне не оставившее от теории Мандта. В этом эпизоде обращает внимание уровень принятия, казалось бы, чисто медицинских решений. Как распространение, так и прекращение существования «атомистической теории» доктора М. М. Мандта было связано с «высочайшими» решениями.

²⁰⁶ РГИА. Ф. 469. Оп. 6. Д. 1423. Л. 1–2. О выдаче заграничного паспорта лейб-медику Мандту. 1855 г.

Обложка архивного дела о выдаче М. М. Мандту заграничного паспорта

Таким образом, никакого бегства «отравителя» Мандта из России не было. Речь шла только о поездке «на несколько времени», при этом и речи не было об увольнении Мандта из Военного ведомства. Однако было, совершенно очевидно, что придворная карьера Мандта закончилась. К этому времени началось развенчание «атомистической теории», ключевые посты при Дворе заняли новые люди, а темные слухи вокруг имени Мандта продолжали множиться. Поэтому после возвращения в Россию в конце 1855 г. Мандт быстро «сворачивает дела». Видимо, с Мандтом достигли компромисса. Он оставался числиться по Военному ведомству, получая жалованье и сохраняя все свои должности, но при этом навсегда покидал Россию.

В апреле 1856 г. обер-гофмаршал граф А. П. Шувалов направил рапорт на имя министра Императорского двора В. Ф. Адлерберга, в котором сообщал, что Мандт «возвратил прошлогодний свой заграничный паспорт, выданный из Министерства иностранных дел» и просил выдать ему новый заграничный паспорт. 12 апреля 1856 г. Мандт²⁰⁷ получил заграничный паспорт и навсегда покинул Россию. Умер Мандт в 1858 г.²⁰⁸

Таким образом, негативные оценки Мандта в основном связаны с событиями февраля 1855 г. Благодаря им в научной и мемуарной литературе сформировался негативный образ врача-отравителя. В настоящее время наметилась тенденция к большей объективности в оценке деятельности Мандта как квалифицированного врача и опытного диагноста, на протяжении 20 лет удерживавшегося при Дворе, где конкуренция за «близость к телу» была необычайно велика и каждая ошибка могла стоить карьеры. О Мандте можно говорить как об одном из представителей клинического направления в медицине, внесшем свой вклад в развитие русской терапевтической школы.

---

²⁰⁷ Там же. Д. 1645. Л. 1. О выдаче заграничного паспорта лейб-медику Мандту. 1856 г.

²⁰⁸ В «Адрес-календаре» Мандт как почетный лейб-медик и консультант последний раз был упомянут уже после смерти, в томе за 1858–1859 гг.

Правда ли то, что Николай I отравился в феврале 1855 г

18 февраля 1855 г. император Николай I скончался от отека легких («паралича легких»). При этом следует иметь в виду, что поляризация мнений относительно обстоятельств смерти императора сложилась уже во второй половине 1850-х гг. и отчасти сохраняется до настоящего времени.²⁰⁹ Например, представители либеральной «прогрессивной интеллигенции» считают, что монарх-деспот «с оловянными глазами» не вынес «позора» поражения²¹⁰ России в Крымской войне и отравился при пособничестве М. М. Мандта. Другие пишут, что это полная ерунда, поскольку император был человеком долга, офицером и христианином и просто не мог принять яд, как слабонервная институтка. Характер у монарха был не тот. Об этом много написано²¹¹ и, наверное, еще будет писаться. Только сегодня, благодаря многолетним исследованиям доктора медицинских наук профессора Ю. А. Молина,²¹² опираясь на архивные документы, можно с полной уверенностью сказать, что никакого отравления не было, поскольку документы не оставляют места для каких-либо дискуссий.

Как следует из документов, первое бальзамирование без вскрытия тела²¹³ Николая провели 19 февраля 1855 г. «в девять часов пополудни» прозекторы Медико-хирургической академии В. Грубер и Г. Шульц в присутствии министра Императорского двора В. Ф. Адлерберга. Протокол подписали «доктор Ф. Карелль, лейб-хирург (И.) Енохин, лейб-медик М. Мандт, лейб-медик Э. Рейнгольд, лейб-медик М. Маркус». Рапорт о проведенном бальзамировании оформили 21 февраля 1855 г.²¹⁴ Анализ этого документа позволяет заключить, что «вскрытия тела государя не было потому, что у консилиума врачей (из них 4 профессора), осматривавших тело государя, не было никаких сомнений в причине смерти – воспаление легких. Это обосновывалось, во-первых, типичностью развития постгриппозной пневмонии с классической клинической симптоматикой и, во-вторых, подробным наружным осмотром тела государя после смерти».²¹⁵

---

²⁰⁹ Например, доктор исторических наук профессор Л. В. Высокочков пишет: «Именно нравственное потрясение, психологический шок, а не грипп, воспаление легких или подагра вместе взятые, были причиной преждевременной кончины Николая Павловича».

²¹⁰ Следует иметь в виду, что русская армия добилась крупных успехов на Кавказском фронте, крейсирование англо-французского флота близ Петербурга было безрезультатным, так же как и обстрел Соловецкого монастыря на Белом море. Попытка англо-французского десанта на Камчатке провалилась. После захвата Севастополя и речи не было о движении союзной армии вглубь России, так же как и планов по удержанию Севастополя.

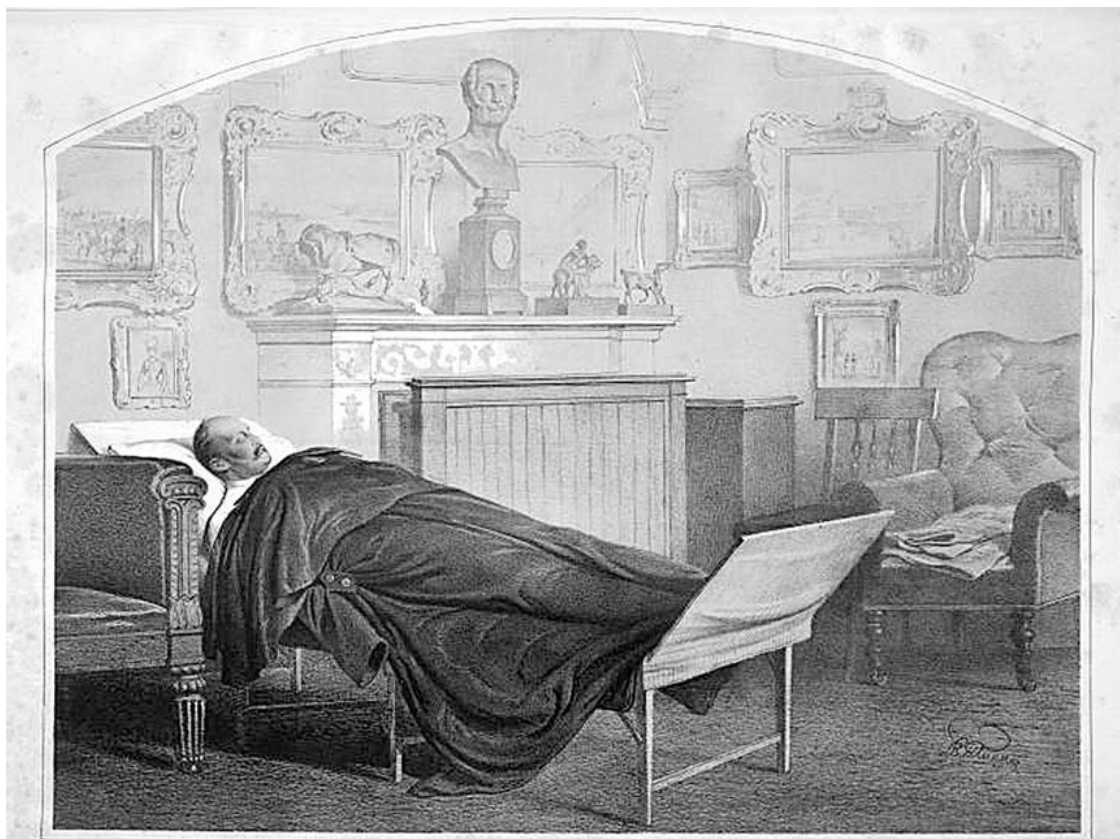
²¹¹ Горелова Л. Е. Легенды о смерти Николая I // Российский медицинский журнал. 2005. № 13; Зимин И. В. Медики и самодержцы: загадка смерти Николая I // Отечественная история. 2001. № 4; Нахатетов Б. А. Тайны врачей дома Романовых. М., 2005; Соловьев П. К. Евпатория в легких. К загадке смерти Николая I // Вопросы истории. 2008. № 9; Деятов С. В., Жиляев В. И., Зимин И. В. и др. Медицина и императорская власть в России / под. ред. Г. Г. Онищенко. М., 2008.

²¹² Молин Ю. А., Воронцов Г. А. Император Николай I: заключительный диагноз // Судебно-медицинская экспертиза. 2012. № 6. С. 60–65.

²¹³ Запрет на вскрытие тела был личным решением Николая I, а приказам этого императора поданные подчинялись беспрекословно.

²¹⁴ См. Приложение.

²¹⁵ Авторы статьи указывают, что «при таком способе исследования можно обнаружить многие признаки отравления: необычность окраски кожных покровов и слизистых оболочек, ускорение или замедление в развитии и разрешении трупного окоченения, необычный цвет трупных пятен, чрезмерное расширение или сужение зрачков, инородный запах и необычные выделения из дыхательных и иных путей. Таким образом, для нарушения пожелания Государя не делать полного вскрытия никаких оснований не было» (Молин Ю. А., Воронцов Г. А. Император Николай I: заключительный диагноз).

Император Николай I на смертном одре в нижнем кабинете Зимнего дворца

Но проведенное 19 февраля 1855 г. бальзамирование оказалось неудачным, тело императора покрылось пятнами, что стало основанием для различных слухов. Поэтому после проведенного консилиума, с санкции Александра II, было проведено повторное бальзамирование под руководством проф. П. А. Нарановича. Ю. А. Молин констатирует, что, «суммируя всю информацию из документов... можно утверждать следующее. Совершенно очевидно, что угнетенное состояние императора, о котором так много писали современники, совсем не свидетельствует в пользу версии о суициде. Такие психические реакции постоянно наблюдаются при заболеваниях, сопровождающихся общей интоксикацией, например при вирусных инфекциях, в том числе гриппе, осложнившимся воспалением легких, которое, судя по симптомам, незадолго до смерти, несомненно, перенес Николай I. При этом яркие и бесспорные признаки тяжелой, закономерно прогрессирующей пневмонии описаны настолько четко и образно, что не могут вызвать сомнения в диагнозе у любого, даже начинающего профессиональный путь врача. Быстрое развитие гнилостной трансформации трупа также характерно для смерти от заболевания с массивным микробным поражением внутренних органов (в данном случае легких). Таким образом, с обнаружением новых архивных документов дискуссию о причине и роде смерти императора можно считать завершённой».²¹⁶

²¹⁶ Там же.

Прозектор Медико-хирургической академии В. Грубер

Профессор анатомии Медико-хирургической академии П. А. Наранович

Кто выполнял обязанности домашнего врача Александра II

За время жизни Александра II (1818–1881) в Зимнем дворце у него было несколько домашних врачей. До совершеннолетия за ним присматривали лечащие врачи Николая I. Так, в раннем детстве заболевания Александра Николаевича лечил доктор В. П. Крайтон.

В 1837 г. домашним врачом к будущему Александру II определили И. В. Енохина. Это было решение Николая I,²¹⁷ который лично подбирал придворный штат наследника, сопровождавшего его в длительном путешествии по России: «Доктору Енохину собственноручно присылать мне донесения о здоровье Е. В. и сопровождающих теми же фельдъегерями. Ежели чего, Боже упаси, Е. В. сделается нездоров, то по требованию Енохина остановиться, где нужно будет, или продлить пребывание по его усмотрению, мне же немедля донести с нарочным».²¹⁸

Медицинский штат, обслуживавший семью Александра II, сложился в начале 1840-х гг., когда он пребывал еще в статусе наследника. После того как наследник женился, был образован «Медицинский штат Двора Его Императорского Высочества», в который вошли: доктор И. В. Енохин, доктор Франкенштейн,²¹⁹ лекарь Вележев и лекарский ученик Козьмин.²²⁰ Примечательно, что И. В. Енохин получил должность лейб-медика только после коронации Александра II в 1855 г.²²¹

После смерти И. В. Енохина в 1863 г. за здоровьем Александра II следил лейб-медик Филипп Яковлевич Карелль (1806–1886). Биография лейб-медика не самая типичная для Императорского двора, поскольку Карелль происходил из бедной семьи эстонского крестьянина. Это был человек, который сделал себя сам.²²² Впрочем, своей карьерой Карелль обязан не только успешной медицинской практикой в элитных гвардейских полках, но и близости к лейб-медику М. М. Мандту. Карелль оказался в числе первых слушателей Мандта, когда тот начал читать лекции, популяризируя свою «атомистическую теорию». Рвение молодого врача было замечено и отмечено.

В 1849 г. Николаю I понадобился врач для сопровождения его в поездках по стране. Поскольку Мандт сам частенько болел, то он предложил императору кандидатуру Карелля. Когда Николай I узнал, что его новый врач не немец, а эстонец, то есть уроженец Империи да еще из крестьянской семьи, он принял решение приблизить его к себе, даровав ему в

---

²¹⁷ Енохин Иван Васильевич (1791–1863) – доктор медицины и хирургии, сын священника, учился в Киевской духовной семинарии и академии, в 1821 г. окончил курс Медико-хирургической академии. Сопровождал Николая I в поездках по России в 1827 г. и во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В 1831 г. состоял в Польше при графе Паскевиче. В 1836 г. на медицинском факультете Московского университета получил степень доктора медицины. В 1837 г. включен в штат наследника, будущего Александра II.

²¹⁸ Общая инструкция, данная нам Государем по случаю предпринимаемого путешествия по России в 1837 г. // Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2000. С. 174.

²¹⁹ Бернард Готгард фон Франкенштейн (1809 – вт. пол. 1850-х гг.) – выпускник медицинского факультета Дерптского университета (1829 г.), обучался вместе с Н. И. Пироговым в Профессорском институте Дерптского университета (1831–1834 гг.). Ординатор Ораниенбаумского военного госпиталя (1834 г.), степень медико-хирурга (1836 г.), служба в различных военных госпиталях гвардейских полков. В 1842 г. – старший доктор лейб-гвардии Конно-пионерного эскадрона. Включен в медицинский штат наследника в январе 1842 г. (см.: РГИА. Ф. 522. Оп. 1. Д. 107. Л. 1. Об определении медико-хирурга фон Франкенштейна доктором ко Двору Его Высочества. 1842–1855 гг.).

²²⁰ Там же. Д. 199. Л. 20 об. Об управлении медицинской частью Двора Его Высочества. 1844–1848 гг.

²²¹ РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 754. О пожаловании лейб-медика Енохина в Тайные Советники с переименованием в лейб-медика Двора Его Императорского Величества. 1855 г.

²²² Несмотря на бедность родителей, Филипп Карелль сумел закончить таллинское уездное училище, а затем губернскую гимназию. В 1826 г. он поступил на медицинский факультет Дерптского университета, который окончил в 1832 г., получив степень доктора медицины, и в этом же году начал службу батальонным врачом лейб-гвардии Гренадерского полка, затем работал в госпиталях Гвардейского корпуса. В конце 1830-х гг. его назначили на должность начальника госпиталя лейб-гвардии Конного полка, которым он заведовал до конца жизни.

1853 г. звание гоф-медика.²²³ Ф. Я. Карель сопровождал Николая I в его поездках с 1849 по 1855 г. Буквально в последние недели жизни Николая I Кареля пожаловали должностью лейб-хирурга,²²⁴ а затем, после восшествия на престол Александра II, Ф. Я. Карель занимает должность лейб-медика.²²⁵ Главной его пациенткой стала вдовствующая императрица Александра Федоровна. После ее смерти в 1860 г.²²⁶ лейб-медик Ф. Я. Карель становится домашним врачом Александра II. На этой должности Карель оставался вплоть до гибели императора в марте 1881 г.

---

²²³ Там же. Д. 616. О назначении полкового врача лейб-гвардии Конного полка статского советника Кареля почетным гофмедиком, с жалованьем по 600 руб. и с оставлением при прежней должности. 1853 г.

²²⁴ Там же. Д. 783. О пожаловании почетного гофмедика, доктора медицины, статского советника Кареля в лейб-хирурги Высочайшего двора, с оставлением в Военном ведомстве, но с отчислением от лейб-гвардии Конного полка. 1855 г.

²²⁵ Там же. Д. 800. О пожаловании лейб-хирурга Кареля в лейб-медики. 1855 г.

²²⁶ Период с 1860 по 1862 гг. Ф. Я. Карель провел за границей, что было связано, в том числе, и с его диагностической ошибкой, приведшей к смерти Александры Федоровны.

С. П. Боткин

С 1870 г. домашним врачом семьи Александра II стал С. П. Боткин. Сначала он лечил императрицу Марию Александровну,²²⁷ затем и всю семью Александра II, а впоследствии и Александра III, вплоть до своей смерти в 1889 г.

Придворная служба, безусловно, отнимала много времени от преподавательской деятельности,²²⁸ и «число лекций, прочитанных Боткиным в течение учебного года было очень невелико... не превышало 30, максимум 40... Бывало, открывал курс в начале ноября, а закрывал их (вынужденно) в половине февраля»,²²⁹ но вместе с тем именно придворная служба поста-

---

²²⁷ Там же. Д. 1632. Л. 6. О Всемилоостивейшем пожаловании ординарного профессора Медико-хирургической академии, действительного статского советника Боткина в звание почетного лейб-медика. 1870 г.

²²⁸ С. П. Боткин должен был читать четыре лекции в неделю для студентов 4-го курса Медико-хирургической академии.

²²⁹ Таубер А. Пережитое и передуманное студентом, врачом и профессором. СПб., 1908. С. 126.

вила С. П. Боткина в особые условия и позволила создать терапевтическую клинику, пользующуюся особенными привилегиями (ни в какой иной клинике Академии не числилось столько ассистентов и не было замещающего директора в лице экстраординарного профессора).²³⁰ Ему удалось создать собственную терапевтическую школу, ведущую продуктивную исследовательскую деятельность. Из терапевтической клиники С. П. Боткина вышло 60 докторских диссертаций²³¹ и около 400 научных работ.²³²

---

²³⁰ Там же. С. 123.

²³¹ Боткинская школа, как ни какая, дала множество профессоров медицины для различных медицинских факультетов России: в Варшавском университете стали профессорами Л. Попов, М. Лапчинский, С. Лукьянов, В. Доброклонский, Л. Тугас, Кудревицкий; в Казанском университете – П. Голубев, И. Ворошилов, М. Субботин, Н. Виноградов; в Киевском университете Св. Владимира – В. Покровский; в Харьковском университете – В. Лашкевич, Т. Богомоллов; в Дерптском университете – С. Васильев. Большая часть учеников продолжала работать в стенах Академии в качестве профессоров – Д. Кошлаков, Г. Забелин, А. Полотебнов, У. Успенский, А. Прусак, Л. В. Попов, Чудновский, В. Манассеин, И. Павлов, Н. Соколов, Быстров, Н. Симановский, М. Яновский, В. Сиротинин, С. С. Боткин, Т. Павлов, Н. Чистович.

²³² Павловский Е. Н. Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова за 140 лет. 1798–1938. Л., 1940. С. 20.

Памятник С. П. Боткину перед клиникой Императорской Военно-медицинской академии

Подчеркну, что С. П. Боткин тяготился придворной службой. Пожалуй, во второй половине XIX в. это единственный случай упорного нежелания быть связанным с придворной медициной и постоянных просьб об увольнении с этой должности. 11 ноября 1877 г. С. П. Боткин обратился к графу А. В. Адлербергу с просьбой отпустить его в Петербург:²³³ «Сколько раз вхо-

---

²³³ Тогда шла очередная Русско-турецкая война (1877–1878 гг.), и С. П. Боткин находился в свите Александра II в Болгарии.

дил я к Вам в кабинет с твердым намерением облегчить мое нынешнее положение, и, каждый раз, у меня не хватало мужества сделать признание в моем нравственном бессилии. Измученный окончательно последними месяцами, вчера я решил высказать то, что уже давно сознаю внутри себя, что я не на высоте своего положения. Неся в продолжение пяти лет обязанности лейб-медика, горячо относясь к моему священному долгу, в силу сложившихся обстоятельств, я был поставлен в необходимость расхотаться нравственно и невыполнение других обязанностей, продолжая преподавание в академии, продолжал также заниматься медицинской практикой, случившиеся за это время несчастье в моей семье, устройство новой семьи при целой куче детей от первого брака, наконец, тревоги болезни жены и непрерывные разлуки с женой и семьей – все же, конечно, не могло подействовать на меня благотворно и, в свою очередь, увеличило трату сил. Теперь, придя к горькому сознанию моего бессилия, я решил обратиться к Вам с просьбою, предопределить решение моей судьбы Его Всемиловитвейшим благорассмотрением».²³⁴

Через три дня он писал жене: «Мои нервы слишком натянулись за это время, чтобы сносить далее мое тяжелое положение лейб-медика. Обязанность врача мне никогда не может быть тяжела, но она иногда делалась невыносимой в моем положении. В 45 лет лишиться самостоятельности, свободы действий, отчасти свободы мнений, слушать все, видеть все и молчать – все это не только бесполезно, но и вредно не для одного меня, но и в отношении моего медицинского дела. Пишу об этом слегка: переговорим на словах при свидании».²³⁵ Следствием его настроений была просьба к царю о позволении уехать в Петербург. 16 ноября 1877 г. Д. А. Милютин записал в дневнике: «Вообще настроение у нас в Главной квартире подавленное; никто уже не предается розовым надеждам, и все завидуют доктору Боткину, который прямо объявил, что не в силах далее выносить нашу здешнюю жизнь и отпросился уехать в Петербург».²³⁶

---

²³⁴ РГИА. Ф. 1614. Оп. 1. Д. 218. Л. 45.

²³⁵ Письма С. П. Боткина из Болгарии. 1877. СПб., 1893. С. 370.

²³⁶ Милютин Д. А. Дневник. Т. II. 1876–1877. М., 1949. С. 245.

Лечились ли российские императоры в каких-либо медицинских клиниках

В клиниках императоры не лечились, только дома. Врачи всегда приезжали в те резиденции, где на тот момент находились болевшие цари. Во второй половине XIX в., если возникала необходимость использования медицинского оборудования, то его разворачивали прямо «на квартире» царя. Самый значительный проект подобного рода был реализован в Зимнем дворце в 1876 г. для Александра II, с юношеского возраста страдавшего бронхиальной астмой.²³⁷

Начиная с 1876 г. ближайшее окружение отмечало постепенное ухудшение здоровья царя.

Министр внутренних дел П. А. Валуев записал в своем дневнике в феврале 1876 г.: «Государь мне вчера показался весьма легко утомляющимся и вообще в неблагоприятном санитарном состоянии. Есть минуты почти полного упадка сил. Мне показалось также, что он сам сознает свое состояние, но скрывает это сознание и, быть может, притворяется более равнодушным ко многому, что около него происходит, чем он равнодушен на деле... Он²³⁸ разделяет мое мнение о состоянии государя и говорил, что он простудился в Лисине и вчера во время обеда почувствовал себя так дурно, что был вынужден сесть. Это произвело сенсацию. Естественно».²³⁹

В июне 1876 г. военный министр Д. А. Милютин отмечал, что доктор Боткин намекал ему, что состояние государя может быть обусловлено «...излишествами в отношении к женщинам».²⁴⁰ Отмечу, что императору тогда шел 59-й год и, судя по переписке Е. М. Долгоруковой и Александра II, отношения между ними продолжали оставаться достаточно бурными.

Судя по всему, именно тревожные симптомы в состоянии здоровья подвигли Александра II в сентябре 1876 г. составить завещание.²⁴¹ Тогда же император распорядился и о месте своего захоронения: «Прошу похоронить меня в Петро-Павловском Соборе у ног столь нежно любимой мною покойной дочери моей Александры близ стены... Оставить так же на мне браслет с портретом Лины, который никогда меня не покидал».²⁴²

Ухудшение здоровья императора повлекло за собой попытки использовать новейшие достижения медицины. Сложность заключалась в том, чтобы лечение царя не вызвало общественного резонанса и о медицинских процедурах знало как можно меньшее число лиц. Поэтому для лечения астмы Александра II непосредственно в Зимнем дворце построили «пневматический аппарат (колокол) для лечения сгущенным воздухом», то есть то, что сегодня мы называем барокамерой.²⁴³

Раннюю осень 1876 г. Александр II провел в Ливадии, и, видимо, там состояние его здоровья резко ухудшилось. Поэтому лечение решили продолжить прямо в стенах Зимнего

---

²³⁷ В рабочем кабинете Александра II в Зимнем дворце постоянно находились кислородные подушки, использование которых могло купировать приступы удушья. Об этих кислородных подушках упоминают мемуаристы, описывая смерть Александра II 1 марта 1881 г.

²³⁸ Министр Императорского двора и уделов граф А. В. Адлерберг.

²³⁹ Валуев П. А. Дневник. Т. 2. 1865–1876. М., 1961. С. 343.

²⁴⁰ Милютин Д. А. Дневник. Т. II. С. 51.

²⁴¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 24. Д. 21. Л. 1. О распоряжениях по духовному завещанию в Бозе почившего Государя Императора Александра II Николаевича. 1881–1882 гг.

²⁴² Там же. Л. 2. О распоряжениях по духовному завещанию в Бозе почившего Государя Императора Александра II Николаевича. 1881–1882 гг. Лина – великая княжна Александра Александровна (1842–1849) – была первым ребенком Александра II.

²⁴³ Первый в России прообраз барокамеры – «пнеймокамеру» – построил в 1860 г. доктор А. Католинский, а в 1868 г. французский физиолог Поль Бер усовершенствовал конструкцию, построив котел-барокамеру. Судя по описанию, в Зимнем дворце в 1876 г. построили нечто подобное.

дворца, где соорудили «кислородную комнату». Подобные кислородные комнаты появились в лучших европейских клиниках в начале 1870-х гг. На этот метод лечения, предполагавший помещение больного в комнату с повышенным содержанием кислорода, возлагались большие надежды. Однако впоследствии практика показала сравнительно низкую эффективность подобного метода лечения астмы. Тем не менее история строительства кислородной комнаты в Зимнем дворце является наглядным примером того, как решались подобные проблемы.

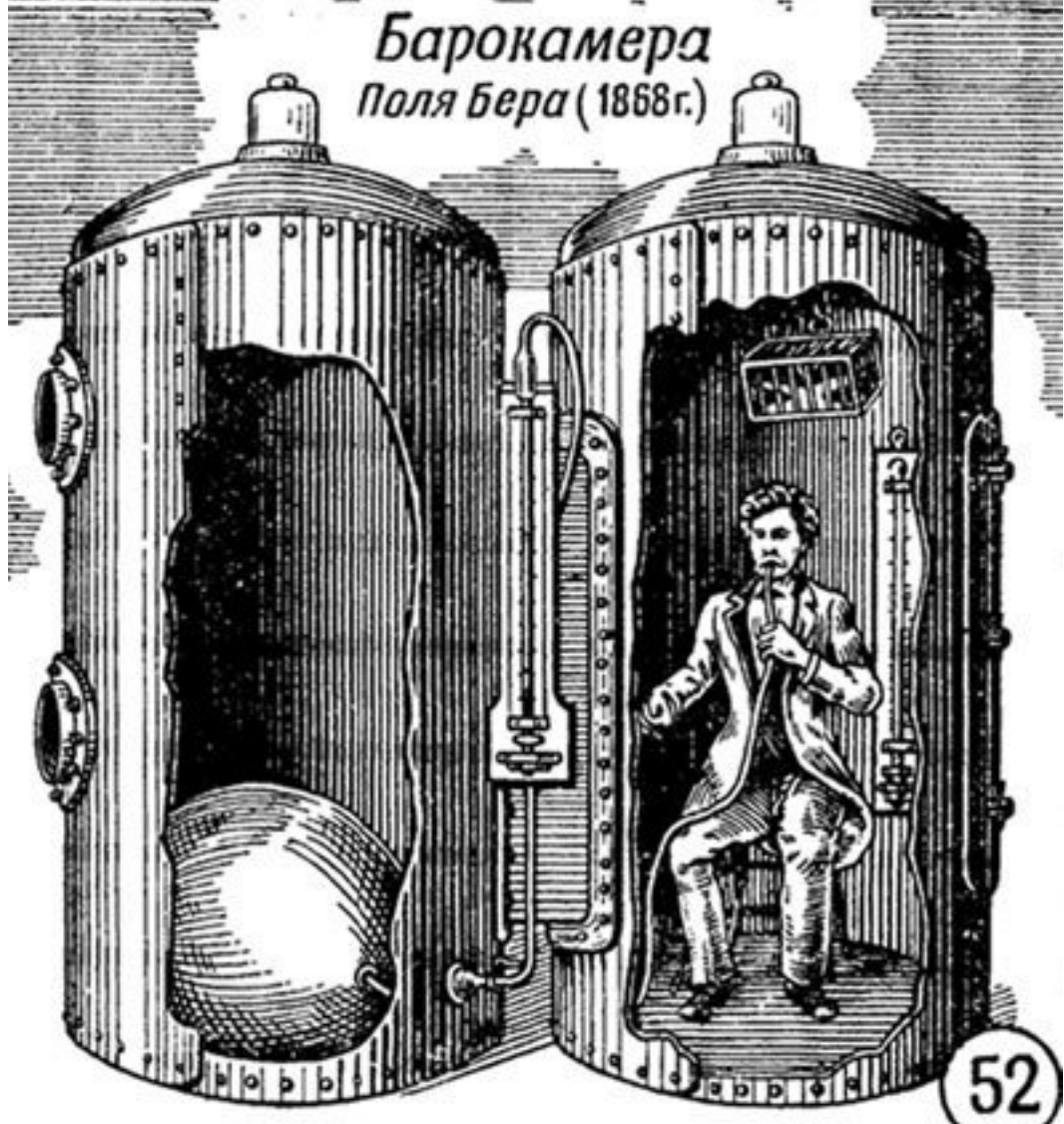
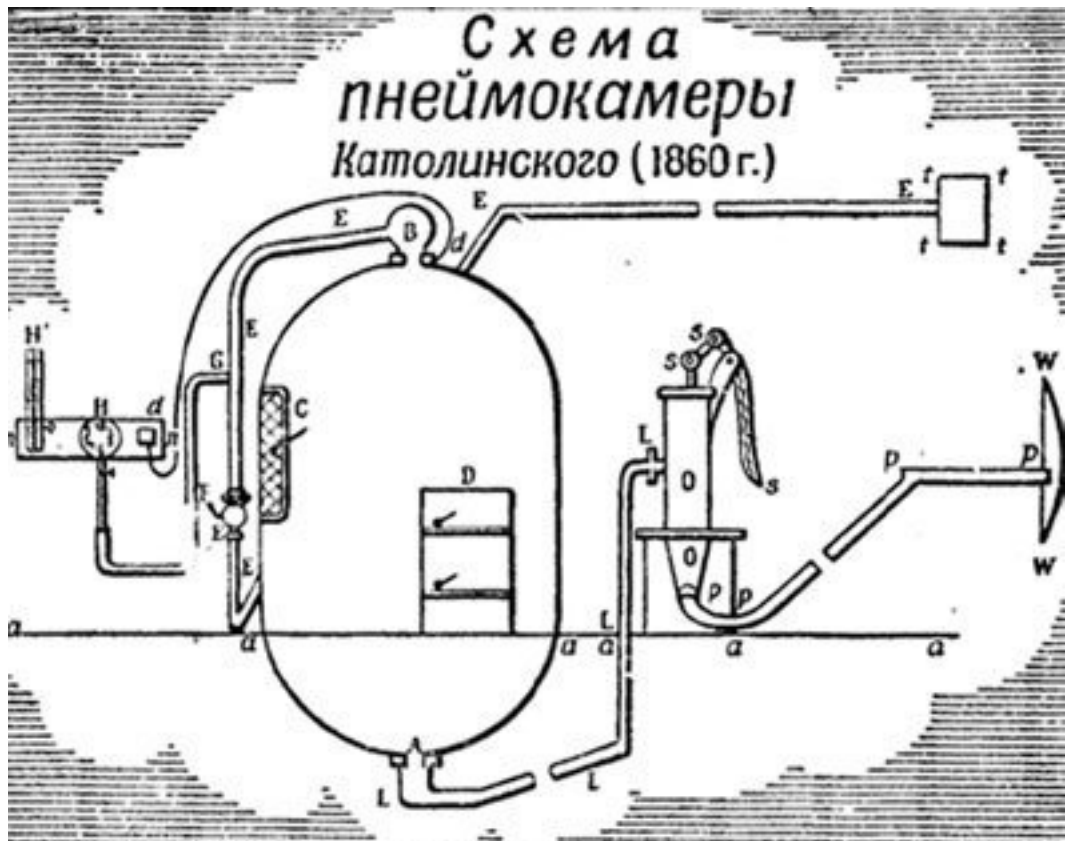
19 сентября 1876 г. из Ливадии в Петербург министром Императорского двора А. В. Адлербергом направляется телеграмма, предписывавшая срочно «приступить к работам по устройству аппарата согласно присланному чертежу».²⁴⁴ В качестве главного подрядчика работ определили давнего и надежного партнера – петербургский завод Сан-Галли.

Строящаяся машина была внушительна и располагалась на нескольких уровнях Зимнего дворца. В подвале установили 15-сильную паровую машину на 4 котла. «Останки» этого механизма сохранились по сей день. Обслуживали паровую машину два машиниста и кочегар. Из подвала протянули трубы в гардеробную комнату Александра II. Именно там для амбулаторного лечения императора смонтировали «пневматическую лечебницу», или «кислородную комнату». Гардеробная комната Александра II находилась в надворной части западного корпуса Зимнего дворца, рядом с камер-юнгферской лестницей, ведущей на антресоль и третий этаж. Ныне это зал № 165 Государственного Эрмитажа.

План Зимнего дворца с отмеченным залом № 165

²⁴⁴ РГИА. Ф. 469. Оп. 11. Д. 225. Л. 1. По устройству в Зимнем Дворце пневматического аппарата (колокола) для лечения сгущенным воздухом. 1876–1881 гг.

Барокамера Поля Бера. 1868 г.

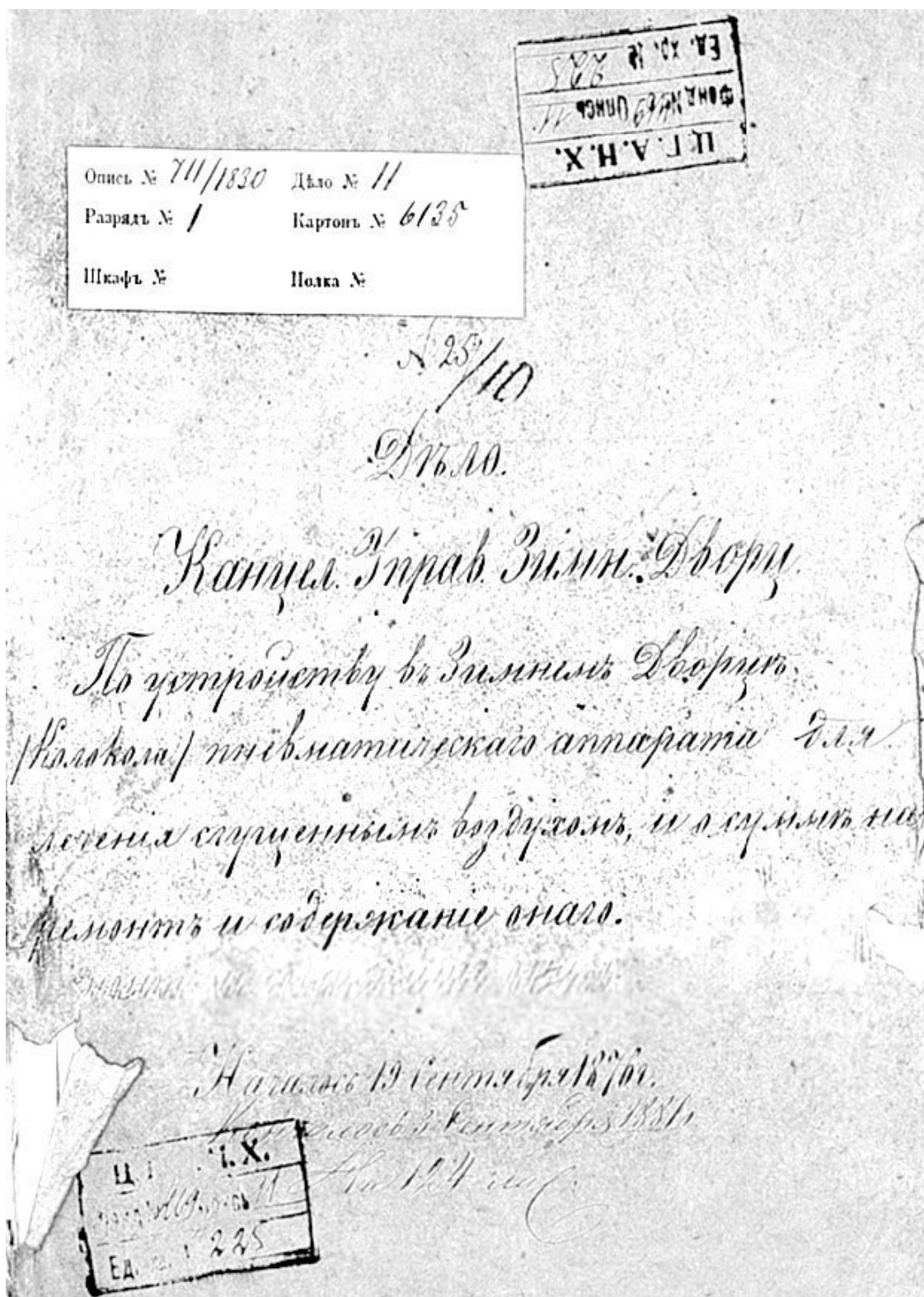
Гардеробную разделили на два помещения. В первом находился металлический цилиндр из котельного железа диаметром около 3 метров. Поскольку «колокол» весил 1609 пудов (25 745 кг), потребовалось заменить деревянные балки на антресольном этаже на балки из рельсов. Внутри цилиндра («колокола») находились столик и диван, стены его оклеили материей. Предусмотрели и средство связи: внутри колокола установили «телеграфный передаточный аппарат».²⁴⁵ Снаружи находился принимающий телеграфный аппарат. Для управления паровой машиной проложили 20-метровую телеграфную линию, соединившую «лечебницу» и машинное помещение в подвале. Другое помещение гардеробной служило тамбуром-входом (шлюзовой камерой) с тремя герметичными дверьми и с механизмом для нагнетания кислорода в колокол.

---

²⁴⁵ Там же. Л. 67.

Э. П. Гау. Гардеробная Александра II

Архивное дело «По устройству в Зимнем Дворце пневматического аппарата для лечения сгущенным воздухом, и о сумме на ремонт и содержание оного»

На 27 ноября 1867 г. было намечено испытание установки в присутствии министра Императорского двора и одного из лейб-медиков. Поскольку завод не укладывался в установленные сроки с монтажом оборудования, то заведующий Зимним дворцом генерал-майор А. П. Дельсаль настоятельно просил хозяина завода Ф. К. Сан-Галли «принять самые энергичные

меры к усилению работ... так чтобы к вечеру 26 ноября было бы все готово».²⁴⁶ 13 декабря 1876 г. все работы по устройству «колокола» закончили. Медики заявили, что они готовы приступить к началу регулярных «сеансов».²⁴⁷ Видимо, император Александр II использовал эту машину вплоть до своей смерти в 1881 г. Трудно сказать насколько она оказалась эффективна, поскольку никаких других документов или мемуарных упоминаний о ней обнаружить не удалось.²⁴⁸

---

²⁴⁶ Там же. Л. 10.

²⁴⁷ Там же. Л. 14. Это была непростая и дорогая работа: общие затраты составили 64 031 руб. 63 коп.

²⁴⁸ После смерти 1 марта 1881 г. Александра II «пневматический аппарат» не только сохранили, но и поддерживали в рабочем состоянии. Последний счет за ремонт агрегата датирован 22 августа 1884 г. То, что колокол сохраняли в Зимнем дворце на протяжении 50 лет, видимо, связано с тем, что Александр III там не жил, а демонтировать машину было дорого и хлопотно. Кроме того, эта машина стала частью мемориальных помещений погибшего императора в Зимнем дворце. Только в середине 1920-х гг., когда Зимний дворец из императорской резиденции превратился в общедоступный музей, пневматический колокол демонтировали (см.: Эрмитаж. История строительства и архитектура зданий. Л., 1989. С. 465).

Кто выполнял обязанности домашнего врача Александра III

Вплоть до начала 1890-х гг. Александр III, будучи здоровым человеком, неоднократно говорил своему окружению, что медицина – «бабье дело». Отчасти это отношение поддерживала и императрица, которая, впрочем, сама внимательно следила за своей внешностью и здоровьем.²⁴⁹ Кроме этого, Александр III, как и его дед Николай I, считал болезнь слабостью, поэтому до последнего старался «переходить болезнь», но не обращаться к врачам. Как вспоминал князь В. П. Мещерский, Александр III «героически выносил самые нестерпимые страдания, ни на минуту не прерывая занятий и даже шутя с собеседниками, но к доктору обратиться для него было мучительнее и тяжелее всякой сильнейшей боли».²⁵⁰

С 1866 и до смерти в 1894 г. у Александра III был только один домашний врач – Густав Иванович Гирш. Г. И. Гирш родился в 1828 г. в Эстонии, в мещанской семье, лютеранского вероисповедания. Родным его языком был немецкий.²⁵¹ В 1848 г. он поступил в Петербургскую Императорскую Медико-хирургическую академию на казенное содержание, которую окончил в 1853 г. После этого началась его карьера военного хирурга. Он служил в разные годы в Костромском егерском и Муромском пехотных полках.

Многолетняя придворная карьера Г. И. Гирша началась в 1855 г., после того как его прикомандировали к гофмаршалу князю Кочубею для сопровождения принца и принцессы Нидерландских. В этом же году начинается его медицинская служба в различных лейб-гвардейских полках: в Конном полку ординатором, в лейб-гвардии Семеновском полку, в лейб-гвардии Гренадерском, в лейб-гвардии Московском.

Г. И. Гирш принимал участие в Крымской войне, участвуя (с 7 мая по 1 августа 1855 г.) в обороне Севастополя. В 1863 г. он был в Польше при подавлении восстания, участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в качестве старшего врача Главной Квартиры Русского отряда, которым командовал цесаревич Александр Александрович. С 1865 г. Гирш стал главным лекарем Красносельского военного госпиталя.

Для своего времени это был вполне квалифицированный врач. Вместе с тем следует иметь в виду, что немалую роль в придворной карьере Гирша сыграл его дядя, лейб-медик Александра II Филипп Яковлевич Карель, по протекции которого он был назначен врачом к наследнику-цесаревичу.

В 1866 г. Гирша прикомандировали к цесаревичу Александру Александровичу, с которым он не расставался до самой смерти Александра III. Официально его статус как доктора наследника цесаревича был закреплен по Министерству Императорского двора 16 сентября 1866 г. с оставлением его в Военном ведомстве. В 1868 г. Гиршу присвоили звание почетного лейб-хирурга Двора Его Императорского Высочества по случаю крещения будущего императора Николая II.²⁵² В 1875 г. Г. И. Гирша пожаловали в лейб-хирурги.

Следует иметь в виду, что должность лейб-медика (лейб-хирурга) было получить весьма непросто. При появлении соответствующей вакансии среди столичных врачей немедленно

---

²⁴⁹ Мария Федоровна каждое утро делала гимнастику и обливалась холодной водой. Даже в зрелые годы она могла сделать переворот через голову, опершись о кресла. Она охотно плавала в море (см.: *Боханов А.* Судьба императрицы. М., 2004. С. 115).

²⁵⁰ *Мещерский В. П., князь.* Мои воспоминания. URL: <http://az.lib.ru>.

²⁵¹ Императрица Мария Федоровна к медикам относилась, в отличие от мужа, с большим вниманием и даже делала серьезные исключения из своих правил повседневной жизни. Например, с лейб-хирургом Густавом Ивановичем Гиршем она говорила на его родном немецком языке, хотя в иных случаях им никогда не пользовалась, недолюбливая немцев.

²⁵² РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1501. Л. 1. О назначении доктора Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича статского советника Гирша, почетным лейб-хирургом Двора Его Величества. 1868 г.

начинались настоящие сражения при поддержке «тяжелой артиллерии» в лице великих князей и самых влиятельных чиновников. Когда в январе 1874 г. умер лейб-медик П. А. Наранович, в Придворную медицинскую часть немедленно посыпались рапорты от уважаемых врачей²⁵³ с просьбами о замещении вакантной должности. В результате, спустя год после смерти лейб-медика, вакантную должность получил Г. И. Гирш: «Высочайшим указом в 13 день сего января, данным при Придворной конторе, почетный лейб-хирург Двора Его Императорского Величества, доктор Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича действительный статский советник Гирш Все милостивейше пожалован в лейб-хирурги Двора Его Императорского Величества».²⁵⁴

Говоря о конкуренции врачей «вокруг тела» первого лица, упомяну, что, когда в начале 1866 г. будущий Александр III заболел тифом, «добрые люди» попытались убрать Г. И. Гирша с его должности, возложив на него ответственность за это заболевание. На цесаревича буквально «напирали со всех, даже с семейных, влиятельных сторон», но будущий монарх «сказал свое решительное слово, и оно было бесповоротно! Все поняли, что он Гирша не выдаст, и что положение Гирша никогда не будет лично поколеблено как человека, быть может, как врача и не искусного, но лично Цесаревичу приятного и верного».²⁵⁵

Такая привязанность цесаревича к Гиршу была связана с твердостью во взглядах на людей, которых Александр III приближал к себе. С другой стороны, цесаревич тогда действительно считал, что сумеет обойтись без квалифицированных медиков, ну а поскольку они были положены по штату, предпочитал иметь рядом лично приятных ему людей. По воспоминаниям С. Д. Шереметева, Гирш был «добряк, хотя себе на уме, он пришелся Цесаревичу по нраву, который ходил с ним на охоту и любил с ним поговорить. Русский немец, практик, конечно, но с добрыми намерениями и чувствами, любил он русскую баню и был приятнейшим спутником, человеком покладистым и приятным».²⁵⁶

После воцарения Александра III Г. И. Гирша в 1883 г. назначили лейб-хирургом его императорского величества с зачислением на службу при Императорской Главной квартире. В феврале 1887 г., через 20 лет после начала службы Г. И. Гирша Александру III, выходец из семьи эстонских крестьян получил потомственное дворянство.²⁵⁷

После смерти Александра III Г. И. Гирш сохранял свою должность вплоть до смерти в 1907 г.²⁵⁸

²⁵³ Например, почетный лейб-хирург главный доктор Царскосельского городского госпиталя Ф. Ф. Жуковский-Волынский 4 января 1874 г. просил «об исходатайствовании зачислением меня в штатные лейб-хирурги на открывшуюся после Нарановича вакансию во внимание к моей 40-летней службе по Придворному ведомству, в том числе более 22 лет, бессменного дежурства во время пребывания Высочайшего двора в Царском Селе». 7 января 1874 г. великий князь Николай Николаевич (Старший) просил за главного врача Мариинской больницы доктора Каде. За него же ходатайствовал лейб-хирург Обермиллер, называвший Каде «лучшим хирургом столицы». Великий князь Константин Николаевич протезировал своему домашнему врачу Биттичу. При этом по старшинству пожалований Гирш занимал вторую позицию после Жуковского-Волынского (см.: РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1808. Л. 5. О смерти лейб-хирурга Двора Его Императорского Величества тайного советника Нарановича. 1874 г.).

²⁵⁴ Этим же указом главного врача Мариинской больницы Каде назначили почетным лейб-хирургом «Двора Его Величества, с оставлением обоих при занимаемых ими ныне должностях» (Там же. Л. 11).

²⁵⁵ Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 447.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ «Определением Правительствующего Сената, состоявшимся 18 ноября 1885 года, лейб-хирургу Двора Его Императорского Величества Тайный Советник Густав Иванов Гирш с женою Мариею и дочерьми Ольгою, Мариею и Анною признан по Всемилоостивейше пожалованному ему 15 мая 1883 года ордену Св. Владимира второй степени в потомственном дворянстве с правом на внесение в третью часть дворянской родословной книги». Описание герба: «В черном щите золотой олень. В горностаевой главе щита лазуревое стропило. Щит увенчан дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: два орлиных крыла, поделенных: правое на черный и золотой цвета, левое на золотой и черный цвета. В середине между крыльями серебряный жезл, который обвивает лазуревая змея с червленными глазами и жалом. Намет: черный с золотом».

²⁵⁸ РГИА. Ф. 479. Оп. 3. Д. 101. Л. 6–33; Оп. 2. Д. 1316. Л. 27–34.

По свидетельству Н. А. Вельяминова, в царской семье Г. И. Гирша любили как человека доброго, покладистого, хорошего и терпеливого, но как с врачом с ним никто особенно не считался; на него смотрели как на старого преданного слугу, больше как на старую удобную мебель, к которой привыкли. Он был очень удобен потому, что никогда не обижался и с консультантами всегда соглашался. Сам император дал ему такую аттестацию: «он знает, когда нужно позвать врача».²⁵⁹ Отзывы современников о Г. И. Гирше в основном подчеркивают его замечательные человеческие качества и невысокую врачебную квалификацию.

Г. И. Гирш (стоит, второй слева) в свите цесаревича Александра Александровича

---

²⁵⁹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 672. Л. 199.

В. Шенгелъ
11 февр. 1887 г.

Утверждено.

136.

В. Шенгелъ

Герб Г. И. Гирша. 11 февраля 1887 г.

Кто еще из медиков был близок к семье Александра III

Такие медики, конечно, были, при этом их профессиональный статус был очень разным: академик и начальник Военно-медицинской академии Н. А. Вельяминов – и простой фельдшер Военно-медицинской академии Х. Н. Чекувер.

Николай Александрович Вельяминов (1855–1920) закончил медицинский факультет Московского университета в 1877 г. Как военный медик Вельяминов участвовал в пяти войнах. Он познакомился с Александром III в 1886 г., будучи консультантом-хирургом в Красносельском военном госпитале во время летних лагерных сборов. Фактически царь сам выбрал и приблизил Вельяминова к себе, так как имел возможность убедиться в преданности и безукоризненной честности этого человека. Н. А. Вельяминова с санкции Александра III назначили инспектором Придворной медицинской части. В 1911–1912 гг. он стал начальником Императорской Военно-медицинской академии, в январе 1913 г. избран академиком. С. Ю. Витте в «Воспоминаниях» доброжелательно отозвался о деятельности Вельяминова в октябре 1894 г., когда в Ливадии умирал Александр III. Он писал: «Кроме Лейдена, который видел его величество не особенно часто, при императоре постоянно был лейб-медик, довольно известный хирург, Вельяминов, теперешний начальник Военно-медицинской академии. К этому Вельяминову император относился очень сочувственно. Вообще у государя к некоторым лицам были особенные симпатии и привязанности, и большей частью в своих симпатиях и привязанностях он не ошибался. Так вот и к Вельяминову император Александр III питал это чувство особой привязанности. Вельяминов постоянно ходил к государю в его помещение».²⁶⁰

В Аничковом дворце постоянно проживал фельдшер Хрисанф Николаевич Чекувер (1831–1888). Когда в 1866 г. формировался придворный штат будущего Александра III, весьма влиятельные генералы Военно-медицинской академии²⁶¹ настоятельно рекомендовали Х. Н. Чекувера на вакантную должность придворного фельдшера. Непосредственный начальник по хирургической клинике Академии докладывал о Чекувере: «Состоя на службе фельдшером 11 год в это время он заведовал сперва терапевтическим отделением проф. Вейса, потом хирургической госпитальной клиникой проф. Заболоцкого, откуда с начала учебного курса 1859 г. перешел в академическую хирургическую клинику, где до сих пор при всех трудных операционных больных находился единственным больничным помощником, сперва у проф. Рклицкого, Беккерса и Фаворского, а потом уже четвертый год при мне... О его опытности и знании дела, по сущей справедливости я могу только сказать, что слишком в 10 лет обширных служебных занятий я не знаю другого фельдшера, кто бы мог воспользоваться таким множеством уроков для практики и притом уроков клинических... что подобного Чекуверу больничного слугу нельзя не ценить во всех ведомствах».²⁶² За 10 лет службы Чекувер получил 11 наград. В ноябре 1866 г. Г. И. Гирш утвердил кандидатуру 31-летнего Х. Н. Чекувера²⁶³ на вакантную должность придворного фельдшера. В 1868 г. Чекувер сдал экзамен на звание дантиста, а в

---

²⁶⁰ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 450.

²⁶¹ Х. Н. Чекувера рекомендовали заслуженный профессор академик И. В. Буяльский и начальник Медико-хирургической академии лейб-медик П. А. Наранович.

²⁶² РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1398. Л. 4. Об определении старшего фельдшера Хрисанфа Чекувера на вакансию лекарского помощника штата Двора Его Величества Государя Наследника Цесаревича. 1866 г.

²⁶³ Х. Н. Чекувер происходил из православной семьи мещан Вольнской губернии. Обучался в Симбирском батальоне военных кантонистов (1848 г.), учился в фельдшерской школе Второго Военно-сухопутного госпиталя (1854 г.), получив звание младшего фельдшера (1856 г.), «за труды по приведению в порядок тела великого князя Николая Александровича на Кронштадтском рейде» в 1865 г. получил подарок.

годы Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) работал в госпитале Красного Креста, который курировала Мария Федоровна.²⁶⁴

Н. А. Вельяминов

Фельдшер Х. Н. Чекувер погиб в октябре 1888 г., во время крушения императорского поезда близ станции «Борки». По свидетельству современников, «это был человек старого пре-

---

²⁶⁴ РГИА. Ф. 479. Оп. 3. Д. 101. Л. 34–43. Императрица Мария Федоровна с 1880 г. являлась высочайшей покровительницей Российского общества Красного Креста, и Х. Н. Чекувер был ее «глазами» на фронте Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.).

данного типа... к которому Государь оказывал более доверия, чем Гиршу, и “в тайне” с ним советовался».²⁶⁵

---

²⁶⁵ Воспоминания С. Д. Шереметева об окружении наследника престола // Источник. Документы русской истории. 1998. № 2. С. 23. В другом варианте воспоминаний: «Был у цесаревича подлекарь, человек глубоко преданный, простой и добряк, по фамилии Чекувер. К нему он иногда обращался «втайне» за каким-нибудь советом или снадобьем. Это тот самый Чекувер, который погиб в катастрофе под Борками. Государь искренно был огорчен его смертью и обеспечил его семью».

Правда ли то, что Александр III был алкоголиком

По прочно утвердившейся в общественном сознании легенде, именно пьянство императора якобы стало причиной его преждевременной смерти. В немалой степени мифотворчеству способствовал роман В. С. Пикуля «Нечистая сила». Этот алкогольный миф своими корнями уходит во времена Февральской революции 1917 г., когда в либеральной прессе началась кампания по дискредитации правящей династии. Проще говоря, ее поливали грязью.²⁶⁶ Тогда и опубликовали откровения начальника охраны Александра III генерала П. А. Черевина, который, действительно, крепко пил.²⁶⁷

В основной же массе мемуарной литературы, изданной как до 1917 г., так и после, упоминаний о пьянстве царя либо нет, либо такие слухи всячески опровергаются. Но, наверное, мы так устроены, что доказать, что ты не верблюд, – самое сложное. Ну и сам образ бородастого, могучего, подчеркнута русского императора хорошо вписался в миф о его якобы алкоголизме...

---

²⁶⁶ В либеральном журнале «Голос минувшего» была перепечатана статья из издаваемой В. Л. Бурцевым в Париже газеты «Будущее» за 1912 г. с воспоминаниями известного физика П. Н. Лебедева. Этот рассказ записал лично Бурцев со слов Лебедева. По словам Лебедева, он познакомился с начальником охраны царя генералом П. А. Черевиним в Страсбурге, где тот гостил у своей сестры, бывшей замужем за одним из профессоров местного университета. Лебедева скучающий Черевин «возлюбил и беседовал с ним много и откровенно». Бурцев подчеркивает, что ему эти сведения были сообщены Лебедевым «тогда же, непосредственно, в половине 90-х годов», и он записал их непосредственно с лебедевского рассказа.

²⁶⁷ Когда генерала спрашивали, пил ли Александр III, он отвечал, что «Государь выпить любил, но во „благовремении“». Он мог выпить много без всяких признаков опьянения, кроме того, что делался необычайно в духе – весел и шаловлив, как ребенок. Утром и днем он был очень осторожен относительно хмельных напитков, стараясь сохранить свежую голову для работы, и, только очистив все очередные занятия впредь до завтрашних докладов, позволял себе угоститься, как следует, по мере желания и потребности... К концу восьмидесятых годов врачи ему совершенно запретили пить и так напугали царицу всякими угрозами, что она внимательнейшим образом начала следить за нами... Сам же государь запрещения врачей в грош не ставил, а обходиться без спиртного ему с привычки, при его росте и дородстве, было тяжело» (см.: Черевин и Александр III // Голос минувшего. 1917. № 5–6. С. 96–99).

Серебряная фляжка Александра III. 1865 г.

Один из современных биографов Александра III подчеркивает, что «Александр III никогда не злоупотреблял алкоголем, а про него пустили сплетню, ставшую непременным атрибутом многих... сочинений. Он иногда выпивал рюмку-другую водки, настойки или наливки, но ни разу в жизни не был пьян. На официальных приемах почти всегда пил шампанское, разбавленное водой. Из всех напитков больше всего любил квас». Очень спокойно пишет об этом один из друзей молодости Александра III – граф С. Д. Шереметев: «Он был воздержан и в питье, но мог выпить много, очень был крепок и, кажется, никогда не был вполне во хмелю».²⁶⁸ Думается, что второе свидетельство ближе к действительности, поскольку все мы, по крайней мере, хоть раз в жизни были пьяны...

---

²⁶⁸ Мемуары графа С. Д. Шереметева. С. 448.

Серебряная фляжка Николая II. 1888 г. «Хорошо подкрепиться вовремя. Мама. Гатчино. 1889»

Пожалуй, наибольшего доверия в этой разногласице заслуживают воспоминания лейб-хирурга Александра III академика Н. А. Вельяминова. С одной стороны, это воспоминания врача, который профессионально разбирался в этих проблемах, а с другой – написаны в 1919 г. в голодной и холодной Москве, когда было уже не столь трепетное отношение к монархам. Он пишет, что «во время болезни Государя распустили сказку, будто Государь очень любил курить и злоупотреблял вином, чем и стремились объяснить его болезнь. Должен сказать, что это совершенная неправда... пил ли он водку за закуской – не помню, кажется нет, а если и пил, то никак не больше одной маленькой чарочки: за столом он пил, больше квас, вина почти не пил, а если пил, то свой любимый напиток – русский квас пополам с шампанским²⁶⁹ и то

---

²⁶⁹ Упоминавшееся несколько раз шампанское Александр III, действительно, любил. Причем именно в его царствование отечественное шампанское марки «Цесаревич» постоянно подавали к его столу. Поначалу качество отечественного шампанского заметно уступало французским образцам, но со временем столь отчетливая разница постепенно стерлась. Хотя периодически «проколы» с отечественным шампанским бывали и в конце 1880-х гг. Так, в июле 1890 г. за завтраком царю подали «шампанское вино, отзывавшееся пробкою. Государь велел переменить поданное вино и при этом заметил, что его следовало бы пробовать прежде, чем подавать...» (Дневник Государственного секретаря А. А. Половцева. Т. 2. 1887–1892. М., 1966. С. 300).

очень умеренно: вечером ему подавали всегда графин замороженной воды и пил такой ледяной воды действительно очень много, всегда жалуясь на неутолимую жажду. Вообще Государь вел очень умеренный образ жизни и если чем-то себе вредил, так это непосильной работой в ущерб сну».²⁷⁰ Если собрать мемуарные свидетельства по этой теме в связи с Александром III, то вырисовывается образ типично русского человека, который время от времени «употреблял», особенно в кругу близких ему людей, но алкоголиком, конечно, не был.

---

²⁷⁰ Вельяминов Н. А. Воспоминания о Александре III // Российский архив. Вып.5. М., 1994. С. 276.

Кто выполнял обязанности домашнего врача в семье Николая II

За 23 года правления Николая II у него было два домашних врача – унаследованный от отца Г. И. Гирш, занимавший должность лейб-хирурга с 1894 по 1907 г., и лейб-медик Е. С. Боткин – с 1907 по 1917 г. Конечно, наличие домашнего врача предполагало приглашение необходимых узких специалистов.

Если говорить о Г. И. Гирше в последние годы его профессиональной деятельности, то старого врача держали, как в дворянских семьях держали на покое старых слуг, ставших почти членами семьи. Гирша только изредка привлекали к его прямым обязанностям, поскольку Николай II и его супруга предпочитали использовать опыт узких специалистов, преимущественно Императорской Военно-медицинской академии. Г. И. Гирш определял гонорары своих коллег, мог порекомендовать того или иного узкого специалиста, он подписывал официальные медицинские бюллетени. В 1900-х гг. Г. И. Гирш воспринимался в обществе как «вечная фигура» придворной медицины.

Когда в 1907 г. Г. И. Гирш в силу возраста фактически не смог исполнять обязанности домашнего врача, некоторое время в этой роли подвизался врач Дворцового госпиталя – Фишер.²⁷¹ Однако в силу ряда причин его придворная карьера не сложилась. И виной тому совсем не его профессиональные качества. Просто императрице требовался другой по складу характера врач.

Что касается Евгения Сергеевича Боткина, то о его медицинской карьере написаны десятки книг. В еще большем числе книг о нем пишут как о верном слуге императорской семьи, разделившим ее судьбу до самого конца... Собственно, именно поэтому Е. С. Боткин, вполне обычный для своего времени врач, остался в памяти потомков.

После смерти Г. И. Гирша в марте 1907 г. должность домашнего врача большой семьи Николая II стала вакантной.²⁷² Вопрос замещения этой должности был весьма непрост. С одной стороны, в медицинской среде продолжалась подспудная борьба между представителями «русской» и «немецкой» партий, а с другой стороны, в самой императорской семье существовали медицинские тайны, носившие политический характер. Поэтому человек, назначаемый на эту должность, должен был быть, безусловно, лоялен по отношению к царской семье.

О накале борьбы «за должность» наглядно свидетельствует письмо старшего врача Гатчинского госпиталя Придворной медицинской части Г. Г. Надеждина, направленное обер-гофмаршалу князю А. С. Долгорукову. Обвиняя инспектора Придворной медицинской части Н. А. Вельяминова в покровительстве «инородцам, особенно жидам», он пишет: «Я знаю, Вельяминов хочет посоветовать Государю лейб-хирурга, на место Гирша, своего протеже шведа Дидерихса, ничем ровно себя не заявившего. Тогда Вельяминов будет еще более властным, и уже без стеснения будет выгонять русских и заменять их жидами и поляками. Ваше Сиятельство! В этом великая опасность для русского дела! Не говоря о том, что влияние инородцев, жидов при Дворе усилится, может быть такой момент, когда это может кончиться страшной катастрофой для Царя, России и для русских! Неужели не возможно найти на эти, в высокой степени важные, посты русских врачей, преданных Царю и Родине? Несомненно, можно и даже должно! Ваше Сиятельство! Вы столь близко к престолу, у Вас обширные связи между сильнейшими

---

²⁷¹ С 11 по 30 ноября 1907 г. Фишер нанес в Александровский дворец 29 визитов, с 1 по 21 декабря – еще 13. На детской половине он побывал 5 раз – всего 47 визитов (РГИА. Ф. 525. Оп. 1. Д. 58. О вознаграждении доктора Фишера за пользование Ея Императорское Величество и августейших детей Их Величеств. 1908 г.).

²⁷² Из дневника Николая II: «Навестили старика Гирша» (12 февраля 1907 г.); «Сегодня скончался здесь добрейший старик Густав Иванович Гирш» (7 марта); «В 9 1/2 были на панихиде по Г. И. Гирше» (8 марта).

русской аристократии: употребите все Ваши усилия, чтобы не совершилось это ужасное по своим последствиям дело». Что любопытно, кандидатом на вакантное место царского врача Г. Г. Надеждин предлагал себя и в качестве одного из аргументов приводил свою черносотенную деятельность: «В частности, я прошу о себе. За мою черносотенную деятельность и направленность, которая, конечно, известна пронырливым жидам, мне грозит серьезная опасность уже не от пули революционера, а от слуги Государя Инспектора».

Окончательный выбор домашнего врача был сделан императрицей Александрой Федоровной осенью 1907 г., когда у нее начались серьезные проблемы с сердцем. Вот как об этом вспоминала С. И. Тютчева: «Ко мне пришла очень взволнованная Анна Александровна Вырубова, впоследствии стяжавшая такую печальную известность в связи с Распутиным. Но в то время я была еще с ней в хороших отношениях. Она сказала мне, что императрица чувствует себя плохо, что к ней необходимо пригласить опытного врача и что она рекомендует Евгения Сергеевича Боткина (сына знаменитого клинициста), лечившего ее за год перед тем от брюшного тифа. „Вызовем его к императрице телеграммой за нашими подписями“, – предложила она. Я ответила, что без ведома и разрешения государя мы не имеем на это права, но что есть другой выход. Пусть Вырубова вызовет его к себе (она жила в Царском Селе), а когда он придет, то спросим императрицу, не желает ли она его принять. Так и было сделано. С тех пор Боткин стал лечить императрицу, а через некоторое время был назначен лейб-медиком. Евгений Сергеевич был, безусловно, хороший врач, опытный и знающий, но ему недоставало твердости и решительности. Когда императрица не хотела исполнять его предписания, он не настаивал, а говорил как многие придворные: „Как будет угодно вашему величеству“».

Сама А. А. Вырубова писала об этом в мемуарах несколько иначе: «Выбор ее (императрицы. – И. З.) остановился на Е. С. Боткине, враче Георгиевской общины, которого она знала с Японской войны, – о знаменитости она и слышать не хотела. Императрица приказала мне позвать его к себе и передать ее волю. Доктор Боткин был очень скромный врач и не без смущения выслушал мои слова. Он начал с того, что положил Государыню на три месяца в постель, а потом совсем запретил ходить, так, что ее возили в кресле по саду. Доктор говорил, что она надорвала сердце, скрывая свое плохое самочувствие».

Е. С. Боткин

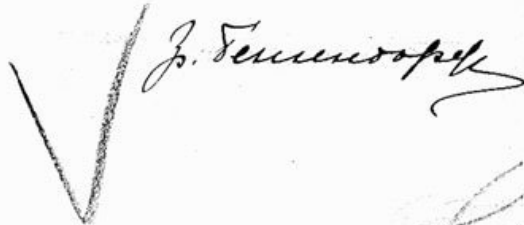
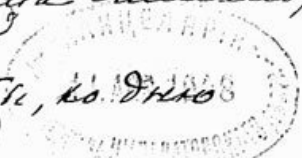
Дочь Е. С. Боткина излагает этот эпизод, определивший всю последующую жизнь и даже смерть врача, следующим образом: «Императрицу Александру Федоровну спросили, кого она желает пригласить, она сказала: „Боткина... Того, который был на войне“».

Надо отметить, что семейный врач был нужен прежде всего императрице, у которой к этому времени накопился ряд хронических заболеваний, и ей требовалось постоянное медицинское наблюдение. В числе прочих протежировала Е. С. Боткину его родственница, фрейлина императрицы О. Е. Бюцова. Николаю II, который физически был очень крепок, видимо, импонировало участие Е. С. Боткина в боевых действиях во время Русско-японской войны (1904–1905 гг.), а также то, что он был сыном знаменитого С. П. Боткина, который лечил царя в детстве и был лидером «русской» партии в медицине. Нельзя сбрасывать со счетов также то, что царь покровительствовал черносотенному движению в России. Видимо, сочетание этих, достаточно разнородных, причин привело к назначению Е. С. Боткина на должность домашнего врача семьи Николая II.

6 апреля 1908 г. обер-гофмаршал П. К. Бенкендорф направил министру Императорского двора В. Б. Фредериксу извещение, в котором сообщал, что императрица «желает, чтобы ко дню Св. Пасхи почетный лейб-медик Е. С. Боткин был бы назначен лейб-медиком, на место покойного Г. И. Гирша». 8 апреля 1908 г. В. Б. Фредерикс наложил резолюцию: «Высочайшее повеление исполнить». Назначение Е. С. Боткина состоялось 13 апреля 1908 г., содержание было определено в 10 000 руб. в год (5000 руб. жалованья и 5000 руб. столовых) при квартирном довольствии. До этого назначения жалованье Е. С. Боткина составляло 2280 руб. в год.

800.
Высочайшее повеление исполнить
В. Б. Фредерикс
Государыня Императрица Александра
8 Апрель 1908
Федоровна Александровна Романовна, ко Дню
Св. Пасхи, Почетный Лейб-медик Евгений
Сергеевич Боткин был бы назначен
лейб-медиком, на место покойного
Г. И. Гирша. -
Целень Ея Величества прилагана мною
дальнейший Вашему Высочествовадущему
П. К. Бенкендорфу
6 апреля
1908 г.

Объявлено в Дворе Им. А. Б.

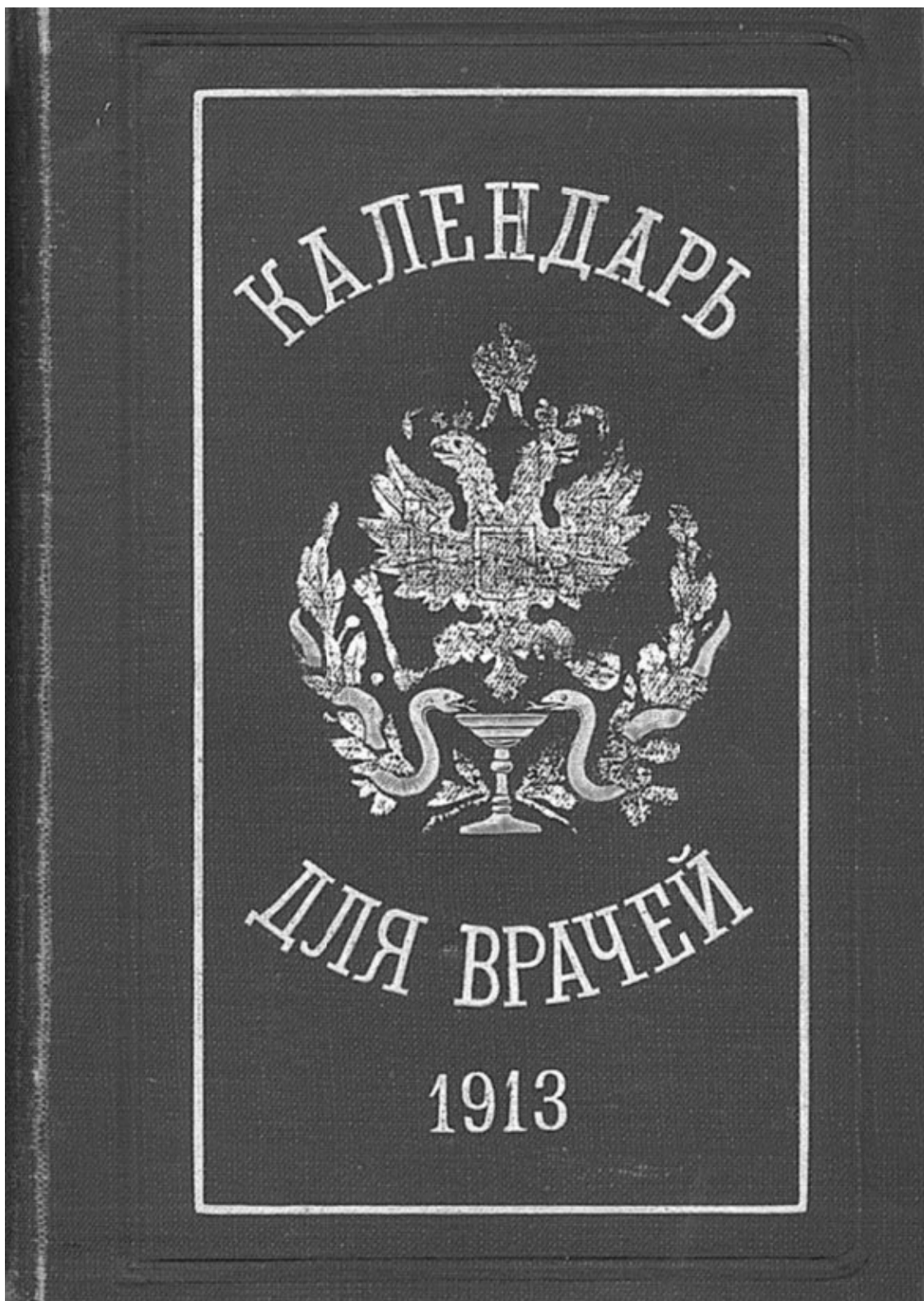
Записка П. К. Бенкендорфа с распоряжением императрицы Александры Федоровны назначить Е. С. Боткина на должность лейб-медика. 6 апреля 1908 г.

Обязанности Боткина сводились к ежедневному контролю за состоянием здоровья членов императорской семьи и, прежде всего, за здоровьем императрицы. «Ее Величество принимала моего отца в начале 10 часа в спальне», – писала дочь Боткина. О том, что Е. С. Боткин «предназначался» для императрицы, косвенно свидетельствуют дневниковые записи Николая

Ц, в которых домашний врач, как правило, фигурирует в качестве спутника императора в его пеших прогулках и купаниях.²⁷³ Впрочем, иногда помощь домашнего врача требовалась и Николаю II: «Утром за чтением бумаг Боткин делал мне массаж левого плеча, у меня сделался прострел» (11 августа 1910 г.).

---

²⁷³ Из дневника Николая II: «...сделав небольшую прогулку, выкупался в бухточке с Боткиным, Саблиным и Ткаченко» (19 июля 1908 г.). Примечательно, что лейб-медик Е. С. Боткин впервые упомянут в дневнике Николая II именно в таком контексте – «выкупался в бухточке с Боткиным».

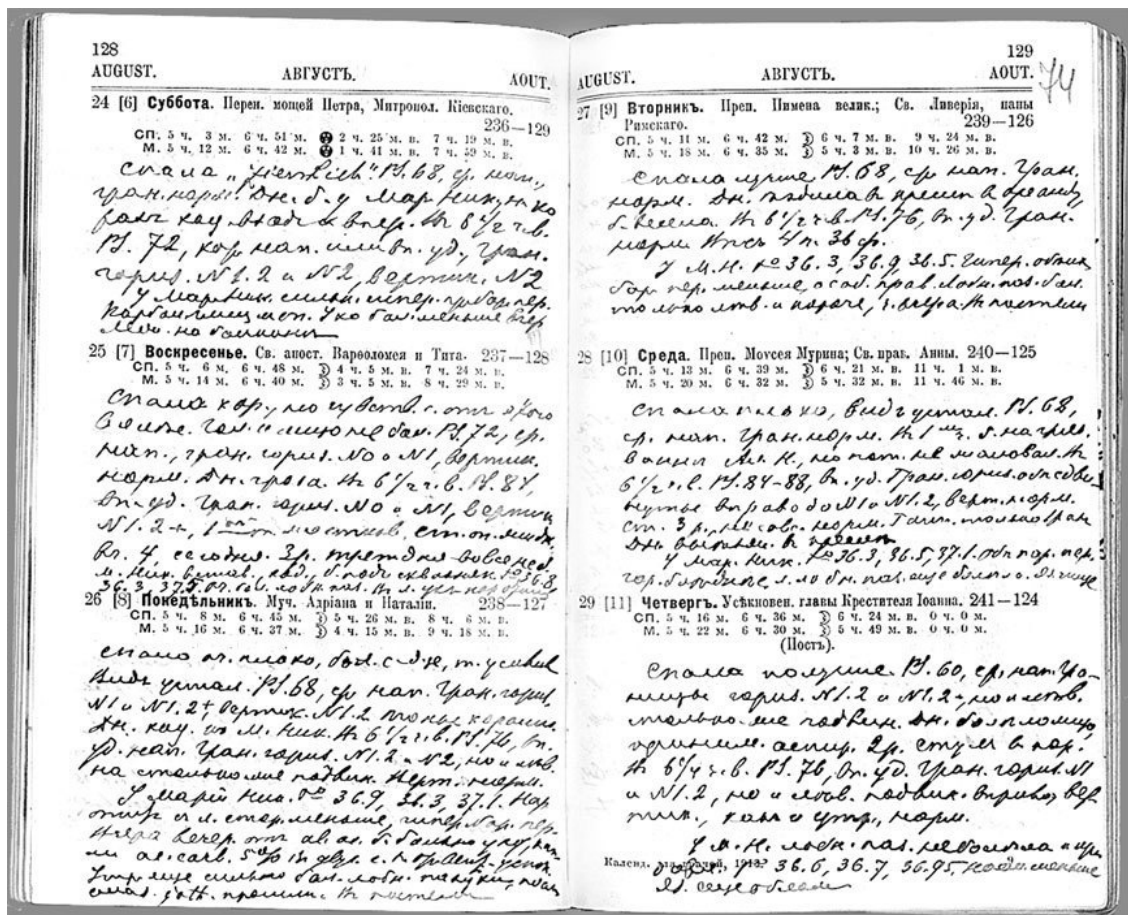

Записная книжка Е. С. Боткина

Несколько слов о предшествующей карьере Е. С. Боткина (1865–1918). Он был четвертым ребенком в семье основоположника петербургской терапевтической школы С. П. Боткина. После окончания II Петербургской гимназии поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, но, проучившись там некоторое время, перешел в Военно-медицинскую академию, которую окончил в ноябре 1889 г. «лекарем с отличием», третьим

в выпуске. В январе 1890 г. Е. С. Боткин стал ассистентом-интерном Мариинской больницы, в конце этого же года перевелся в Придворную медицинскую часть и был отправлен за границу. В 1897 г. он получил звание приват-доцента ВМА и стал сверхштатным врачом амбулаторной лечебницы Свято-Троицкой общины сестер милосердия, сохраняя за собой и должность сверхштатного врача Мариинской больницы. 1 января 1899 г. Е. С. Боткина назначили главным врачом Св. – Троицкой общины сестер милосердия. Императорской семье он стал известен по Русско-японской войне 1904–1905 гг., где в ходе боевых действий проявил себя с самой лучшей стороны.²⁷⁴

Если говорить о каждодневной работе Е. С. Боткина с царственными пациентами, то некоторый материал дает сохранившаяся записная книжка доктора за 1913 г., в которой он ежедневно фиксировал результаты утренних осмотров. Как правило, записи отмечали неважное состояние императрицы: «Спала всего 1,5 часа, хотя ничего не болело» (19 января); «Государь вернулся из Берлина. С утра болела голова, к 4 часам стало так худо, что рвало. Затрудненное дыхание» (13 мая); «Боли в спине и ногах. Спала плохо, все больше на правом боку, очень болел крестец» (28 сентября). Наряду с этим, Е. С. Боткин записывал показания пульса, отмечал тоны сердца и результаты анализов.

Записки с 24 по 29 августа 1913 г. о состоянии здоровья членов императорской семьи

²⁷⁴ Как указано в формулярном списке Е. С. Боткина, со 2 февраля 1904 г. он работал помощником Главноуполномоченного при действующих армиях по медицинской части. На этой должности он находился до 3 октября 1905 г. Е. С. Боткин участвовал в боевых действиях под Вафангоу (1–2 июня 1904 г.); в Ляоянских боях (18–20 августа 1904 г.); в боях на р. Шахэ (28 сентября – 4 октября 1904 г.). За участие в боевых действиях получил: орден Св. Владимира IV ст. с мечами «в воздаяние отличного мужества и самоотвержения, оказанных в делах против японцев 1 и 2 июня 1904 г.»; медаль «за участие в делах на передовых позициях во время Русско-японской войны»; орден Св. Владимира III ст. с мечами.

Е. С. Боткин неоднократно прибегал к горячим грязевым ваннам, которые назначал как императрице Александре Федоровне, так и наследнику. В 1913 г. Александра Федоровна прошла несколько курсов грязевых ванн. Следует подчеркнуть, что грязевые ванны были очень горячими.²⁷⁵ Так, проходя курс грязевых ванн в августе 1913 г., Александра Федоровна с трудом выдерживала по 12–14–17 минут и даже отказалась от одной из ванн. Как следует из записей, после одной из грязевых ванн врач зафиксировал учащение пульса, «малиновое» лицо. После первой ванны императрице стало так плохо, что потребовался холодный компресс на лоб, у неё начались головные боли. При этом в записной книжке Е. С. Боткина описываются тоны сердца, границы сердца, наполнение пульса (то есть подозревается сердечное заболевание), в записях даётся оценка психоэмоционального состояния и ночного сна (однократно назначался люминал).²⁷⁶ В качестве терапии императрица получала гранулы горицвета (адониса).²⁷⁷ На основании вышеизложенного современные врачи ставят вероятный диагноз: истерия, кардионевроз.²⁷⁸

Присматривал Е. С. Боткин и за большим цесаревичем. В записях за 1913 г. отмечаются успешные результаты грязевых ванн «на левое бедро и колено», проведенных в августе 1913 г.

Тогда же, в августе 1913 г., Е. С. Боткину пришлось заниматься дочерью императора. Как следует из записной книжки врача, у великой княжны Марии Николаевны в очередной раз болело ухо, с покраснением барабанной перепонки и болями в лобной пазухе, что характерно для наружного катарального отита, осложнившегося фронтитом (воспалением лобных пазух). В качестве лечения использовался раствор карболовой кислоты в глицерине, закапывавшийся в ухо.

У великой княжны Анастасии Николаевны²⁷⁹ была острая кишечная инфекция, сопровождавшаяся поносом и обезвоживанием. Видимо, обезвоживание организма оказалось настолько серьёзным, что ребёнок принуждён был выпивать 6 1/2 чашек воды (приблизительно 1500 мл) за день. Это называется регидротацией – восполнение жидкости при ее потере.²⁸⁰ Как видим, должность домашнего врача не была синекурой, работы у Е. С. Боткина хватало.

Е. С. Боткин быстро стал своим в семье, его имя постоянно упоминается в переписке царя и царицы за 1914–1917 гг. И если до его назначения к императрице приглашалось достаточно много самых разных медиков, то, начиная с 1907–1908 гг., их визиты носят единичный характер. Приближение Е. С. Боткина к императорской семье повлияло и на его политические взгляды. Лили Ден свидетельствует, что «это был умный, либерально настроенный господин, и, хотя его политические воззрения расходились с идеологией монархистов, он настолько привязался к его Величеству, что позабыл свои прежние взгляды». Протопресвитер русской армии

---

²⁷⁵ Температура грязевых ванн составляла 37–38° по Реомюру, то есть 47–48° по Цельсию.

²⁷⁶ ГАРФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 1. Л. 73 об. – 74.

²⁷⁷ Это кардиотонический гликозид, регулирующий сердечную деятельность, имеющий общеседативное и мочегонное действие. Применяется при хронической сердечной недостаточности и неврозе сердца, кроме того – при повышенной нервной возбудимости и бессоннице, так как успокаивает центральную нервную систему. Остается непонятным сочетание седативной терапии, сердечных гликозидов и заведомо возбуждающих грязевых ванн. Однако имеется методика лечения именно истерии, сочетающая седативную терапию и возбуждающие воздействия одновременно.

²⁷⁸ Врачи Зайцев Андрей Борисович, врач анестезиолог-реаниматолог, врач высшей квалификационной категории; Морозова Наталия Петровна, педиатр, врач высшей квалификационной категории; Пшениснов Константин Викторович, кандидат медицинских наук, врач анестезиолог-реаниматолог, врач первой квалификационной категории, доцент кафедры анестезиологии, реаниматологии и неотложной педиатрии ФПИДПО, ГБОУ ВПО СПбГПМУ.

²⁷⁹ В записной книжке указан вес 11-летней Анастасии Николаевны – 1 пуд 29 фунтов, то есть около 30 кг.

²⁸⁰ Выражаю огромную благодарность врачам, расшифровавшим «докторский почерк» Е. С. Боткина и откомментировавшим его записи: Зайцеву Андрею Борисовичу, анестезиологу-реаниматологу, врачу высшей квалификационной категории; Морозовой Наталии Петровне, педиатру, врачу высшей квалификационной категории; Пшениснову Константину Викторовичу, кандидату медицинских наук, анестезиологу-реаниматологу, врачу первой квалификационной категории, доценту кафедры анестезиологии, реаниматологии и неотложной педиатрии ФПИДПО, ГБОУ ВПО СПбГПМУ.

и флота о. Георгий Шавельский замечает, что при Е. С. Боткине в Ставке не вели разговоров, могущих каким-либо образом задеть царскую семью.

Надо отметить, что и Боткин избегал разговоров о состоянии здоровья своих пациентов, поскольку это была закрытая информация. Начальник канцелярии Министерства Императорского двора генерал А. Мосолов упоминает в мемуарах, что «Боткин был известен своей сдержанностью. Никому из свиты никогда не удалось узнать от него, чем была больна государыня и какому лечению следуют царица и наследник. Он был, безусловно, преданный их величествам слуга». Императрица, в силу особенности своего характера, была «закрытым» человеком и свои личные проблемы не стремилась выносить на всеобщее обсуждение. Она следила за собой, хорошо выглядела, и поэтому ее внешний вид вводил в заблуждение тех, кто не сталкивался с ней ежедневно. Дворцовый комендант В. Н. Воейков, описывая события марта 1914 г., писал, что, «благодаря цветущему виду императрицы, никто не хотел верить в ее болезнь сердца, и острили по поводу этого диагноза над лейб-медиком Е. С. Боткиным».

Правда ли то, что Николая II оперировали после покушения на него в Японии

29 апреля 1891 г. цесаревича Николая Александровича дважды ударил по голове японец-полицейский,²⁸¹ стоявший в оцеплении. Сабля скользким ударом дважды прорубила фетровый котелок на голове цесаревича. Кровь залила рубашку цесаревича.²⁸²

Лейб-медик В. К. Рамбах, сопровождавший цесаревича в путешествии, немедленно промыл²⁸³ и перевязал рану, после чего цесаревича под охраной вывезли на русский корабль, где на обе рубленые раны наложили швы. Японцы вскоре прислали своих врачей, но их не допустили к цесаревичу. На их просьбы осмотреть цесаревича последовал категорический отказ.²⁸⁴ В ходе следствия оказалось, что орудием покушения стала стандартная полицейская сабля, с длиной лезвия около 58 см. Как это ни удивительно, но два удара по голове, нанесенные цесаревичу японцем-самураем, не привели к фатальным последствиям. Обе раны находились на правой стороне головы. После покушения врач эскадры удалил с костной ткани тонкий слой площадью приблизительно семь на три миллиметра. Вторая рана была длиной в семь сантиметров. Кость там не была задета.²⁸⁵

Поскольку произошедшее заняло буквально несколько секунд, то и у самого Николая Александровича не было ясности о произошедшем. В письме к отцу 7 мая 1891 г. он пишет: «На голове у меня оказались две раны, но до сих пор спорный вопрос о том, получил ли я два удара или один, причем сабля соскользнула, не разрешен. На шляпе один разрез, но я потерял ее после первого удара и, по-моему единственного, и затем тот час же выскочил из дженрикши, потому что увидел, что этот замахнулся во второй раз. Самое неприятное было бежать и чувствовать того подлеца за собой... в первую минуту кровь брызнула фонтаном. После обмывки и первой перевязки тут же на улице, кроме головы оказались еще порезанными правое ухо и рука, но это были просто царапины!».²⁸⁶

---

²⁸¹ Расхожее выражение «японский городской» берет начало от этого происшествия.

²⁸² Эта рубашка хранится в Государственном Эрмитаже.

²⁸³ Воду меняли 4 раза.

²⁸⁴ См.: *Акира Есимура*. Цесаревич Николай в Японии: роман. М., 2002. С. 133.

²⁸⁵ Там же. С. 154.

²⁸⁶ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919. Л. 107. Письма великого князя Николая Александровича к Александру III.

Цесаревич Николай на рикше в Нагасаки. 1891 г.

Рубашка Николая II, залитая кровью в Японии в 1891 г.

Сабля «японского городского» и окровавленный платок, со следами крови цесаревича

Таким образом, на голове цесаревича имелись две рубленые раны,²⁸⁷ небольшая рана на правой ушной раковине²⁸⁸ и поверхностно-поперечная рана (длиной около 1 см) на тыльной стороне кисти правой руки, между указательным и большим пальцами.

Произошедшее было серьезным дипломатическим скандалом. В императорском дворце немедленно собралась вся политическая элита Японии. По свидетельству японских исследователей, там царил атмосфера, которую можно охарактеризовать одним словом – паника. Все с трепетом ожидали реакции Петербурга на это событие.

В Петербурге известие о покушении на наследника было получено в тот же день (понедельник 29 апреля 1891 г.) поздно вечером. Причем информация к Александру III поступила из перехваченной телеграммы нидерландского посла в Токио.²⁸⁹ В. Н. Ламздорф немедленно сообщил полученную информацию министру иностранных дел России Н. К. Гирсу. Вслед за этим, через несколько часов, к Гирсу от японского посланника в России поступило официальное сообщение о произошедшем инциденте: «Токио, 8 часов 30 минут вечера 11 мая. На русского наследного принца было сегодня в полдень в Отсу совершено нападение фанатиком

²⁸⁷ Первая рана длиной 9 см на затылочно-теменной части черепа, доходившая до кости черепа. Вторая – длиной 10 см в лобно-теменной части черепа, шедшая параллельно первой и выше нее на 6 см, также доходившая до кости (см.: *Никитин С. А.* «Японский городской». 2006. URL: <http://www.searchfoundationinc.org>).

²⁸⁸ Это рана длиной около 4 миллиметров.

²⁸⁹ В телеграмме сообщалось, что «Великий князь, русский наследник, опасно ранен в лоб сегодня утром в Отсу, поблизости озера Вива, ударом сабли, нанесенным ему в голову полицейским. Подробностей нет» (см.: *Ламздорф В. Н.* *Дневник. 1891–1892.* Academia, 1934. С. 112).

Нигекеном: принцу нанесена была рана в голову. Все подробности еще не получены. Рана довольно серьезна, но наследник находится в полном сознании». ²⁹⁰ Через полчаса после получения этого известия, в час ночи 30 апреля 1891 г., Н. К. Гирс отправил фельдъегеря в Гатчину с полученной информацией к Александру III. И только после этого была получена телеграмма русского посланника в Токио. В ней сообщалось, что «рана до кости, но, по словам наших докторов, и благодаря Богу, не опасна». ²⁹¹

В день покушения в Россию начали поступать депеши, отправляемые из Японии князем В. А. Барятинским, который сопровождал цесаревича в его поездке. В депешах конкретизировалась и медицинская сторона произошедшего: «рана около 2 дюймов длины, кожа рассечена до кости. Опасности нет». И несколько позже пришла вторая телеграмма: «Цесаревич встал сегодня утром, проспав непрерывно 9 часов, температура и пульс нормальны, головных болей нет, ни на что не жалуется... повязка на ране не беспокоит... общее состояние очень хорошо». ²⁹² Позже генерал-майор Свиты князь В. А. Барятинский, отвечавший за безопасность цесаревича, писал Александру III: «На одной из главных улиц, полицейский нижний чин, в форме, внезапно подбежал сзади к экипажу Николая Александровича и нанес ему удар саблею по голове. Цесаревич выскочил вперед к стоявшей толпе; злодей обежал экипаж кругом с видимою целью догнать великого князя. В это время принц Георг и ударил злоумышленника палкою по голове. Николай Александрович стоял посреди улицы, без шляпы, держась правою рукою за голову, из которой сильно лилась кровь: на правой стороне довольно высоко над ухом была, как всем показалось, глубокая рана...». ²⁹³

Официальная информация о произошедшем была опубликована в «Правительственном вестнике» 1 мая 1891 г. Японский император, обеспокоенный случившимся, «почти ежедневно» сообщал по телеграфу Александру III сведения о состоянии здоровья наследника. 19 мая 1891 г. состоялся визит японского императора на русский корабль к Николаю. Это был первый прецедент подобного рода. ²⁹⁴ Николай Александрович, следуя привычке, зафиксировал случившееся в дневнике: «В это время я получил сильный удар по правой стороне головы, над ухом... Рамбах сделал первую перевязку и, главное, – остановил кровь». ²⁹⁵ Позже он так писал об этом эпизоде родителям: «И, держа саблю обеими руками, ударяет меня сзади по голове».

Через несколько лет после произошедшего по Петербургу начали ходить слухи о том, что молодого императора мучают головные боли и причина их – последствия рубленой раны на голове, полученной Николаем II в Японии. Например, А. В. Богданович записала в дневнике в декабре 1896 г.: «Завтракал адмирал Шмидт. Говоря про головные боли, которыми страдает царь, Шмидт сказал, что это явление у царя опасное, что в Японии после сабельного удара у царя было сотрясение мозга и что это никогда не проходит бесследно». ²⁹⁶ Информированный издатель «Нового времени» А. С. Суворин также записал практически одновременно с А. В. Богданович в декабре 1896 г.: «Говорят, что у государя головные боли, что на затылке образовалась шишка вследствие японского удара. Вздор. Государь сегодня был на охоте. Больной он не поехал бы». ²⁹⁷ Не прошли мимо этих слухов и революционеры. В нелегальной революционной прессе эти недомогания отнесены к 1897 г. Лидер партии эсеров В. М. Чернов писал: «В 1897 г. у Николая стали в угрожающих размерах усиливаться головные боли, повергавшие его

---

²⁹⁰ Там же. С. 114.

²⁹¹ Там же. С. 116.

²⁹² Там же. С. 117.

²⁹³ «Нанес удар саблею» // Источник. 1994. № 6. С. 23.

²⁹⁴ Акира Есимура. Цесаревич Николай в Японии. С. 196.

²⁹⁵ Радзинский Э. Николай II: жизнь и смерть. М., 1998. С. 38.

²⁹⁶ Богданович А. В. Дневник. Три последних самодержца. М., 1924. С. 208.

²⁹⁷ Суворин А. С. Дневник. М., 1992. С. 168.

в состояние полной душевной депрессии. Припадки апатии граничили с душевным расстройством. Это были форменные галлюцинации: царь всюду видел паутину, сметая ее...».²⁹⁸

---

²⁹⁸ *Гарденин Ю. (Чернов В. М.) Юбилей Николая Последнего. 1894–1904. Б. м., 1904. С. 16.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.